

Что такое лихтер.

**ТЕРАПЕВТЫ
ОКРУЖАЮЩЕЙ
СРЕДЫ.**

*Из дневников
киноактера
Владислава
Дворжецкого.*

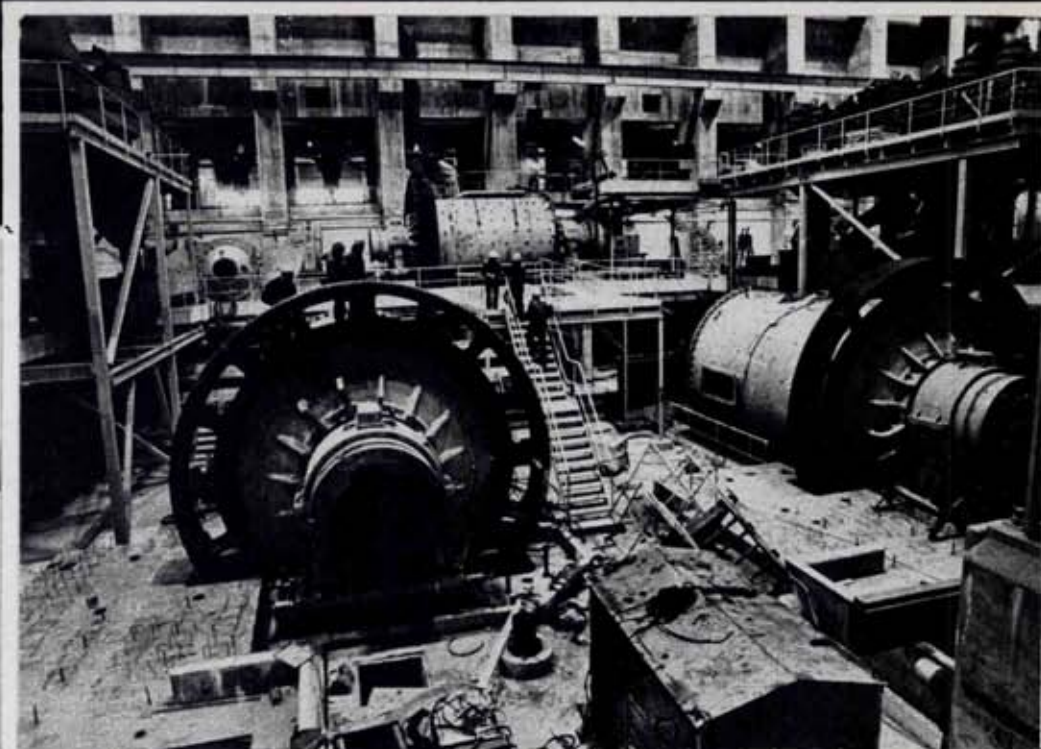
№ 11 (1369) июнь 1984

СМЕНА

ISSN-0131-6556

Андрей ФАРУТИН.

Фото
Сергея ВЕТРОВА

ЮНЫМ БОГАТЫРЕМ
СМОТРИТСЯ СРЕДИ
ВЕКОВЫХ СОСЕН
СОВРЕМЕННЫЙ
ГОРОД.

МОГУЧИЕ «БЕЛА ЗЫ»
ХОРОШО
ВПИСЫВАЮТСЯ
В СУРОВЫЙ ПЕЙЗАЖ
КОСТОМУКШИ.

ПРОЙДЕТ НЕМНОГО ВРЕМЕНИ,
И ВСТУПИТ В СТРОЙ
ЕЩЕ ОДНА ОЧЕРЕДЬ
ГОРНО-ОБОГАТИТЕЛЬНОГО
КОМБИНАТА.

МЕЧТЫ

Этюд о творчестве (акварель)

Город укутала плотная молочная пелена. Косматые клочья седого воздуха парили над озером Контокки, тяжело клубились у земли, скупно отдававшей последнее тепло на исходе короткого карельского лета. Туман поглотил Костомукшу. И казалось, что город остался существовать только на географических картах, отмеченный черным треугольничком близ советско-финляндской границы в Калевальском районе Карелии. А здесь, посреди тайги, его словно и не было вовсе, как действительно не было всего шесть лет назад...

Но город стоял. Жил и работал. Подойдя к окну, Виталий угадывал в утренней дымке спешащие к автобусной остановке тени, испуганно шаркавшие от размыто-желтых огоньков автомобильных фар. Сквозь туман он видел всю Костомукшу. Вернее, просто знал, что там, дальше, есть другие дома, и уже построенные и только поднимающиеся над темными ельниками.

Знал, что еще в нескольких километрах на север, напрягая мышцы машин, ворочается в тайге богатырь-комбинат. Упрямо вгрызается в скалы, раздвигает плечами леса. Вдвигает корпуса своих современных цехов, добывает из недр земных железную руду, творя для людей добро, созидая новь этого древнего края — его, Виталия Добрынина, родины.

Виталий мысленно видел сейчас

свою новую картину, постепенно проявляющуюся на дымчатой пленке холста. Знал уже, какой она будет. Хотя, конечно, изрядно поплутал, пока не нашел верное решение темы. Так плутаешь поначалу на лодке по зябкому предрассветному озеру, внутри его парной и свежей тишины, прежде чем выберешься к знакомому причалу. Но когда уж определишь дорогу, каждый гребок весел, словно мазок кисти, добавляет долгожданные штрихи и краски в очертания выплывающего из тумана берега.

Без плутаний, без долгого, порой мучительного поиска творчество художника немислимо. Вот и эту, столь дорогую его сердцу картину, посвященную им 150-летию со дня первого издания карело-финского эпоса «Калевала», Виталий Добрынин увидел не вдруг, осознал свой замысел не сразу.

Давно уж мечтал он создать живописную руну о родине. Еще с тех пор, как уехал учиться в Ленинград, на художественно-графический факультет герценовского пединститута. Распределился он в Костомукшу — некогда ничем не примечательную деревеньку по соседству с родными местами, нежданно-негаданно прославившуюся на всю страну своей богатейшей железорудной кладовой.

С женой Ларисой приехали они сюда организовывать детскую художественную школу, потребовавшуюся городу-новостройке. Учили детей внимательно вглядываться в мир, чтобы передать в рисунках свое видение окружающего, свое понимание

РУНА О КОСТОМУКШЕ

В ОБРАЗАХ МОЛОДЫХ СТРОИТЕЛЕЙ КОСТОМУКШИ ХУДОЖНИК ВИТАЛИЙ ДОБРЫНИН ВИДИТ ЧЕРТЫ ГЕРОЕВ ДРЕВНЕЙ КАЛЕВАЛЫ.

РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА-СТУДИИ ТАТЬЯНА ЛИТВИНОВА: «БОЛЬШЕ ЖИЗНИ!»

АСУ. СЕРДЦЕ КОМБИНАТА. ПОСТОЯННО В РАБОТЕ.

вершившихся на их глазах событий. И сами жадно ловили, уясняли вместе с учениками суть этих преобразований.

Тогда и вызрела у Виталия идея картины о кровной связи поколений нашего северного народа. «Мой народ — карелы» — так он и назвал ее в рабочем варианте.

А МЫ — МОНТАЖНИКИ.

ЛЕГЕНДЫ

этюд о прошлом (масло)

На полянах Калевалы, в вайнелеских борах песчаных жизнь будил волшебной руной старый мудрый Вайнемейнен. Пробуждался лес от слячки, просыпались птицы, звери, возрождались силы в людях от его великих песен, от чарующих напевов, звуков кантеле родного. Брал кузнец тяжелый молот, раздувал свой горн мехами, добывал из недр железо и ковал на наковальне, вдохновленный руной старца. Из огня рождалась Сампо, чудо-мельница карелов. Из надежд людских на счастье создавал ее кователь, вековечный Илмаринен.

Не сбылись мечты о счастье. У людей украли чудо, заточила Сампо в скалы злая Лоухи-колдунья. Но оно осталось в песнях. И предания народа донесли до нас легенды о предках наших, о величии их мыслей.

И Гомер с лапландских сопок, мудрый Леннрот, их заслышав, Калевалы край объездил и собрал из рун поэму, северную «Илиаду». Но не только песней стала руна о чудесной сказке. В глубине земли былинной корень Сампо отыскался, мощный пласт руды железной. И пришли в леса седые люди нового закала. Горняки взорвали скалы и руками молодыми Сампо в недрах отыскали. Подняли и возродили. И ожившая легенда стала зваться Костомукшей.

ВЗРЫВ

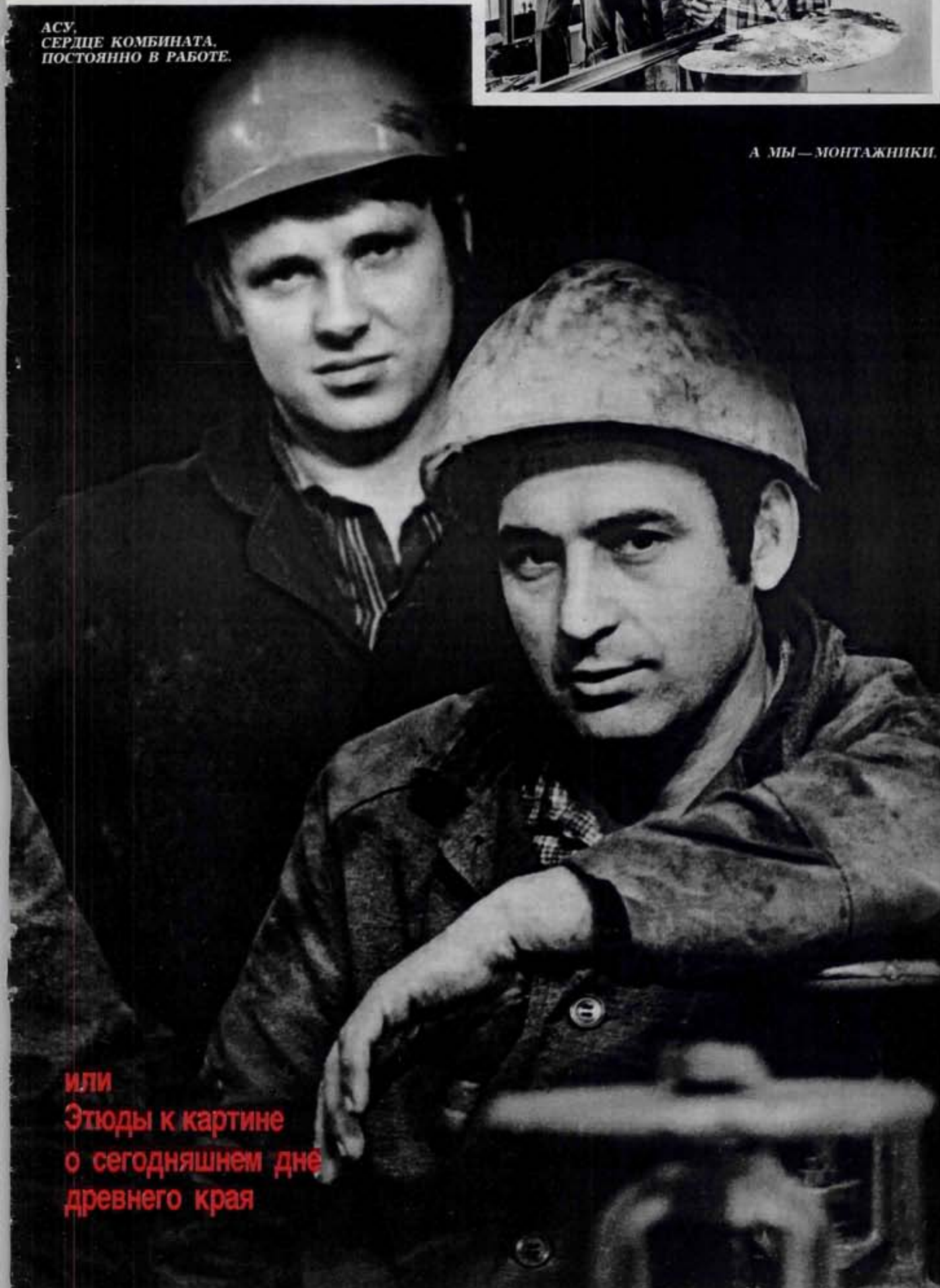
этюд об ускорении (карандаш)

Гром взрыва разбудил задремавшие под снежным пушистым одеялом окрестности. Из проласти карьера вихрем вырвался столб осколков и пыли, расколов онемевшее небо.

«Во трякнуло-то. Красота! Толково, значит, мы зашпурили, — отметил про себя Виктор Почекутов, молодой мастер-бурового участка, член Костомукшского горкома ВЛКСМ. — То ли еще будет, когда придут из Воронежа станки с комбинированным бурением. Эх, скорее бы попробовать их в деле...»

На преддипломной практике Виктор, будучи еще студентом Московского горного института, познакомился с горно-обогачительным комбинатом в Костомукше. Тогда он пробовал на местных породах огневой способ бурения, благодаря которому увеличивается мощность заряда, разрушающего скальные породы. Для Карелии такая методика была в новинку. По дипломным расчетам Почекутова, ее применение в Костомукше

или
Этюды к картине
о сегодняшнем дне
древнего края

Пролетарии всех стран соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.
№ 11 (1369) ИЮНЬ 1984

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Фото
Анатолия
ИОЛИСА.

Наша обложка:
радугой глаз
национальные костюмы,
сшитые в таллинском
объединении мастеров
народных
художественных
промыслов «Уку».

- 1 «РУНА О КОСТМУКШЕ».
Фотоочерк Андрея ФАРУТИНА и Сергея ВЕТРОВА.
- 3 К 185-летию со дня рождения А. С. ПУШКИНА.
Стихи Владимира ГОЦУЛЕНКО.
- 4 «НАЗОВИТЕ МЕНЯ ТЫСЯЧА ПЕРВЫМ...».
Обзор писем-откликов на очерк «Тысяча сыновей».
- 6 ТВОРЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА.
Карем РАШ. «ПОЕДИНОК».
- 9 Рассказ Ксении ВАСИЛЬЕВОЙ «ТОЧКА И НЕДОЛГА».
- 12 «МОРСКОЙ ИЗВОЗЧИК».
Фоторепортаж Алексея ВОРОБЬЕВА
и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14 Стихи Беллы АХМАДУЛИНОЙ.
- 15 Стихи Владимира САВЕЛЬЕВА.
- 16 Генрих ИГИТЯН.
«АКАДЕМИЯ РАДОСТИ».
- 18 ЖИЗНЬ СЕМЬИ. «РАЗГОВОР ДЛЯ ДВОИХ».
- 20 Элла АГРАНОВСКАЯ.
«ТАК СДЕЛАНО, ЧТО ХОЧЕТСЯ КУПИТЬ».
- 22 МИР КАПИТАЛА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ.
Владислав ЧИРКОВ.
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА СОЛНЕЧНОМ ОСТРОВЕ».
- 24 Станислав СЛАВИН. «КАК ЗДОРОВЬЕ, ПРИРОДА?»
- 25 ПУБЛИКАЦИИ «СМЕНИ».
Владислав ДВОРЖЕЦКИЙ. «НАЕДИНЕ С СОБОЙ».
- 29 ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА.
- 30 Леонид МЛЕЧИН. «ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД».
Политический детектив.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ.

Редколлегия: Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК,
А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора),
Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), И. Н. ОРДЖОНИ-
КИДЗЕ, Ю. М. ПОЛЯКОВ, Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБ-
ЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, В. П. СЕРИКОВ,
Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН (замести-
тель главного редактора), В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1984 г.

могло дать в год полумиллионную эконо-
мию. В ГОКе прислушались к мнению
молодого специалиста, защитившего
диплом на «отлично», заказали на Воро-
нежском заводе новые станки, а выпу-
сника института пригласили на постоя-
нную работу.

Он приехал сюда с семьей. Осели
прочно, корни пустили, обжились. Сы-
нишка в детсад бегаёт. Жена учитель-
ствует. Сам Виктор доволен и работой,
и квартирой, и лесным карельским раз-
дольем.

...Стоит Виктор на краю бездны кот-
лована. Уверенно, прочно. Крутит ка-
зацкий ус. меховая ушанка, как папаха,
по-молодечки чуть сбита набекрень,
ватник нараспашку, словно его, разгоря-
ченного работой, вовсе не задирает
мороз. Слово родился он здесь, зака-
лился в огне северных холодов. Моло-
дой покоритель железа... Своего рода
кузнец, наследник былинного Илмари-
нена.

Побывав в этих местах прежде, вы бы
наверняка удивились засасывавшей не-
торопливости здешних жизненных рит-
мов. Люди никуда не спешили, жили в
стороне от больших дорог и линий связи.
Кормились от богатых лесов да скурых
полей. Пахали до седьмого пота. А по
выходным кто баклуши бил, кто горючую
пил, кто песни пел. Всякого хватало. И
писала местная молодежь в газеты о
неустроенном досуге. Зато славились на
всю республику фольклорные группы
местных стариков.

Суровый этот край не баловал моло-
дых ни удобствами цивилизации, ни
перспективой на скорое их получение. И
ветвь жизни здесь потихоньку засыха-
ла. Пустели старые деревни. Подрос-
шие птенцы выпархивали из родитель-
ских гнезд, разлетались по чужим горо-
дам и весям. И редко когда возвраща-
лись домой.

В самую пору встряхнула Калеваль-
ский район стройка Костомукши. Бы-
стро, словно на дрожжах ожидания,
вырос у синего озера Контонки постро-
енный с помощью финских соседей со-
временный город. Вздыбился малиновы-
ми громадами своих корпусов гигант-
комбинат, ставший центром притяжения
свежих молодых сил. Не то что с Каре-
лии, со всего Союза хлынула сюда
молодежь. Только комсомольцы состав-
ляют сегодня шестую часть стремитель-
но растущего населения города, удар-
ной стройки ВЛКСМ.

И отряды добровольцев все продол-
жают прибывать — из Белоруссии и
Эстонии, с Урала, Сибири, Казахстана...
Едут дружными, сплотившимися арте-
лами — однокашники, однокурсники, од-
нополчане...

Весь район, да что район, вся Карелия
напряженно следит сейчас за этапами
костомукшской эпопеи, ориентирующей
экономику традиционно лесной респуб-
лики на служение новой отрасли про-
мышленности — черной металлургии.

— На наш век дел тут теперь хватит.
Чуешь, размах какой? — Виктор кивнул
на дно глубокого карьера, куда величе-
ственными уступами опускался серпан-
тин уже разрабатываемых горизонтов и
где буравило скалы «хозяйство-Почеку-
това». С нашей высоты даже 110-
тонные «БелАЗы» там, внизу, казались
крошечными игрушечными машинками.
А каково же будет, когда карьер достиг-
нет проектных параметров: длины — 3,2
километра, ширины — 1,5 километра,
глубины — 510 метров?!

По преданиям, у чудо-мельницы Сам-
по выросли три корня. Один ушел в
глубь земную, второй — в скалу камен-
ную, третий — в бездну морскую. Лако-
мым кусочком оказался первый коре-
шок. Лишь в Костомукшской аномалии
разведано более двух миллиардов тонн
руды. Второй корень, кстати, геологи
тоже отыскали. Совсем рядом — близ
Карпанги. Чем черт не шутит, может, и
третий в глубь морской где-то действи-
тельно притаился?

Уже разведанных здесь запасов руды
хватит не на один десяток лет. Одно
слово — Магнитка. Карельская Магнит-
ка. Взорвала она дремотные таежные

будни, вдохнула в них стремительные
ритмы ударной комсомольской стройки.

Будни

этиод о настоящем (темпера)

Рокот, дрожь, треск... Вгрызаются в
земную твердь буры почечутовских
станков, будто вторят друг другу: от-
крой, природа, двери своих кладовых!
Пронзают скалы их стальные копы,
оставляя в каменном панцире глубокие
раны шпуров.

— А ну нажи! Эх, дубинушка, ух-
нем! — скалят зубы из кабин своих само-
ходок молодые буровики.

— Сыпь побольше, не жалей.

— Ну жажнет, ну рванет!

Скрежет, скрип, ляг... Глощают раз-
буженную взрывом породу челюсти
могучих экскаваторов, вырывают много-
тонные куски земли, выплевывают их
на спины великанов «БелАЗов».

И неповоротливые самосвалы ростом
с тепловоз отъезжают, фырча дымным
перегаром, втаптывая тяжелыми сапо-
жищами колес черный снег в разбитую
колею. Натужно штурмуют подъемы,
пыхтят на виражах, огрызаются ревом
сигналов.

Грохот, шум, гвалт... Перемальвают
глыбы жернова новорожденного Сампо.
Дрожат, дробят, гребут все новые и
новые порции сырья барабаны дробиль-
ных установок. Передают осколки скал
дальше, на фабрику обогащения. И сно-
ва руда крошится в мельницах, процу-
пывается магнитами, захлебывается в
отстойниках, просеивается в ситах, по-
ка не отдаст людям скрытого в себе
железа.

Жжение, жар, пот... Здесь железная
мука попадает в пекло печи. Жарится в
обжиговой машине фабрики окомкова-
ния, спекается с бектонитом в малень-
кие прочные шарики, более удобные
для транспортировки и использования в
металлургии.

ТРЕЩИНА

этиод о прочности (тушь)

Александр Анкудинов, светловоло-
сый, сероглазый карел, заваривал арма-
туру бетонных перекрытий нового дома.
Улыбался себе, глядя, как рассыпается
фейерверк искр от прикосновения элек-
трода к металлическим прутьям.

За такую вот праздничную искромет-
ность и полубил он свою профессию,
круто изменил привычную жизнь, кото-
рая, как у отца его, раньше была прочно
связана с главным богатством
края — лесом. После ПТУ Саша работал в
Пяозере, северном таежном поселке,
как и Костомукша, построенном при
помощи соседей из Финляндии. Был
слесарем по ремонту автомобилей; вер-
нувшись из армии, переквалифициро-
вался в раскряжевщика, затем учился
по направлению леспромхоза на курсах
сварщиков. Отец, правда, все ворчал:
«Куда ж тебя, Сашка, понесло? Лучше б
я тебя такелажному делу выучил. Про-
фессия нынче редкая. В лесу бы нара-
хват был». Да где там! Обо всем прочем
сын и думать забыл, как стал сварщи-
ком — нашел себя здесь. А поскольку
специальность эта строительная, Анку-
динов-младший, недолго думая, отклик-
нулся на призыв Лоухского райкома
ВЛКСМ поднимать Костомукшу. Так и
попал в состав первого ударного отряда
комсомольцев, прибывшего на ново-
стройку летом 1980 года.

...Сверкающий электрод оставлял за
собой дымящиеся прочные швы. Вдруг
сзади раздался злой голос мастера:

— Крепи без сварки. Дешевле выйдет
и быстрее.

— Да ты что? — возмутился Са-
ша. — Не спичечный коробок ставим. Де-
вятиэтажку! Без сварки перекрытия не
выдержат такую махину.

— А я говорю, выдержат. Крепи! Мне
объект сдавать надо, — отрезал уяз-
вленный начальник.

— Не буду!

Саша не стал, но нашелся среди
строителей человек поуступчивее, по-
боявшийся спорить с мастером. И неиз-
бежное случилось. Дом дал трещину,

дойдя лишь до четвертого этажа. Чтобы заделать ее, пришлось потратить много больше времени, чем выгадал мастер.

По иронии судьбы, как раз в этом доме получило затем квартиру пополнившееся еще одним малышом семейство Анкудиновых. Саша долго еще будет с горечью вспоминать тот случай. Да, сам не стал халтурить, но должен, обязан был и других остановить!

Первых добровольцев в Костомукше ждали не только радости.

Отряд прибыл поздно ночью на автобусах от станции Ледозеро (железнодорожной ветки до города тогда и в помине не было). Встретили ребят с цветами, разместили в удобных бамовских домиках. Утром показали первые улицы, уже отстроенные финскими строителями. Соседи и партнеры из Финляндии свои обязательства выполняли точно в срок, их помощь во многом способствовала скорому развитию Костомукши.

Словом, начиналась биография отряда празднично. А закончилась печально. Затянувшаяся полоса срывов, простоев и штурмов посеяла в душах бойцов неверие в собственные силы, в их надобность стройке.

— На первые авралы все мы шли под музыку, с хорошим настроением,— рассказывали мне девушки-отделочницы из бригады Зинаиды Николаевны Миловой, костяк которой составили оставшиеся в тресте «Костомукшастрой» комсомолки ударного отряда.— Не знали тогда, что вся наша работа будет лишь чередованием простоев и штурмов. Случилось же именно так. То извести не хватало, то краски... То монтажники в доме задерживались, то сантехники... О нас начальство вспоминало, когда приходила пора дом сдавать: жми, мол, теперь на всю железку...

В инфраструктуре северной новостройки, развивавшейся гармонично, наметилась болезненная трещина. Сейчас городу уже не хватает жилья и объектов соцкультбыта, детских дошкольных учреждений и школ...

Потребности молодежного города далеко опередили среднестатистические планы и уж тем паче среднестатистическую действительность. Плюс ко всему в гордией узел противоречий вступили проблемы организации досуга, трудоустройства женщин. Этот клубок по-прежнему испытывает на прочность новую, железную Костомукшу.

НАДЕЖДЫ

этид о будущем (карандаш)

— Каким я вижу будущее нашего города? — Глаза Светланы Суксиной, секретаря Костомукшского горкома ВЛКСМ, мечтательно засветились.— Чудесным... Да-да, чудесным! Несмотря на все существующие проблемы.

Понимаешь ли, создание городского микроклимата сейчас только и начинается. Молодежь только начинает спланиваться в единую силу. Поселок совсем недавно стал городом, а перемены налицо.

Да, у нас масса проблем. Но их переплетение, борьба с ними и есть жизнь. За этой борьбой— нормальный пульс новостройки. Проблемы обостряются, но и одновременно настоящих, сильных ребят задевают за живое. Они сами к нам приходят. Раньше мы до них просто не добивались, не подозревали, сколько их. А их много. Тех, на кого не боязно опереться. Им и быть активом городского комсомола.

Вот, скажем, к нам пришел Боря Петушков, слесарь-ремонтник карьера. Сам пришел. С тем, что наболело. И стал комиссаром оперативного комсомольского отряда дружинников. Боевым комиссаром.

Однажды рейд отряда выпал как раз на его день рождения. Другой бы, наверное, отпросился. А Боря до ночи вместе со всеми дежурил. Так и отметил свой день рождения на боевом посту.

Нам ли с такими ребятами проблем бояться? Окрепнем и размотаем мы все клубки. По ниточке, по узелочку развя-

жем. А нет— так разрушим! Сил хватит.

Больное место— свободное время. Добиваемся открытия молодежного кафе. А то ведь смешно— в молодежном городе молодым и собраться-то негде, вечер вместе провести. Не потому ли многие ребята затворничают, а другие буянят в общежитиях?

Но главный путь сплочения молодежи мы, конечно, видим в укреплении трудовых коллективов, в создании на ключевых участках производства жизнеспособных комсомольско-молодежных бригад. Пока их всего двенадцать. Маловато для города? Согласна. Будет больше. Еще и сквозную молодежную смену по технологической цепочке ГОКа пустим. И среди строителей ударные комсомольские подразделения организуем...

Раз есть люди, на которых можно опереться,— все будет.

РАССВЕТ

этид о весне (акварель)

От резкой остановки вагона Михаил проснулся. Отдернув занавеску, выглянул в окно. Поезд стоял посреди светлого леса, уже умывшегося утренней свежестью и согревавшегося теперь под лучами восходящего солнца. Свет пробивался отовсюду.

Спать уже не хотелось. Михаил взял полотенце и тихонько вышел из купе. В коридоре дымил сигаретой протрезвевший за ночь парень. Из Казахстана, кажется. Ну да, из Рудного. Вчера он разоткровенничался под хмельком, все выспрашивал, можно ли будет купить в Костомукше домик, если возникнут трудности с жильем. И очень удивился, что, кроме временной конторы треста «Костомукшастрой», в лесном городе нет ни одного деревянного здания.

В вагоне ехало еще несколько человек, вызванных на карельскую новостройку по оргнабору. Были среди них и уже опытные, выдавшие виды специалисты— горняки, агломератчики, строители, и совсем еще юные ребята, вместе с паспортами бережно подававшие проверяющим документы, комсомольские путевки.

Припомнив волнение этих парней, Михаил подумал: «Ну, что же, вместе предстоит начинать нам новую жизнь. Посмотрим, сработаемся ли? А сработаться надо. В Костомукше молодежь— ударный кулак, и интересами ее пренебрегать нельзя...»

Долгое время Михаил Пешков работал в карельском комсомоле. Заведовал орготделом обкома ВЛКСМ. А теперь вот ехал принимать орготдел Костомукшского горкома партии.

Вернее не принимать— городские органы в Костомукше только становились на ноги, их работу еще нужно было налаживать, чуть не с нуля начинать...

Комбинат, правда, уже основательно перепахал всю округу, положил начало ее преобразованию из таежного захолустья в современный цивилизованный город. Но это только первый шаг. Отныне одних только производственных успехов ГОКа будет маловато для нормальной жизни людей. Настала, наконец, пора вникнуть и в неразбериху поднакопившихся житейских проблем, решать наболевшие вопросы, прежде казавшиеся мелкими по сравнению с задачей пуска гигантского предприятия. Но вот первая очередь пущена, на подходе вторая. Миллионы тонн костомукшского концентрата питают уже череповецкие домны. И чтобы этот железный поток не мелел, надо подумать о людях, об устоях новорожденного города, о его прочности...

ПОЛОТНО

Заканчивал свою картину и Виталий Добрынин. Теперь все казалось таким простым: родился город— возник замысел картины о нем; окреп, возмужал город— и картина приобрела законченную форму. Картина о прошлом, слитом воедино с настоящим и будущим. О тех, кто делает былью добрые, мудрые сказки этой земли.

К 185-летию со дня рождения А. С. Пушкина

«Духовная жажда» обращает наших современников к Пушкину— в надежде научиться у него понимать и выражать свое время, разгадать тайну его способности «глаголом жець сердца людей». День рождения поэта давно стал

Владимир ГОЦУЛЕНКО

встреча

Тарас Григорьевич Шевченко спешит, спешит запечатлеть невозмутимости оттенки на пушкинском лице. И смерть скорей всего обозначала не преждевременность конца, а лишь бессмертия начало. Стучат скорбящие сердца. И в гнев их время не рассудит, и боль ничем не заглушить. Шевченко Пушкина рисует, как будто крик своей души. Не о такой мечтал он встрече. Не довелось— оборван срок. У изголовья тают свечи, и кем-то найденный дьячок, смиренно разведав ладони, во имя бога и царя загробным голосом долдонит абракадабру псалтыря. Багряный бархат с позументом и черный галстук, тесный фрак. А пьедесталом для поэта надежно служит катафалк. Не божий раб, а сын свободы, себе он верен до конца, и непростительную гордость хранят черты его лица. При жизни названный народным, он, как в доносах, был в долгах.

всенародным праздником. И каждый последующий год— а в этом году исполняется уже 185 лет со дня рождения поэта— не удаляет его от нас, а одаривает новой радостью соприкосновения со светлым гением Пушкина.

Оплачен счет. И свет неровный дрожит на замерших устах. Шевченко Пушкина рисует— так предназначено судьбой. Теперь он знает, чем рискует, отважась быть самим собой. Но, крепостной и самоучка, он был не вправе выбирать. И вот сверкнет свободой случай, счастливый случай, но опять возникнут разные преграды, затмив собою белый свет. Всегда найдутся ангельгарды, коль рядом здравствует поэт. Домой дорогу лишь по звездам искать ему в чужих краях, и окровавленным обозом покажется Чумацкий Шлях. Быть Кобзарем— талант отпущен. Как эта доля нелегка! Он это знает: — Пушкин... Пушкин... Как будто клятву. На века! А Пушкин— бледен и прекрасен, и неразгадан, словно связь между звездой, что погасла, и той, что вслед за ней зажглась.

Чумацкий Шлях (укр.)— Млечный Путь.

Рисунки
Юрия
ИВАНОВА

Курск. К. А. Рябовой. Дорогая Клара Александровна! Пишет вам тысяча первый сын — Коля Сироткин. Не представляете, как меня обрадовал очерк «Тысяча сыновей», до глубины души растрогал. В судьбах мальчишек я нашел самого себя. Если можно, назовите меня тысяча первым. Найдутся другие — не обижусь, что кто-то опередил меня: буду рад очередному брату или сестренке далекой, незабываемой поры. В четырнадцать лет я примерил гимнастерку и шинель, обулся в кирзовые сапоги, в которых прошел от берегов Верхней Волги, от Зубцова до Днепра. Шел вместе с фронтовыми отцами в поту и пыли, видел кровь и смерть. Пришлось мне воевать и на Курской дуге. В нашем полку было пять сынов полка, четверо — Николаи. Судьба разбросала нас по белому свету. Мама Клара, я завидую тем сыновьям полка, которых вы разыскали и сроднили. Восхищаюсь вашим сибирским характером, горжусь, что вы — дочь профессионального революционера.

К этому письму я еще вернусь, а пока взглянем на письмо в «Смену» со штампом музея юных защитников Родины.

«Спасибо, дорогая «Смена», за публикацию очерка «Тысяча сыновей» о детях — маленьких солдатах Великой Отечественной. Двадцатый номер журнала в Курске разошелся за полтора часа, — так написала Клара Александровна Рябова. — К нам в музей продолжают поступать письма фронтовиков, сынов и дочерей полков, партизан и подпольщиков. Передо мною десятки писем из Воронежа и Тюмени, из Ленинграда и Коми АССР, из Петрозаводска и Одессы, из Ростовской области, Орджоникидзе и Свердловска, из Анадыря и порта Находка. Благодаря вашему журналу за короткое время нашлись более двадцати новых юных патриотов».

Я побывала в Курске после публикации очерка «Тысяча сыновей», несколько дней провела в музее юных защитников Родины, вочию убедилась, как растет его популярность.

Утром пришла в музей пораньше. Рябову уже ждали.

— Я Кудеряров Валентин Стефанович, — представился посетитель. — Тоже сын полка. Узнал о вас благодаря «Смене» и приехал специально на один день из Пензы, чтобы познакомиться. Возможно, пригложусь.

Клара Александровна записала адрес гостя, предложила ему заполнить анкету участника Великой Отечественной.

Затем пришел в музей заведующий детским сектором Дворца культуры железнодорожников: «Рядом живу, а узнал о вас из центральной прессы».

Не сговариваясь, одновременно подошли методисты из районных домов культуры, прибывшие в областной центр на семинар: «Нам бы послушать ваши магнитофонные записи да интересно увидеть ваши любительские фильмы...»

Особенно велик спрос на «голос Коли Печененко», человека из легенды. В поселке Артемовка под Харьковом, где живет Николай Фомич, его зовут «наш Микола», намекая на духовное родство с Николаем Островским. Перед его мужеством преклоняются все, кто лично общался с Печененко или видел любительский фильм, снятый во время пребывания в Курске, кто слышал его негромкий, спокойный голос, записанный на магнитофон.

Недавно одно из украинских издательств приняло повесть Печененко «Опаленное детство». Чтобы завершить такой труд, Николаю Фомичу пришлось написать шариковой ручкой, зажатой зубами, семьсот (!) ученических тетрадей...

Письмо Николая Фомича особенно дорого автору очерка: «С искренним уважением к вам Николаю Печененко. Вам удалось отразить судьбы детей войны, но больше всего мне понравились строки о «маме Кларе». Прodelанная ею работа уникальна. Меня называют «человеком из легенды», но справедливо такое определение отнести к К. А. Рябовой. Двадцать лет она упорно ищет детей войны, на примерах их боевой юности воспитывает подрастающее поколение. Спасибо, что вы показали ее такой, какова она на самом деле. Жаль, что мало написали о ее заботах. Ведь все создано ею за счет пенсии. Пока я не увидел музея юных защитников Родины своими глазами, думал, речь идет об обычной комнате боевой славы. А увидел, неловко стало, что все это создано без моего участия».

Да, Николай Фомич своими глазами увидел музей. Хотя он как это непросто для человека, который не может выйти из коляски. В полной неподвижности руки и ноги. И этот несгибаемый человек, привыкший

улыбаться, даже когда не отпускает нестерпимая боль, задумал поехать в Курск. Близкие отказывались его понимать. Зато инженерная мысль работала четко. Вместе с коллегами, товарищами, помощниками Николай Фомич придумывал приспособления к машине, рассчитанные для дальних путешествий. Пробный автопробег он совершил вместе с женой Женей по местам боев. Выдержал испытание — обрадовался: хватит сил и для Курска.

Кинолентка (автор всех любительских фильмов о музее и для музея — Григорий Кириллович Марченко, фронтовик, активный помощник К. А. Рябовой) запечатлела встречу Печененко с воспитанниками нескольких школ-интернатов и средних школ. Он не щадил себя. Клара Александровна сердцем понимала, как нелегко приходилось самому дисциплинированному, собранному и волевому из ее сыновей. Замечала, как Коля украдкой принимал болеутоляющее средство — попыталась вмешаться, оградить его от перегрузок. С какой грустью посмотрел на нее Николай Фомич: «Конечно, я могу послушаться, но если я до сих пор жив, так только потому, что нужен пока людям».

На выступление в «Смене» отозвался и москвич Александр Дмитриевич Кочетов:

«Очерк появился в номере, посвященном 65-й годовщине ВЛКСМ и 66-й годовщине Великого Октября. На торжественном вечере нашего коллектива

«Приношу ветеранскую благодарность редакции журнала «Смена» за публикацию интересного очерка «Тысяча сыновей». Я инвалид второй мировой, всю войну был на фронте и глубоко понимаю актуальность появления подобных материалов на страницах молодежной прессы. Чтение «Тысячи сыновей» мне доставило огромное удовольствие: очерк написан красочно, ярко. Но главное — содержание. В нем поднята проблема большой важности — широкая популяризация материалов о юных защитниках Родины, долгие годы собираемых К. А. Рябовой. Только за это директор музея достоин всяческого поощрения и огромного уважения».

Еще одно признание ветерана — Марии Ивановны Расторгуевой из Подмоскья:

«Я пережила три войны и с особым уважением отношусь к людям, которые воевали, защищали Родину, не щадя своей жизни. Война для всех зло, для детей — особенно. Потому с таким волнением я прочитала рассказ «Тысяча сыновей». Нельзя ли продолжить публикацию в «Смене» волнующих рассказов о сыновьях и дочерях полков, которых разыскала К. А. Рябова».

А вот мнение кандидата педагогических наук, сотрудника НИИ общей педагогики Академии педагогических наук СССР Эммы Михайловны Петровой:

«Очень хорошее впечатление произвел очерк «Тысяча сыновей». Автору удалось показать щедро

Материалы рубрики «Живая память» посвящаются 40-летию Победы, тем людям, которые по строке, по странице воссоздают летопись всенародного подвига в Великой Отечественной войне. Мы вновь обращаемся к читателям с просьбой подсказать редакции их имена и адреса. Ждем ваших писем, друзья!

"НАЗОВИТЕ МЕНЯ ТЫСЯЧА ПЕРВЫМ..."

Обзор писем-откликов на очерк «Тысяча сыновей» («Смена» № 20, 1983 г.)

секретарь парткома ВДНХ СССР зачитал из очерка отрывок обо мне, напомнил, каким трудным оказалось наше военное детство, а закончил словами: «Вот так нам досталась Победа!» Многие в зале не сдержали слез. Я очень благодарен вам за память о моих боевых товарищах. Гвардии рядовой Саша Кочетов».

В почте, адресованной редакции, К. А. Рябовой, Н. Ф. Печененко и мне, автору очерка, немало писем от людей старшего поколения. Занять самую активную позицию в вопросах военно-патриотического воспитания молодежи — этот призыв партии ветераны восприняли всем сердцем.

«Дорогие товарищи! — пишет Александра Степановна Доронина-Быстрова, член КПСС с 1927 года, персональный пенсионер. — Я всем знакомым рекомендовала найти этот номер «Смены». А молодежи это надо сделать обязательно. Я участница гражданской войны, была медицинской сестрой в Первой Конной армии, у С. М. Буденного. Все четыре года провела в седле. Все время в эскадроне, на передовой. Ходили в походы сначала на белополяков, потом — на Врангеля. Прошла весь Кавказ, всю Кубань. Не женское дело — война. Но мы откликнулись на призыв В. И. Ленина: «Отечество в опасности», — не жалели ни сил, ни молодости, многие пожертвовали жизнью и защитили от врагов молодую Республику Советов. Время неумолимо. Из медицинских сестер Первой Конной я осталась одна. Помогаю в военно-патриотическом воспитании молодежи. Ребята одной тульской школы-интерната обратились ко мне с просьбой помочь создать музей Первой Конной. Сделала, что сумела. Сегодняшняя молодежь должна знать, как мы отстаивали свободу Отечества в трудный час».

Мнение участницы гражданской войны разделяет Ким Петрович Васин:

сердце Клары Александровны Рябовой, хорошо понимающей, что память о погибших нужна живым. Продолжая трудиться, бороться, они понимают, что могут и должны воспитывать достойную себе смену. Очерк богат фактическим материалом, что дает пищу для размышления родителям, педагогам-воспитателям, всем, кто не равнодушен к судьбам молодежи, а потому причастен к воспитанию будущего поколения. Очерку предшествует рубрика «Воспитание патриотизма». Только ли о патриотизме говорят новеллы? Люди формируются в мирное время и для мира. Война — экстремальные условия, когда человек поверяется в целом. Все, что в нем лучшее, помогает выжить людям и победить Отечество. Не ради наград воевали и погибали мальчишки, девчонки, наши воины. Не ради личных выгод они самоотверженно трудятся в наши дни. Эгоист-приспособленец мирного времени не может быть героем войны. Жить для Родины — значит жить и для себя. Улучшать жизнь страны — значит улучшать и свою жизнь. Именно в этом заключается гражданская зрелость человека нашего общества.

Только такими мерками руководствовались герои военного времени. Завота об окружающих людях, о стране звала бойцов к подвигам и в конце концов привела и к победе нашей страны... Особенность характера героев — вот что должно интересовать современников, чтобы эту особенность сделать массовой не только в военное, но и в мирное время.

Принято говорить о раннем повзрослении детей военного времени. А не затаялось ли детство современных «тепличных подростков»? Об этом тоже сказано в очерке «Тысяча сыновей». Способны ли наши дети в массовом своем проявлении поступить личными интересами ради общих, отстоять свою позицию, проявить при этом волевые качества? Все ли для этого сделали наша школа и общественность?!

Ребята особенно любят читать книги про войну, о подвигах военных лет, в том числе и о подвигах своих сверстников. Однако эти герои часто остаются для них недостижимыми. Вот почему встречи с живыми героями необходимы детям, чтобы они поняли: эти необыкновенные — обыкновенные люди. Похожей на них может и должна быть наша современная молодежь».

Школьники тянутся к героической тематике, о чем свидетельствует и наша почта.

«Пишут вам члены литературного клуба «Корчагинец» при рыбненской средней школе города Дмитрова Московской области. Мы прочитали в «Смене» очерк «Тысяча сыновей». Благодаря вам шире и глубже стали наши знания о героическом прошлом Родины, о людях сильной воли, с корчагинским характером. Не пришлете ли нам фотографии Жени Лесникова и Коли Печененко? Нашему клубу пятый год. Каждому из нас хорошо известна жизнь Николая Островского. Мы отыскали текст, кто встречался с ним, хлопотали, чтобы одному из теплоходов присвоили имя Павки Корчагина. Есть теперь такое судно — «Павел Корчагин». По поручению детдома Таня Калеченкова».

О почте Николая Печененко можно говорить отдельно. Публикация в «Смене» прибавила ему корреспондентов.

«Уважаемый Николай Фомич! Только что, не отрываясь, дочитал в журнале «Тысяча сыновей», узнал о

необычных судьбах Толи Ткаченко, Васи Хильченко, Жени Лесникова, — отозвался из Смоленска В. Г. Волков. — Ваше детство сродни моему — мне только выпало меньше переживаний. Вы — гордость для современного поколения. Благодаря вам и вашим сверстникам мы отстояли мир. Я желаю одного: пусть наши дети и внуки никогда не знают войны».

К. А. Рябова вовлекла в поиск самых разных людей.

Разыскал ее Михаил Ефимович Озеранер из Ялты: «Только что прочитал в «Смене» очерк о вас, где встретил старых знакомых: Колю Печененко и Сашу Эйхмана. Как член городского правления Общества дружбы с ГДР я выступаю перед туристами ГДР и ФРГ. Не упускаю случая рассказать, как антифашисты спасли Колю Печененко. Нет ли у вас еще подобного материала? Надеюсь, мое письмо найдет вас».

В последнее время находят Клару Александровну письма с пометкой: «Курск, Рябовой». И почтальоны знают, по какому адресу доставлять письма.

«Я, признаться, отделялся поздравлениями к праздникам в музей, — признался Николаю Печененко Петр Сахно. — Ионимаю, как я заблуждался. Готов искупить вину. Как сын полка, предложу «маме Кларе» и ее активным помощникам поездку в Севастополь на 9 мая 1984 года. Готов организовать им ночлег, стать экскурсоводом. Будем называть музей нашим».

Полковник в отставке Михаил Владимирович Головинский из Куйбышева разыскал К. А. Рябову тоже благодаря «Смене»:

«Только что прочитал о вашей благородной работе. Я пишу книгу о пути 248-й стрелковой дивизии, где тоже были сыновья полка. Одного помню: В. Д. Гуцол. Не известно ли вам о нем?»

«Располагаете ли вы сведениями о Мише Романо-

ве? — спрашивает К. А. Рябову краевед Евгений Николаевич Дьяченко из села Ердовка Волгоградской области. — Миша героически погиб в городе Котельниково Волгоградской области. В двенадцать лет он стал партизаном, посмертно награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Хочет быть полезным для курских следопытов Станислав Александрович Штраус-Федоров из города Коврова Владимирской области.

«Уважаемая Клара Александровна! Прочитал волнующий рассказ о тысяче сыновей. Хорошим, очень нужным делом вы занимаетесь. Хочу пополнить экспозицию вашего уникального музея. Но сначала следует узнать, знакомы ли вам имена Жоры Веретенникова, Вити Галенко, Жени Мартыанова, Володи Вологина, Толи Лебедева, Вити Савченко. Все они, живые и погибшие, юнги Черноморского флота. Откликнитесь, и я пришлю вам о них материалы».

На следующем конверте — штамп города Анапы. Автор — художник-оформитель пионерского лагеря «Журавушка» Александр Александрович Терентьев-Подойницын:

«Уважаемая Клара Александровна! Пишу под впечатлением очерка «Тысяча сыновей». Я — бывший сын 761-го ордена Кутузова III степени стрелкового полка из родной мне роты автоматчиков 317-й Краснознаменной Будапештской стрелковой дивизии. Участвовал в освобождении Венгрии, Австрии и

Немало писем пришло от сынов и дочек, разысканных К. А. Рябовой давно. «Привет из Тюмени» — значит, от Александра Эйхмана:

«Мама Клара», только что прочитал о вас в «Смене» (забрал все, что осталось в киосках), многое тронуло, особенно сцена нашего прощания на вокзале. Уходя в вагон, мы старались казаться веселыми, а к горлу комок подступал. Старушка тогда позавидовала вам: «Счастливая». А вам, мама, нелегко — сколько раз сам видел. Спасибо, родная, как много сделали для меня. Душу я только вам открыл. Вы мне так помогли, что я счастлив».

«Спасибо за прекрасный очерк о «маме Кларе», — делится впечатлениями ленинградка Валентина Пономарева-Гладкова. — Вы не представляете, как она много дала в жизни лично мне. Когда нам плохо, мы ищем у нее поддержку. «Мама» лучше нас знает наши характеры. Как бы похотатайствовать насчет увеличения ей пенсии...»

Пенсия у К. А. Рябовой действительно минимальная, с тех пор как после второго инфаркта она ушла на инвалидность, не пересматривалась. Приходится жить скромно, тратя пенсию на общественные нужды. Терпеливый Лев Васильевич взял на себя большую долю домашних забот, не ворчит, что в выходные и в праздники за их столом сидят ее «дети», улыбается, когда его называют «отцом».

«Дорогой Лев Васильевич, — обращается к Л. В. Рябову Николай Печененко. — Спасибо, дорогой, что вы живете жизнью, думами и чаяниями «мамы Клары» и, следовательно, нашей и моей, в частности. Мы делаем одно дело».

Курянин Е. А. Денисов на публикацию в «Смене» прислал стихи, посвященные музею юных защитников Родины, сопроводив их такой припиской: «Дорогая редакция, благодарю тебя за «Тысячу сыновей». Актив нашего музея приложит все силы, чтобы поставить патриотическое воспитание подрастающего поколения на должную высоту».

«Популярность нашего музея растет, — подтверждает сын полка Алексей Дмитриевич Воднев из поселка Золотухино Курской области. — Когда приезжаю в областной центр, Клара Александровна всегда поручает мне провести экскурсию. Сама она много внимания уделяет курсантам ДОСААФ, призывникам. В каникулы у нас собираются школьники из Новосибирска, Свердловска, Ульяновска — словом, со всей страны. Бывали туристы из многих стран социализма, из ФРГ. Недавно лично я занимался с переводчиками Никарагуа. В группе оказался молодой человек, который в тринадцать лет, как и я, воевал на фронте».

«Дорогая Клара Александровна! Радуюсь вашей популярности, — от имени читателей «Смены» поздравил Рябову бывший юнга Северного флота, ныне писатель Виталий Григорьевич Гузанов, которого куряне хорошо знают по книгам и личным встречам. — Вы давно нашли свое место в жизни: сумели поднять на высокую ступень военно-патриотическое воспитание. Пусть же обращение министра обороны Дмитрия Федоровича Устинова к ветеранам Вооруженных Сил вдохновит вас на новый поиск!»

И вновь обращаясь к письму Николая Сироткина:

«Хочу, чтобы в редакции знали: «Смену» читают не только студенты, школьники, рабочая молодежь. Мне, к примеру, 56 лет. Я простой деревенский труженик. Делаю, что от меня зависит, чтобы горожане получали больше хлеба и всякой сельскохозяйственной продукции. Уверен, моему коллективу это удастся. Бригада, которой я руковожу, передовая в совхозе. В прошлом году я предложил перейти на бригадный подряд. С января 1984 года мы работаем по-новому. Иногда человек видит в кино или на экране телевизора чью-то судьбу, похожую на собственную. Нечто подобное произошло со мною при чтении очерка «Тысяча сыновей»: я заново пережил все, что испытал за войну. Спасибо редакции за публикацию».

С уважением. Бывший сын 914-го полка 246-й стрелковой дивизии, ныне ст. лейтенант запаса, бригадир полеводческой бригады совхоза «Десна» Выгоничского района Брянской области Николай Михайлович Сироткин».

Редакция журнала «Смена» и автор очерка «Тысяча сыновей» принимают извинения, что нет возможности процитировать всех авторов писем, откликнувшихся на публикацию. Благодарят за внимание и добрые пожелания: Константина Александровича Плоткина из Орджоникидзе, Александра Петровича Разметайло из Днепрпетровска, Виктора Александровича Рябова из г. Валушки Белгородской области, Нину Сергеевну Луценко из Курска, Ирину Александровну Кочергину из Ленинграда, Нину Федоровну Сухопрудскую из Петрозаводска, Л. Дмитриеву из Харьковской области, группу учителей из Витебской области, юных следопытов из Курской, Московской, Полтавской областей и других...

Клара ХРОМОВА

Курск — Москва

СМЕНА 5

необычных судьбах Толи Ткаченко, Васи Хильченко, Жени Лесникова, — отозвался из Смоленска В. Г. Волков. — Ваше детство сродни моему — мне только выпало меньше переживаний. Вы — гордость для современного поколения. Благодаря вам и вашим сверстникам мы отстояли мир. Я желаю одного: пусть наши дети и внуки никогда не знают войны».

К. А. Рябова вовлекла в поиск самых разных людей.

Разыскал ее Михаил Ефимович Озеранер из Ялты: «Только что прочитал в «Смене» очерк о вас, где встретил старых знакомых: Колю Печененко и Сашу Эйхмана. Как член городского правления Общества дружбы с ГДР я выступаю перед туристами ГДР и ФРГ. Не упускаю случая рассказать, как антифашисты спасли Колю Печененко. Нет ли у вас еще подобного материала? Надеюсь, мое письмо найдет вас».

В последнее время находят Клару Александровну письма с пометкой: «Курск, Рябовой». И почтальоны знают, по какому адресу доставлять письма.

«Я, признаться, отделялся поздравлениями к праздникам в музей, — признался Николаю Печененко Петр Сахно. — Ионимаю, как я заблуждался. Готов искупить вину. Как сын полка, предложу «маме Кларе» и ее активным помощникам поездку в Севастополь на 9 мая 1984 года. Готов организовать им ночлег, стать экскурсоводом. Будем называть музей нашим».

Полковник в отставке Михаил Владимирович Головинский из Куйбышева разыскал К. А. Рябову тоже благодаря «Смене»:

«Только что прочитал о вашей благородной работе. Я пишу книгу о пути 248-й стрелковой дивизии, где тоже были сыновья полка. Одного помню: В. Д. Гуцол. Не известно ли вам о нем?»

«Располагаете ли вы сведениями о Мише Романо-

Чехословакии. Награжден медалью «За отвагу». Сообщаю вам адрес бывшей воспитанницы медсанбата нашей дивизии Босенко Валентины Тарасовны. Она организовала музей и ведет большую военно-патриотическую работу».

Участник Великой Отечественной Иван Кузьмич Пикалов из Алма-Аты узнал о «Тысяче сыновей» из республиканской молодежной газеты «Ленинская смена». И надеется, что К. А. Рябова поможет ему навести справки о родном брате Петре Кузьмиче Пикалове, погибшем в сорок третьем на Курской дуге.

Так волею судьбы еще вчера незнакомые люди включились в поиск и активно помогают друг другу.

Через пятнадцать лет упорных поисков Кларе Александровне удалось разыскать Сережу Белана, ставшего в десятилетнем возрасте сыном полка. Долгожданное письмо прилетело из Симферополя. Полковник, преподаватель Симферопольского высшего военно-политического строительного училища Сергей Павлович Белан взволнованно вспоминает, как встретился с войной десятилетним мальчишкой. Усыновили его бойцы 206-й дивизии в районе Курской дуги.

По-разному сложились судьбы сынов и дочерей полков.

Газоэлектросварщик международного класса Юрий Иванович Жданко прислал из Витебска в Курск такое признание:

«Благодаря вам, дорогая Клара Александровна, я испытал нелегкое бремя славы. По приглашению школьников выступал в школах Башкирии, Белоруссии, Поволжья, Иркутска».

Журналист Вячеслав Шарай из белорусского города Толочина пишет: «Благодаря «Смене» я увидел Клару Александровну впервые — на фотографии. Двадцать лет с ней переписываюсь, а встретиться нам пока не довелось».

ПОЕДИНОК

Однажды, еще десять лет назад, мы одновременно с созданием клуба учредили диплом «За бесстрашие и благородство». Полагая, что в этих словах заключен высший смысл спорта, и не только его, мы относились бережно к этому диплому. В устав клуба даже был включен пункт, по которому обладателем этого диплома мог стать на всесоюзных турнирах не только фехтовальщик, но и представитель другого вида спорта, где есть единоборство. В этом случае он автоматически становился почетным членом нашего клуба. Мы понимали, что, быть может, не так уж много чести быть членом скромной сибирской школы, и готовы были уступить этот диплом Всесоюзной федерации. Только федерации, так как подобный диплом может выдавать лишь федерация, состоящая из общественников, выражая мнение публики, которую мы ждем на трибуне.

Категория качества должна бы стать нравственным климатом нашего спорта, его духом. Наш спорт лидирует на международных аренах. Но только редкая проба победы превращает обыкновенный выигрыш спортсмена в безупречный и несет в себе заряд высокой культуры, которая делает честь стране, его поглавшей.

Спортом занимаются миллионы, а еще больше тех, кто составляет его аудиторию. Если бы имелись призы, отличающие качество побед, они оказали бы обществу неоценимую услугу. Это и было бы дельным, конкретным участием в нравственном воспитании подрастающего поколения, ибо обладатель такого диплома должен добиться не только победы над всеми противниками, но главное — над самим собой. Говорят, это труднее всего на свете.

А разве не для этого мальчик берет в руки оружие?!

Ушел в прошлое дворянский кодекс чести, удар шпаги перестал быть аргументом, способным смыть бесчестье. Но клинки звенят по-прежнему, теперь уже на спортивной дорожке.

В чем сила фехтования? Почему века не смогли заглушить пристрастия людей к холодному оружию, даже когда оно перестало быть смертоносным, когда от него остался лишь символ подлинного оружия, а поединок сохранил только общие черты рыцарского турнира? Почему писателей-романтиков, этих спутников юности, так неодолимо влекли средние века и рыцарство? Не в постоянной ли жажде личного самоутверждения, не в стремлении ли к подвигу истоки этого непоколебимого идеализма?

Поединок с холодным оружием несет на себе печать тех времен, когда война еще не была производством, а оружие — машиной. Когда даже кровавый турнир облекался в праздничные одежды, смерть еще не разлучилась с красотой, идея была выше утилитарности.

Рапира по-французски «fio-ret» — «цветок». «Посмотри, клинок мой — он как стебель розы», — пели солдаты на улицах Парижа во времена д'Артаньяна. И этот «цветок зла» сыграл не последнюю роль как регулятор норм поведения. Не ему ли обязана известная французская учтивость своим возникновением, ведь развязность и наглость могли быть наказаны незамедлительно?

Французское общество, терявшее на дуэлях несколько тысяч дворян в год,

должно было позаботиться о строгом этическом регламенте. Костюм, жест участника турнира должны были свидетельствовать о высоком строе чувств и обязанностях, служить знаком избранности и заповеданного предназначения. Отсюда пришли к нам мундир, герб и церемониал состязаний. Оружие являлось продолжением геральдики — оно было именным. Клинок имел строгое авторство, и чем дороже металл, тем мучительнее рана.

В этой трагедии на тему чести оружие ставило последнюю точку. Рыцарский кодекс требовал умирать красиво, как сейчас мы учим проигрывать с достоинством.

Нормы этики надолго переживают сословия и государства, и не всегда в качестве анахронизма, лучшее навсегда останется в сокровищнице человечества. Мы сегодня объединяем некую сумму нравственных правил с понятием рыцарского кодекса, отдавая дань традиции. Но это всего лишь условность. Рыцари не были авторами всех тех правил, которые теперь им принято приписывать. Мы нередко с понятием рыцарства связываем общечеловеческие законы благородства, существовавшие задолго до появления этого военного братства.

Нет нужды ни преувеличивать, ни преуменьшать значение рыцарства. Нам надо понять, в чем заключается то самообытное начало, которое рыцари принесли с собой в историю. Они подняли понятие о достоинстве человека на невиданную до них высоту, возведя его в абсолют. Впервые в истории, по словам Герцена, «человек научился уважать человека в рыцаре; этого мы им не забудем», и добавлял: «С человеком, который ставит свою честь выше жизни, с человеком, идущим добровольно на смерть, нечего делать: он неисправимо человек».

Греки считали, что честь у гражданина (наличие чести у рабов они не допускали) может отнять только полис. Когда афинский суд приговорил Сократа к смерти за свободомыслие, он спокойно выпил яд цикуты, хотя друзья не раз открывали ему двери тюрьмы для побега. Сократ не бежал. Он считал недостойным свободного гражданина преступать законы вскормившей его республики и предпочел смерть бесчестью.

Римляне высоко ценили воинскую доблесть, но считали дуэль занятием постыдным и приличествующим лишь гладиаторам-рабам. Античный мир мог принять поединок только между городами-государствами, которым древние как бы препоручали и свою жизнь и свою честь.

Суровые эдикты и ордонансы монархов не смогли в свое время остановить пагубной эпидемии дуэлей в Европе. Цвет дворянства погибал на поединках. Франция первенствовала. Петр Первый, перенимая европейские обычаи, запретил дуэли, хотя в России их и не было. Русское общество тогда плохо представляло себе, о чем идет речь, на запрет не обратили внимания, и XVIII век прошел спокойно. Наступил век XIX.

Французская революция и последующие войны всколыхнули Европу. Наполеон был разбит. Молодая русская армия возвращалась домой хмельная от побед, гордая своей миссией. Победоносные битвы, восторженный прием в европейских столицах, триумф в Париже — все это зарядило русских офицеров новой энергией.

Тон задавала гвардия. Дуэли были запрещены, а значит, вдвойне привлекательны. У барьеров офицеры демон-

стрировали (так им казалось) новый, более высокий строй чувств.

Поединок как способ защиты чести и достоинства стал неотъемлемой частью жизни русского дворянства. Ни в одной из литератур герои не встречаются у барьера так часто, как в русской — ведь она отражала реальности бытия. Действительно, вспомним: на дуэли едва не встретились вожаки двух течений русской мысли — «западник» Грановский и славянофил Хомяков, великие русские писатели Тургенев и Толстой. Грибоедов отделился на дуэли простреленной рукой, и благословим промах декабриста Якубовича, его соперника.

За пятилетие Россия лишилась на дуэлях двух своих светочей, Пушкина и Лермонтова. Какая страна в Европе платила такую страшную дань поединкам во имя чести?

Еще раз проклянем дуэль. Но дабы быть справедливыми до конца, вспомним, что к барьеру выходили не классики, а живые люди. Они вряд ли были только жертвами сословных предрассудков. Думать так — значит принизить их светлый и трагический образ, значит извратить самую суть того, что они утверждали жизнью и подтверждали смертью, а именно: красоту человеческого достоинства. Они умерли, как жили, и погибли, как бойцы. Оставим же за ними право на бой и право выбора, ибо быть «невольником чести» — высокий человеческий жребий.

«Поединок» Куприна был написан тогда, когда русский император не только снял запрет с поединков, но специальным указом в конце прошлого века сделал их обязательными для офицеров, заявив, что не потерпит в своей армии ни того, кто нанес оскорбление, ни того, кто не смел это бесчестье оружием. Это была запоздалая попытка взбудоражить армию — авангард угасающего дворянства. Но приказ драться только подтвердил то, что дуэль исторически обречена. Куприн доказал это. Поединок принял характер кровавый и казенный. Так прошли дуэли через одно столетие нашей истории.

Поединки, как уже было сказано, связаны с рыцарским кодексом чести. Сегодня мы в слово «рыцарь» вкладываем не социальный, а нравственный смысл (когда В. И. Ленин хотел в емкой формуле выразить суть облика своего неистового соратника Ф. Дзержинского, он назвал его «рыцарем революции»).

Современные дуэли кончатся рукопожатием. И, обучая мальчика искусству владения холодным оружием, мы надеемся приобщить его к красоте. Мы не склонны приносить лучшее его годы жизни в жертву такой химере, как добытие уколов по расписанию спортивных календарей. Потому что натаскивание есть нечто противоположное подлинному мастерству. Мы хотим объединить поединок с нравственностью неразрывно. Пусть это и прозвучит парадоксально, но мы недостаточно консервативны. Боясь прослыть таковыми, мы готовы потакать любым сомнительным нововведениям, лишь бы носитель их почаще употреблял слово «прогресс» с наукообразной фразеологией.

Жизнь будет меняться. Эволюция остановить нельзя — это верно. Но развитие идет только в единстве изменчивости и постоянства, а не в шараханье из одной крайности в другую. Постоянство — это символ, это верность традиции, и корням, и родным сокам. Это, наконец, территориальный императив. Императив — это дисциплина, а без последней не бывает благородства. Благородство есть система нравствен-

ных запросов, исключаяхих вседозволенность и произвол. Теряем ли мы на этом пути что-либо? Разумеется, теряем. Расстаемся с экзистенциально развязанным пупком и слезливой свободой воли. Рыцарственность, перед которой мы все преклоняемся, будем помнить, есть прежде всего добровольная нравственная дисциплина. Мы первая в мире спортивная держава, а чтобы продолжать быть первыми в практике, надо лидировать и в теории. Осмыслить критически свой путь на вершине успеха — залог завтрашней победы. Только в каждодневной неудовлетворенности собой мы можем с достоинством встречать олимпийский огонь.

Как-то в Крылатском на финале первенства Москвы по фехтованию среди мужчин мне довелось быть единственным зрителем этого довольно-таки масштабного турнира. Унылое это зрелище — пустые трибуны в большом и холодном зале, вялый голос по микрофону судьи-информатора и бесцветные поединки. А что касается соревнующихся мужчин, так это были шестеро юношей, которым только около двадцати.

Даже изредка вспыхивающие перебранки между участниками и судьями, столь печально характерные сегодня для фехтования, протекали на сей раз без азарта, вяло и были как бы данью привычке. Спор быстро затухал, на трибунах ни души, и апеллировать было не к кому. Выбывшие из турнира участники быстро упаковали баулы и давно уже перебрали свой недобрый километр, согнувшись от леденящего ветра, мимо безлюдного канала к автобусной остановке. Несколько безучастных тренеров, ностальгически вздыхавших в углу зала о былых временах, только подчеркивали картину общей апатии.

Схожая ситуация была на первенстве ВЛЦПС в Ленинграде. Соревнования проходили, кстати, тоже на окраине города. Организаторам нельзя в данном случае отказать в «здоровом смысле». И в самом деле, участники ведь дорогу найти обязаны, а другим все одно дела нет до наших соревнований. Приходилось видеть такие же соревнования по боксу и борьбе в самых разных городах. Они не производили впечатления турниров, полных риска и неизвестности, а были, скорее, тихими просмотрами для специалистов.

Ценность даже дорогостоящих всесоюзных турниров теперь упала, так как место в сборной скорее решается на многократных прикидках с головоломной бухгалтерией очков. На изматывающих, добавим, прикидках, при закрытых, по существу, дверях.

А в былые времена на первенстве Ленинграда, помнится, судьи шикали на вездесущих подростках из фехтовальных школ, выгоняя их на трибуны. Участники приглашали своих друзей и девушек, и, по оценке вахтерш, эта галантность была особенностью фехтовальных соревнований. Приходили знатоки, которые тут же узнавали, разумеется, всех. Нет-нет да и появлялся, волоча за собой потертанный баул с оружием, какой-нибудь инженер или врач под радостные возгласы присутствующих. Он всем своим видом давал понять, что его рано списали и кое-кому сегодня придется туго. И хотя и он и присутствующие знали, что в данном случае ему не суждено пробиться в очередной круг, это никого не огорчало, и прежде всего самого хозяина выдавшего виды баула. Он был вместе со всеми на этом празднике, и это чувство сопричастности ему дороже победы. Фехтование никогда не являлось массовым зрелищем, но

свою публику соревнования собирали.

Атмосфера таких турниров напоминала сборы товарищей по оружию, встречи друзей и единомышленников. Активисты, знатоки, болельщики создавали ту животворную среду, где мастерство находило немедленный отклик. Существовало то, что теперь называют «обратной связью». Артистизм вознаграждался публикой немедленно. В самом деле, попробуйте заставить певца петь в пустом зале, да не один раз. Отсутствие зрителя — это смерть зрелища. В отношении искусства это вряд ли кто-нибудь будет оспаривать, но и спорт не зрелищен, разве что во время утренней физзарядки.

Появившись нынче на соревнованиях даже недавний чемпион мира, желая выступить, на него посмотрят, как на ненормального. А если он скажет: «Хочу поступать для здоровья», — ему никто не поверит, потому что для здоровья, отвечая ему, есть группы здоровья.

А что касается юношей, так до 18 лет они не смели и мечтать о взрослых турнирах. Молодых готовили исподволь и бережно. Эта мудрая предосторожность, как подтвердила практика, была залогом их будущего спортивного долголетия.

Мы теперь все время спешим, не успев расчехлить оружие, мчимся на новые соревнования. За короткую передышку только и успеваем, что дать несколько торопливых уроков, и вновь в дорогу. Потом новое выбивание справок, оформление заявок, освобождение от школы, очередь в кассу и опять калейдоскоп матчей, сборов, чемпионатов. И все это важное, все идет в зачет. В памяти у ребят только и остается, что суতোлка вокзалов, предстартовая лихорадка раздевалок, усталость после боев и развороченный номер в очередной гостинице. Горе тому, кто выйдет из этой гонки, как говорится, «его поезд уйдет».

Ученики получают небольшой репертуар приемов, известную натасканность, а остальное — за счет молодости

и жажды побеждать. Кроме денег на питание, да суточных, да командировочных, подавай нам теперь лайнер, надо ведь быстро обернуться, пока в школе или в вузе не хватились. Первенство родного города или зоны — это теперь не масштабы в наш век скоростей. Благо, что государство денег на спорт не жалеет. Вот мы и носимся от Сибири до Прибалтики со своими еще не оперившимися бойцами.

Родители рады: сын пристроен и свет увидит. А он, кроме зала, кстати, ничего не увидит. А как же школа? «Не беда, нагонит», — говорят. Что же думают сами ребята?

Вот они-то как раз и не защищены. У них нет еще иммунитета, нет взвешенной расчетливости взрослого, который знает, на каких соревнованиях отдать все силы и на каких поберечь себя. Ребята отважно кидаются на все турниры и отдают себя до последнего, без остатка. Ресурсы же молодости, которые мы бездумно сжигаем, не неисчерпаемы, как и те суммы, в которые нам обходятся эти соревнования.

Не слишком ли мы расточительны, когда гоним вал и часто в ущерб качеству? Мы хотим чемпионов сейчас, немедленно, а на поверку теряем именно чемпионов, да еще подлинных. Потому что из-за непродуманной гонки сходят преждевременно с дистанции ветераны, а бедный репертуар молодых приводит их к ранней усталости и апатии на самом пороге зрелости. Как часто одаренный юноша в преддверии больших побед вдруг сникает и уходит из спорта. Так ли это «вдруг»? Выдерживают одиночки, спору нет, да только имена их что-то стало все труднее запоминать — уж очень быстро они нынче сменяют друг друга.

У кого будут учиться молодые, если на дорожке все реже и реже можно увидеть «освищенных саблями» ветеранов? А ведь их опыт бесценен и несет в себе воспитательный заряд.

Оставим сейчас в стороне чуждые нам нравы профессионального спорта.

Но, скажем, разве не ощутили вы обаяния мужественности и силы, когда в канадской хоккейной команде дрались плечом к плечу отец и сын? И хоть тяжело дышали порой ветераны, не они ли показывали молодым, как надо сражаться до конца? По нашим меркам их ветераны — это безнадежно пожилые люди. Спорт — удел молодых, это верно, но не менее верно то, что без ветеранов спорт теряет более существенное качество — зрелость, значит, достоинство, иными словами, существенную часть своей нравственной основы.

Когда мы говорим, что без прошлого невозможно осмыслить настоящее и постигнуть будущее, это не риторика. Эта истина не только злободневна, но и всемогуща. Когда забываешь о ней, она мстит разрушительными последствиями. Это не громкие слова. И для маленькой школы где-нибудь в Поволжье или Сибири, как и для общества в целом, живая и неразрывная связь поколений — залог здорового развития. И молодая поросль, и среднее звено, и ветераны требуют к себе одинаково чуткого и бережного отношения.

Но что-то уж больно кудрявым становится наш спорт. Пьедестал — это не гимнастика. Здесь виртуозным соскоком, подвальной прыжком, ничего не добьешься. В бою нужна скорее львиная хватка, нежели юношеская прыть. Если завтра та же гимнастика будет состоять из 12—14-летних сверхвиртуозных девочек, то вызывает сомнение, будет ли она, лишившись обаяния женственности, по-прежнему обладать той же притягательной силой для широкой публики. По крайней мере в нашем случае потеря мужественности отталкивает от фехтования даже традиционных зрителей. То, что люди склонны отдавать предпочтение взрослым соревнованиям перед юношескими, — правило, общее для всех видов спорта. Никакая цирковая изоцирковность детей не спасает, и если омоложение в плавании и гимнастике — процесс

необратимый, то нет никаких оснований переносить это на игры, единоборства и подавляющее большинство других видов спорта.

Когда иные приходят в умиление перед молодостью участников, трудно разделить с ними этот восторг. Напрасно думают, что спорт призван выявить только безграничные физические возможности человека. Во-первых, и силы, и возраст не безграничны ни в ту, ни в другую сторону. Даже когда оптимисты доберутся до детских яслей, им все равно придется остановиться на этой границе, поскольку следующие еще не народились. Во-вторых, эта точка зрения вредна по сути, ибо она сужает функцию спорта в нашем обществе.

Наступил момент открыть тайную мечту нашу. Этой идеей мы живем уже давно, вынашиваем ее и только не знали, как практически к ней подойти.

Когда-то до войны, когда культ узкой специализации еще не носил самодовлеющего характера, фехтовальщик мог участвовать в соревнованиях на всех видах холодного оружия. Именно это позволило Владимиру Вышпольскому стать двадцатикратным чемпионом страны на всех видах холодного оружия. Участвуя тогда наши спортсмены в международных турнирах, еще неизвестно, кто считался бы сейчас лучшим фехтовальщиком всех времен. Видеть Вышпольского и его сверстников на дорожке еще в 50-х годах было истинным удовольствием. Эти бойцы с седыми висками были просто великолепны. А какое они демонстрировали уважение к оружию, какая этика, какая подчеркнутая эlegantность была в их боевой манере! Молодежь проходила у дорожки академию фехтования. Участие во всех видах программы дало им глубокие и многогранные познания в фехтовании. Не зря лучшие тренеры страны вышли из этой плеяды фехтовальных энциклопедистов.

Сейчас наши бывшие чемпионы, уходя из большого спорта порой еще полными сил, уносят с собой, по сути, бесценный капитал знаний, навыков, опыта, капитал, который остается втуне и угасает, не принося той пользы молодежи, которую мог бы дать. А не возродить ли нам на новом витке турниры на звание абсолютного чемпиона страны на всех видах холодного оружия? Пусть в этих турнирах участвуют только бывшие чемпионы страны и мира. На их профессиональном уровне они одинаково хорошо владеют всеми видами оружия. Пусть эти турниры проходят каждый год одновременно с официальным первенством страны, чтобы участники их видели наших прославленных ветеранов. Убежден, что большинство ветеранов отнесутся к этому с воодушевлением.

Соревнования эти были бы раскованными и праздничными. Каждый фехтовальный город посчитает за честь собрать у себя снова наших чемпионов. Пусть судят такие соревнования сверстники Вышпольского, а проводит их Федерация фехтования.

Вот первый шаг, думается, к восстановлению связи поколений. Можно еще много написать об этом турнире, но пусть лучше это сделают ветераны, если идея придется им по душе.

Лейтмотив тренерских жалоб — отсутствие тяги к спорту среди подростков. Но дети не стали ленивее или хуже. Отнюдь. Мы сами, во-первых, часто лишаем их соревнования праздничности и игры. Во-вторых, сделав акцент на омоложение, мы, разумеется, не можем при этом снизить нагрузки, чтобы удержаться на достигнутом уровне. А нагрузки, надо сказать, очень серьезные. Не каждому даже трудолюбивому подростку они по плечу. Поневоле задумаешься, нужно ли нам — по крайней мере в единоборстве — омоложение с его скороспелыми результатами.

ГЛАЗА ГОРЯТ, И ЗАМИРАЕТ СЕРДЦЕ: ТАК ПОСВЯЩАЮТ В «МУШКЕТЕРЫ». ОДИН ИЗ САМЫХ ТОРЖЕСТВЕННЫХ ДНЕЙ ДЛЯ ЮНЫХ ВОСПИТАННИКОВ КЛУБА «ВИКТОРИЯ».

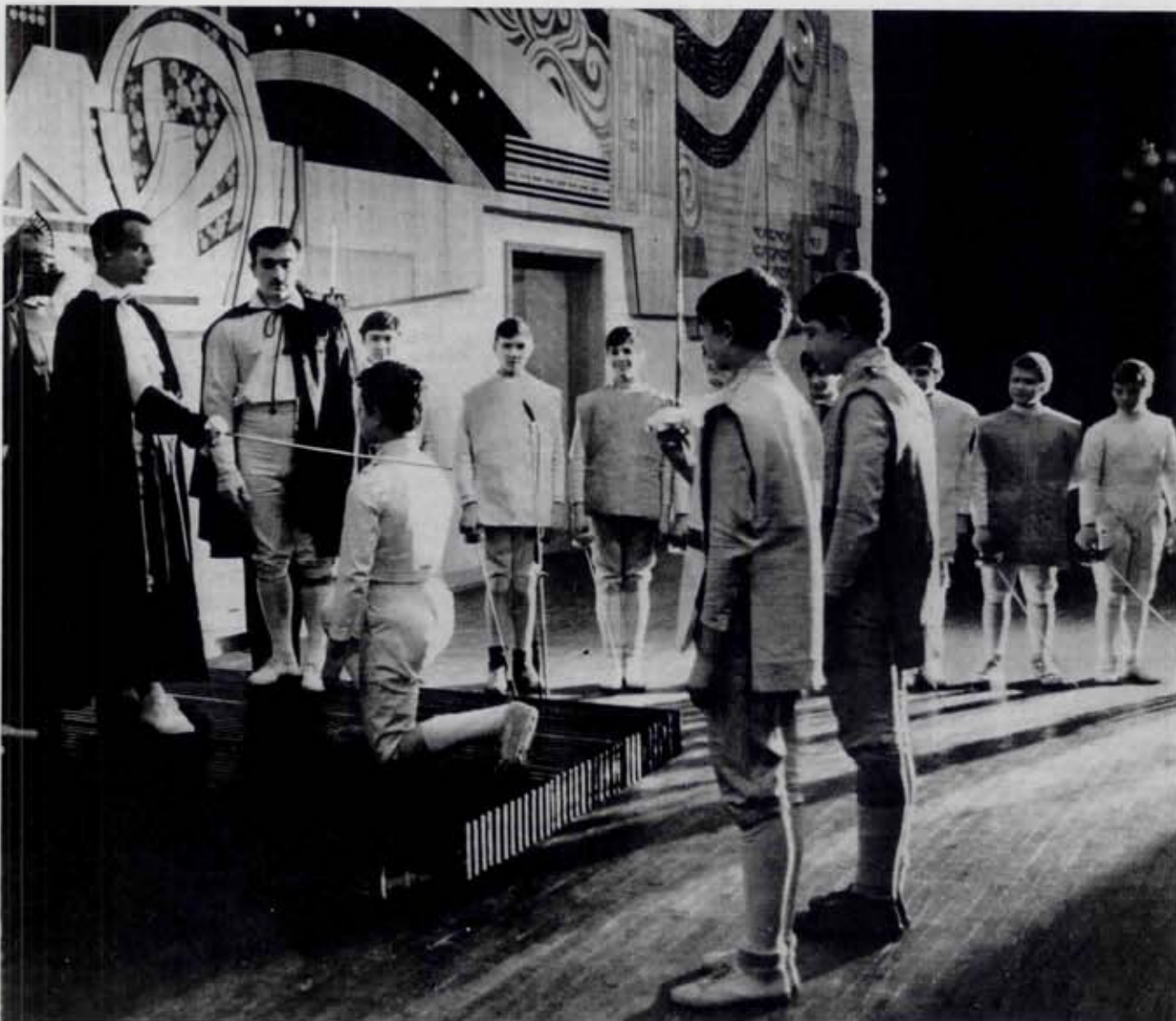

Фото Анатолия ПОЛЯКОВА

Государству это явно ни к чему, как показала наша знаменитая рапирная команда, которая десять лет никому в мире не уступала первое место.

Школе спортивной и общеобразовательной это тоже во вред, а детям и подавно. Добросовестные тренеры, кстати, никогда не мечтают о скоростных результатах.

Так кому же нужен этот «вал»?

Стремясь как можно скорее дать плановые показатели, многие школы, видимо, чтобы идти в ногу с веком, перешли на популярную идею конвейера.

На практике это выглядит так. Новичка «ставит» наиболее неопытный, начинающий тренер. Потом его доводит тренер как бы средней руки, после чего ученик на пятом или шестом году попадает в руки руководителя школы. В зависимости от перемещения тренеров, текущие и прочие причины наставников может быть и больше и меньше. Чтобы эта технология отвечала идее индустриального производства, откуда она была заимствована, надо, чтобы каждый тренер был бы неким бесплотным идеалом. Чаще же всего ученика не столько обучают, сколько переделывают, и каждый на своем этапе на свой аршин да лад. Опустим все распри и недоразумения, которые на этом пути возникают. Если ученик, в конце издерганый, надломленный и растерянный, уходит из школы, то не беда. Списывают. Какое производство не обходится без отходов!

В былые времена, если в мастерской маститого художника подмастерье написал картину, то маэстро мог или пройтись по холсту кистью мастера, или потребовать переписать произведение.

Только человек не холст, его не переписать. Новичка надо увлечь, удерживать и «поставить». А как его поставить, так он и пойдет по жизни. Порок заложен в самой технологии, так как самый ответственный участок поручают наименее опытному. А тот, не видя ни перспектив, ни конечных плодов своего труда, быстро теряет интерес к работе.

Помню, Кондратенко, искренне поверив в эту новаторскую методику, все удивлялся: «Что за чертовщина? Когда я один делал всю работу, были и результаты, и класс, и атмосфера в секции была дружеская. А теперь много нас, да толку меньше. Только и делаем, что обиды разбираем».

За всю историю советского фехтования ни один город в России, если не считать Москвы и Ленинграда, не дал столько бойцов мирового класса, сколько Саратов. Руководитель саратовской школы Г. И. Шварц даже и не припомнит сразу, сколько раз его ученики были чемпионами мира в личном и командном зачете. Но заслуженный тренер СССР Шварц и сейчас начинает с новичков. Это почерк подлинного педагога. Он отвечает лучшим традициям советской спортивной педагогики.

Молодой тренер вправе ожидать помощи от своего маститого коллеги. Он охотно пойдет на содружество, если в этом не будет конвейерного принуждения. Может быть, теперь будет более понятно, почему приход на соревнования вчерашнего бойца, а теперь врача или инженера, или даже недавнего чемпиона мира не вызывает прежнего восторга. Потому что они уже сошли с конвейера, выпали из плана, и их участие может только спутать карты. «В тренировочных боях пусть участвуют, а на соревнованиях, простите, нет. Не ровен час, возьмет да и выбьет из турнира моего ученика». Вы скажете, что это только пойдет ученику на пользу и спорту тоже. Так-то оно так, но это дальний прицел. А победа нужна хоть худая, да сегодня.

Есть еще один момент, который кажется мне чрезвычайно важным. Мы много внимания уделяем сейчас роли общественности в воспитании подрастающего поколения. Спорт — одна из самых мощных сфер воздействия на молодежь, и роль общественности в этом деле трудно переоценить. В помощь спорту, для пропаганды его идеалов были созданы у нас федерации по всем

видам. Они мыслились в первую очередь как органы спортивной общественности. В результате вышеописанных тенденций спортсмены сами не заметили, как переключались из тренерского совета при федерациях, где их место по уставу, прямо в президиум. По крайней мере в президиуме Новосибирской федерации фехтования нет ни одного общественника. Когда мы спросили у тренеров — членов президиума, не испытывают ли они чувства раздвоенности, будучи и спортсменами и сами своей общественностью, нам ответили, что мы давно отстали от жизни. То ли мы замешкались и действительно отстали от жизни, то ли они несутся без оглядки вперед и не замечают, что, ликвидировав здоровую конкуренцию, заменяя живую педагогику суррогатами конвейерного производства, отстраняясь от общественности и тем самым сужая базу спорта, эти тренеры, как говорится, рубят сук, на котором сидят.

Заложив основы фехтовальной школы нового типа, мы начали учиться. И, надо сказать, учились жаростно, пользуясь любыми возможностями. На соревнованиях в других городах засиживались с нашими дневными соперниками за полночь, спорили до хрипоты. Штудировали специальную литературу. Бывали на уроках у маститых и известных тренеров в Ленинграде, Минске, Москве, Одессе, Львове, Саратове. Лучших наставников и спортсменов мы сделали почетными членами нашего клуба и продолжали вести с ними переписку. Говорят, что наибольшая из всех безнравственностей — это братья за дело, которое не умеешь делать. Это положение мы не только не оспаривали, но приняли его сразу и целиком. Более того, развили его дальше, убежденные, что профессиональное мастерство — не максимум, а совершенно необходимый минимум. Добиться этого минимума далеко не просто, и совершенствовать его надо всю жизнь.

Почувствовав силу, мы скоро допустили почти роковую ошибку. Желание углубить нравственную и эстетическую программу клуба было так велико, что мы решили переложить спорт на плечи «варягов» и пригласили в клуб группу профессиональных тренеров со стороны. Мы были убеждены, что наши идеалы обладают неоспоримой привлекательностью и любой тренер с восторгом примет их. Этот идеализм обошелся нам дорого. Преемственность в воспитании была нарушена. Начался долгий период смут. Любительский дух клуба новых тренеров раздражал, а программа вызвала подозрение. Большинство из них твердо верили, что нравственное воспитание спортсменов — дело совсем другого ведомства. Огорчало, что молодым это было присуще больше, чем людям старшего поколения, среди которых мы все-таки нашли единомышленников.

Что-то уходило безвозвратно из нашего клуба. Вместо мастера старой школы, учителя фехтования, зрелого, полного достоинства и уважения к своему ремеслу, появились молодые напористые и бесцеремонные тренеры. Это очень способные ребята, я бы сказал, на многое способные. Они хорошо знают, сколько будет получать, еще лучше знают трудовое законодательство, а более всего разбираются в том, что, где и за сколько можно достать, — они знают почти все, кроме собственного ремесла.

Мы отделили от них тех молодых, кто хотел работать по-настоящему. А что касается потребителей, то им пришлось покинуть клуб, хотя стоило это нам многих сил. Но любой либерализм здесь был бы только за счет детей. Этого мы не могли допустить. Они принесли с собой в чистый мир детей тактику умышленных проигрышей боев, которую викторианцы категорически отвергали, потому что она чужда идеалам советского спорта и смертельна для «русского боя». Победа, добытая столь униженным способом, бесчестит спортсмена и позорит школу, которую он представляет.

На первых соревнованиях в городе один подросток подошел к нашему фехтовальщику — старшекласснику Андрею Бобко и попросил его «отдать» бой. Андрей долго не мог понять своего сверстника и, отчаявшись уяснить себе смысл его просьбы, выиграл поединок.

Это было первое столкновение с действительностью. Мы ждали этого неприятного часа и готовились к нему. Немедленно были собраны все воспитанники школы. Тщательно подбирая фразы, мы стали говорить о порочной тактике умышленных проигрышей и о том, как к ней должен относиться настоящий боец. Ребята впервые не понимали нас и никак не могли себе уяснить, для чего выходить спортсмену на дорожку, если ему заранее известен исход, и что вообще означает эта бессмыслица. Мы знали, что им еще не раз придется встретиться с этой проблемой, и терпеливо объясняли. Это был урок практической этики.

Предположим, говорили мы, на соревнованиях перед окончанием полуфинала к тебе подошел близкий друг, с которым тебе осталось провести последний бой в пулке. Для тебя исход этого поединка не имеет значения, потому что ты уже обеспечил себе место в финале, а турнирная судьба твоего товарища зависит именно от этого боя: проиграй он его — не видать ему финала. Товарищ твой из команды «Виктория» и предлагает тебе проиграть этот бой, мотивируя тем, что он для тебя ровно ничего не значит.

Вот тут-то и начинается самое главное — давай подумаем, действительно ли он для тебя ничего не значит?

Если ты умышленно проиграешь бой викторианцу, то в этом случае в финал не попадает боец из другой команды, который честно дрался, готовился к соревнованиям долго и тщательно со своим тренером и приехал ради них издалека. Значит, в данном случае ты делаешь шаг, равносильный подлости, а мотивы дружбы — только белая нитка, которой эта подлость шита. Тебе скажут, что дело сейчас не в тебе лично, что речь идет о спортивной чести школы или города, который ты представляешь. Дескать, в финале должно быть как можно больше наших представителей. Еще одна недоброевещная уловка. Разве ты можешь представлять город, жители которого согласились бы принять лавры, добытые спортсменами столь жульническим способом?

Кроме того, нет боев, которые ничего не значат. Проиграв умышленно, ты вредишь себе как бойцу, не говоря о большем. Всякий опытный турнирный боец скажет тебе, что проигравший умышленно, а значит, расслабившийся боец уже не сможет никогда проявить высокие бойцовские качества — такова беспощадная психология борьбы.

А «отдав» бой сегодня, ты в трудную минуту попросишь «отдать» тебе бой завтра — такова логика порока.

Так в уставе клуба по просьбе мушкетеров появился суровый параграф: «Мушкетер, умышленно проигравший бой, исключается из школы и клуба навсегда».

«А его тренер, — добавили мы твердо про себя, — увольняется с работы за профессиональную непригодность, потому что поощрять детей «отдавать» бой равносильно нравственному растлению».

Единственная тактика викторианца — честный бой до конца. Эта традиция «Виктории» незыблема.

Скоро мы убедились, что заповеди кодекса чести становятся жизненными принципами наших воспитанников. На воронешской спартакиаде школьников первая рапира школы Наташа Иванчева (потом чемпионка Ленинграда) на предложение проиграть бой ответила: «С такими нашивками бой не отдадут!» Подобные ответы вознаграждают учителя за любые невзгоды.

Все лагеря, базы, стадионы, залы, площадки, вся армия тренеров, маститых и начинающих, все комитеты, федерации и общества зависят, по существу,

от одного на непосвященный взгляд заурядного мгновения. Каждый тренер хочет, чтобы этот миг скорее остался позади, и ждет его с чувством тревоги. Это мгновение наступает, когда он приходит в среднюю школу и оказывается лицом к лицу с подростком. Дети не знают, что такое «план», «наполненность групп» и т. д., но у них есть свои представления, которые мы склонны недооценивать, — некий непостижимый барометр. Стрелка этого барометра всегда с абсолютной точностью, когда надо, останавливается на шкале «скучно». И, как бы горячо ни выступал перед ним тренер, эта юная и неделимая «мера всех вещей» смотрит ясным взором и только отрицательно качает головой. Нет, тому, кто не знает, что такое набор, этого не объяснить. А чемпион начинается с этого мгновения.

Чтобы не быть оталеченным, я хотел бы вернуться к нашему поединку, тогда будет видно, как всепроникающая зараза хитровой расслабленности и вседозволенности.

Мы потеряли в фехтовании стойку. В поединке любом, на холодном оружии особенно, стойка — это лицо бойца, визитная карточка его учителя и школы, в боевых чертаниях заключен как бы его динамичный дух. Триста лет спортивного фехтования создали гармоничную, согласованную боевую стойку, где красота слилась с рациональностью, как в античном архитектурном ордене. В фехтовании это классика. Раньше боец готов был проиграть бой, но не потерять стойку, то есть «лицо», а стало быть, достоинство. Шаг был легкий, спокоен и быстр. Шаг в бой, как ритм в танце, он дисциплинирует и сдерживает произвол. В классике заложен глубокий смысл. Ясная согласованность, благородство и рациональность давали бойцу внутренний мир и сосредоточенность в схватке. Теперь фигура и повадки в поединке полны смятения, хитроватого подвалаживания, беспокоества.

Классика учила, как бойцу бороться прежде всего с собой, потом с соперником. Там красота и нравственность были выше медали. Погоня за корыстью, потребительство, желание успеха любой ценой привели не только к «отдаче» боев — в боксе это называется «сплавить», в борьбе «лечь», — но и к потере стойки. Новаторы решили, зачем бойцу строить равномерно и на обеих ступнях. Хитрее будет сзади стоящую ногу перевести на носок, нужен укольчик — раз, и бросок, как в боксе. Но боксер танцует на носках обеих ног легко и грациозно. У нас же, раз одна нога на носке, тело наваливается на другую ногу. Стойка стала перекошенной, позвоночник изогнулся. Боец не идет навстречу опасности, а поджидает как бы с дубинкой в руках за углом.

Старые мэтры говорили, что рукоятку оружия в руках надо держать так, как сжимал бы птенца в кулаке, не настолько крепко, чтобы задушить птичку, но и не так расслабленно, чтобы он вылетел. Думаете, хоть один инструмент на свете нужно держать иначе?

Теперь мы сжимаем оружие так, что и матерого орла вмиг придушили бы. Мы стали беспорядочны, агрессивны и жадны. Какие утробные и душераздирающие вопли раздаются на дорожке в момент атаки, будто не рыцари, не мушкетеры сражаются, а сцепились два каратиста, которые таким образом хотят соперника запугать и себя взбодрить. Короче говоря, бой лишился чело-вечности, улыбки, благородства. Мы должны учить юношей «русскому бою» (хотя бы потому, что за рубежом неискоренимо всех советских людей называют русскими). А «русский бой» всегда высоко-конравствен, он зародился и креп в священных войнах, он бескорыстен и целомудрен, как таран Талалихина, и одухотворен подобно штыковому порыву, подобно бою, который предпочитали мальчишки из Царскосельского лицея, с завистью смотревшие на русские войска, «что умирать шли мимо нас».

Окончание следует.

ТОЧКА И НЕДОЛГА

Ксения ВАСИЛЬЕВА

РАССКАЗ

Вам восемнадцать лет. Вы полны сил. Неизбывной энергии. Вы уверены, что совершите нечто небывалое. Подвиг... Ну, или просто станете известным всему миру. У вас к этому все данные. Аттестат зрелости в прозрачной папке и золотая медаль (пока, правда, не за доблестный труд и не за трудовое отличие) в коробочке, и сил столько, что вы каждое утро перебрасываете с руки на руку гантели, как мячики. Скажите, о чем бы вы стали мечтать, учитывая все эти обстоятельства? И впервые ступив на перрон московского вокзала? Наверняка окинули бы орлиным взором привокзальную толчею, тут же, не сходя с места, решили, что Москва не так уж и недоступна, как ходят слухи, и завоевать ее — раз плюнуть. У вас даже не возникло бы сомнения — перейти Рубикон или нет. Просто он перейден. И точка. И вся недолга.

Такси носятся по Москве как бешеные. И вот уже тихий двухэтажный дом на окраине. И родственница встречает пирогами и приговорами, что вырос, что похудел и не похож ни на палу, ни на маму. (Конечно ж, на себя похож!) А потом тетка стоит в дверях узкой комнаты (его собственной комнаты!) и провожает взглядом каждую вещь, которую он вытаскивает из чемодана.

— Костюм хороший, не вешай на гвоздь, порвешь, давай ко мне в шифоньер...
— Да что вы, тетя, этот костюм? Барахло, менять уже надо, надоел.

Тетя удивляется: совершенно новый, синий в полосочку. Костюм и действительно новый, но разве можно об этом говорить? И на тот же гвоздь с размаху летят единственная нейлоновая рубашка и куртка на «молниях».

На улицу 18-летний человек выходит в старом плаще, волосы встрепаны, ботинки в пыли. Пусть не думают высокомерные москвичи, что он наряжается для них. Он здешний, москвич, он здесь живет. Первомайская, дом 2.

Утром в приемной комиссии человеку назначают время для собеседования. Он гордо проходит мимо середнячков, которые томятся перед дверью и выпрашивают у первого потока: какое было сочинение?

Собеседование проходит отнюдь не блестяще — кое-что уже забылось (как

быстро!), кое-что вылетело из головы от волнения, но самое главное — уж очень хотелось показать двум столичным штучкам — белобрысой девчонке в сине-красно-белой юбке и длинноволосому парню, что все равно он «в миллион» раз умнее и лучше и... В общем, **показать**.

Хотя они и не стремились смотреть на него. Девчонке до страсти хотелось достать шпатель, и все ее мысли были сосредоточены на огромном красно-сине-белом кармане. А длинноволосый, видимо, считал, что находится в комнате один, а другие — это так, для украшения. Фигуры.

В общем-то вся эта интеллектуальная возня с собеседованием не стоит и полслова. Принят? Принят. И вся недолга. И точка.

Вы думаете, в первые дни самое главное — лекции? Ничуть не бывало. Самое интересное — это думать, что ты студент, и давать об этом знать как можно большему количеству людей. Способов уйма. В метро можно все время рассказывать своему приятелю (который осведомлен не хуже тебя), как сегодня на семинаре Верка Иванова несла чепуху. Главное, употребить слово «семинар». В трамвае хорошо ехать втроем-четвером; долго и громко препираться насчет билетов и, наконец, услышав сладостные слова: «Уж эти студенты, всегда норовят без билетов», — заплатить и на весь трамвай крикнуть: «Степешку-то давно давали!» Хотя, впрочем, ты еще ее ни разу и не получал.

Потом другое. Потруднее и не так интересно. Но нужно. Для удовлетворения гордости и, как говорят, «для роста самосознания»: приучить свои мозги к глубоким, возвышенным мыслям, ведущим к открытиям. Как это делается? А вы не знаете?

Идете вы по улице, и в голове у вас, ну, нельзя сказать, чтоб совсем ничего. Так. А если честно, почти ничего: «Вот трамвай идет. Мой? Нет. Мне нужен 24-й номер. Черт, брюки забрызгал, опять тетка ругаться будет: не бережешь, не бережешь. А в каких я сегодня брюках? В новых. Балда! На вечер не в чем идти будет... Мороженое, что ли, купить? Нет, не хватит, только на пирожок...»

Зато стоит прийти после института домой, сесть за щербатый чистенький кухонный стол и начать есть суп с вермишелью — как нате! Берите! Вот они, стихи! Вот они, идеи! Вот они, желание и воля к большому, настоящим делам! А тетка ругается — заснул, что ли, над супом? Опять, наверно, копейных пирожков наелся.

И как-то сразу обидно покажется, будто и мысли-то у тебя тоже вроде копейного пирожка. А, наверное, были и настоящие, только не вовремя приходили.

Вот и надо приучать себя. Для самосознания.

Третье — девчонки. Разные, всякие московские девчонки. Стриженные и с длинными косами, рыжие и чернявые, толстые и худые, глупые и умные. Как и везде, впрочем. Но нет! Тут москвички, да еще студентки! Тут уж надо разворачиваться вовсю. И уже не так, как в школе, там отношения с девчонками все еще были где-то на грани пятого класса, когда высшим проявлением внимания было дерганье за косы. А здесь нужно много и умно говорить, уметь танцевать, «проводиться» по улицам Москвы (желательно нести ее папку, если, конечно, нет своей, а то ведь смехота, с двумя папками). И ни за что в жизни не сознаваться в главном своем недостатке — что ты первый раз держишь девчонку под руку. Тяжелое это дело. Да еще принимая во внимание, что никто из всех этих девчонок не нравился. Крикливые, писклявые, воображалы. Такие же, как в школе, только либо обрезали косы, либо наверх фигой завернули. Притворяются. И ты притворяйся, как дурак. И, главное, стараешься влюбиться! Иногда получается, иногда нет. Раз на раз не выходит.

И еще. Нужно найти настоящего, закадычного друга. Конечно, есть школьные друзья. Но они далеко. И потом, вся История говорит о том, что именно со студенческой скамьи начинаются все великие дружбы. И ты готов в каждом подозревать будущего своего неразлучного друга. Ты очень придирчив, ты внимательно присматриваешься к окружающим. Каждый мало-мальски спортсмен, свой в доску, горлопан и рубаха-парень — тебе друг такой, что, когда вы расстанетесь по какому-нибудь важнейшему несогласию, тебе бывает очень долго грустно... Целую неделю.

А каждое утро, когда встаешь, такое счастливое, что дух захватывает, как на стометровке. Беги, спринтер! Ты должен взять все рубежи. Стакан чаю, проглоченный на ходу кусок пирога, троллейбус, метро, кросс до институтских дверей, аудиторный зал, перерыв, буфет! До чего чертовски весело жить! И вся недолга. И точка.

И вот вдруг ты чувствуешь, что тебя заметили. Заметила внимательная «литераторша», заметила «спящая историчка». И все это отметил весьма занятой декан. Твоя фамилия склоняется теперь только с таким эпитетом — «способный студент энский», «умный паренек энский», «толковый энский». И ты уже в НСО, в ДСО и — бах! — в комитете комсомола.

Ты сам не знаешь, как это случилось. Желание быть замеченным в трамвае превратилось в желание быть замеченным на семинаре. Воспитание «самосознания» и «высоких мыслей» — в весьма внушительную и безапелляционную манеру говорить. А если еще к тому же ты частенько оперируешь разными интересными мыслями друзей и знакомых, то, однажды проснувшись, «спящая историчка» видит в тебе чуть ли не гения. И рассказывает об этом языковеду, живущему с нею в одном районе. Языковед начинает присматриваться. А ты замечаешь это и однажды, шагая по улице в ногу с длинным языковедом, развиваешь перед ним свои обширные планы по изучению древних языков. Вы никогда не пробовали развивать планы по дороге домой, когда дорога длинная и у вас очень внимательный слушатель, от которого многое в вашей жизни зависит? Главное, верить в себя. И уже без смущения иди к профессору на квартиру и рыться в пыльных фолиантах. И со стороны смотреть на себя — каков, а? Элегантный молодой исследователь, начинающий, но вполне талантливый. Плохо это? Доля позерства, игра? Любовь к карьере? И что? Кого это задевает? Кому мешает? Никому? Ну и точка. И вся недолга.

Тебя уже не приводит в восторг слово СТУДЕНТ. Да. А что? Когда ты выступаешь на собраниях, тебе хочется, чтобы голос твой был немного потверже, помужественнее, что ли.

Девчонки шепчутся, что энский — импозантный. Да. А что? У тебя даже походка вырабатывается другая — узкая, стремительная, как стальной ножик, а на лице непроницаемость и чуть-чуть иронии, самую малость, как щепоть солицы в тарелку.

Мама и отец переписываются с теткой. О чем? Кто их знает. Наверное, о нем. А о ком же больше! Кроме занятий, тетка еще все время интересуется девочками. Кто кому нравится да кто нет.

— Все нравятся. И точка.

И однажды случилось так. В институтском коридоре «гордость института», будущий доктор наук или уж в крайнем случае кандидат с именем, мечта студенток института, ВСТРЕТИЛСЯ С НЕЙ. Она шла навстречу: длинные тощие ноги, стрижка чуть не наголо, маленькое бледное лицо со светлыми глазами. Институт большой, но когда вас все знают, то и вы всех знаете, хоть и не показываете вида.

Новенькая — мелькнула одна-единственная мысль. При следующей встрече мыслей прибавилось. Длинная. К третьей встрече почему-то совершенно сформировалось мнение: воображала. Вот как? Ну и пусть! Воображал в институте уйма, и ему нет до них дела.

Но откуда-то из архивов первого курса появилась мысль: я тебе покажу! Перевоображаю.

И вся недолга. И точка.

Не знакомиться в одном институте да на одном факультете можно неделю, ну две. У них длилось полгода. Вспомните свои 20 лет и не забывайте, что есть Специальная Этика Влюбленных.

Но как говорят в хороших, добротных старинных сказках: все на свете имеет свой конец.

И вот однажды утром он понял, что, когда сегодня он увидит ее, он будет совершенно твердо уверен, что Она Немыслимая Красавица, Недостигаемая Принцесса. И о ней можно только Мечтать. Бродить по заснеженным переулкам, глупо вслух произносить ее имя, прислушиваться, как оно звучит, оглядываться — ведь вся Москва подслушивает и посмеивается, — и в этот момент даже не вспомнить о том, что два года назад шел вот этим переулком, тоже в первый снег, и силится нагнать себе побольше возвышенных мыслей, а думал о ботинках, супе, пирожках. А теперь...

Думаешь, что Немыслимая. Думаешь, что только Мечтать и Писать стихи. А сам свершаешь свой первый (а кто знает, может, и последний?) в жизни подвиг. «Гордость института» — будущий доктор и, естественно, кандидат, не боясь толков и пересудов, не обращая внимания на округлившиеся глаза со всех сторон, сметая все Высокие Этические Условия, подходит к прекрасной незнакомке и хриплым, враз возмужавшим голосом заявляет:

— Это глупо, Кира, что мы до сих пор незнакомы. И вот что (небольшое замешательство) — если вы не знаете, как меня зовут... Меня зовут Вадим. — И уже кидаясь в ледяную воду: — У нас сегодня четыре часа, и у вас тоже. Пойдемте вместе из института.

Вот и все. Просто. И совсем не так, как хотелось бы.

Зрители разделились на два непримиримых лагеря. Одни (это была часть

девчонок, считавших, что она страшенькая) осудили ее за то, что на все пыльные и путаные речи своего нового знакомого она ответила улыбкой и словом «хорошо», и назвали ее пиканткой. Другие (часть девчонок, которые считали, что она почти Софи Лорен, а он ее не стоит) говорили, что он наглец и так с девушками не знакомятся. Попросить бы того же Витьку или Ленку, и познакомили бы их. Или на вечер: разрешите потанцевать? Но дело сделано. И точка!

Оказывается, это потрясающее занятие — обойти под мокрым слепящим снегом пол-Москвы, остановиться в темноте около огромного, мигающего огнями дома и долго стоять, выясняя все новые и новые подробности. У нее красные шерстяные варежки, а на большом пальце зашито белой ниткой. А волос у нее под шапкой и не видно — один мокрый круглый лоб. И у нее так же, как у всех обыкновенных людей, мерзнут ноги, она постукивает ногой о ногу и, когда чувствует, что он видит это, принимает независимый вид и только что не говорит: какая жара!

Оказывается, они сто лет живут рядом друг с другом. Ее отец, инженер, раньше работал в том самом городе, где всю свою жизнь жил он: «Папа тогда был молодой, они с мамой только что поженились. Меня еще на свете не было».

Вот чудеса. Ее когда-то, оказывается, не было на свете. И у нее есть папа и мама. Чудеса, да и только.

Он явился домой поздно.

Матери — матерями. Отцы — отцами. Но тетки — особая порода. Она понимает все сразу и навсегда. И ты потом можешь годами биться, чтобы изменить ее мнение.

Тетка пропела:

— С девушкой гулял? В кино были? Хорошая картина?

Врать? Зачем!

— Да. С девушкой. Только не в кино. Так гуляли.

— А-а, а я думала...

Что думала тетка, он не узнал, да и все равно ему было. На то и голова дана, чтоб думать.

Как говорится, шли дни и недели. Была она Немыслимой Красавицей? Была. И осталась ею. О ней только можно Мечтать и стихи Писать? Да. А что?

И каждый раз, когда они шли по Москве, сидели в кино или театре, чувство, что все настоящее, нереальное, не покидало его. А со стороны посмотрите: красавец парень и рядом с ним такая худушка-бледнушка... Если не взглянешь в ее светлые глаза, так и скажешь — ничего особенного. А в глазах светленьких всего понемешано — и чертей, и ангелов божьих, и каруселей с зоопарком вместе. В институте о ней говорили коротко и скучно: неглубокая девушка. Одна только внимательная и взбалмошная литераторша сказала о ней с каким-то своим ударением: «Славное существо, поди ж ты!» — И переспросила: — А?»

Но никто ей не ответил.

В комитете комсомола (он был уже заместителем секретаря) учебный сектор, парень, который на первом курсе был одним из Закадычных Друзей, мимоходом спросил: «Что, вешается?»

— Кто? — не понял он.

— Ну, эта, новенькая...

— А по морде не хочешь?

Учсектор так удивился, что не сказал ничего и вылетел из комитета как ошпаренный.

Итак. Вы точно так же учитесь. Нисколько не хуже. Даже, пожалуй, лучше. Только не высказываете, как чертик из шкатулки, на каждом семинаре. Отвечаете реже, вдуманней. На собраниях вы перестаете громко вещать о воскресниках и субботниках. Вы перестаете соваться в НСО с «дельными рефератами». Вы задумали что-то, пожалуй, уже по-настоящему. Но пока об этом знают немногие. Вы вместе с Немыслимой Мечтой сидите допоздна в библиотеке.

И вдруг начинают ходить слухи: что вы перестали быть активным, что вы окопались в личных делах, что все надежды были на вас, а вы... А вы Черт-те Чем Занимаетесь. Действительно! Чем вы занимаетесь с 3 часов дня до 12 ночи, когда вас нет ни в институте, ни дома? И тетя интересуется точно таким же вопросом. Но если в институте этот вопрос ставится пока что риторически, то у тети, поскольку он возник и не получил ответа, сложилось «мнение»: как написала она в письме маме и папе, «бедного мальчика окрутила какая-то девица. Я это сердцем чувствую». А чтобы описать все подробно, тетка сделала ход конем из-за угла: «Пригласила ее, эту девицу, в гости».

Ох, как он был рад! Все-таки зря он всегда капал на тетку!

На столе были пироги. Печенье. Булочки с изюмом. Пирожные со взбитым кремом. Тетка развернула свои кулинарные способности вовсю. Она была, что называется, добросовестным человеком. Прием так прием. Ничего не жалко. Даже если это ход конем из-за угла. Что тут «не просто так», тетка смекнула на второй секунде. Как он приглашал девчонку за стол, как усаживал ее, как до этого сто раз бегал в свою комнату и не для того, чтобы посмотреть в зеркало, а в сотый раз окинуть комнату глазами — тетка поняла, — глазами «той».

Отчет маме и папе был исчерпывающим: «... Я не знаю, может быть, я и не права, но уже так мельтешишь, так заглядывать в глаза девчонке Вадику не пристало. Я не знаю, может быть, она девушка и хорошая, но наш Вадик достоин лучшего. Сидит такая пичужка, худенькая, бледенькая. А наш такой красавчик, такой парень — загляденье. Вот, ей-богу, хожу по улицам, много парнишек встречаю, а такого, как Вадик, не видела. Правда, так-то она простая, меня тетей Валей называла, пироги хвалила. Сидела до 12 часов (что уж и за родители такие, не беспокоятся, где их девчонка), а потом Вадик ее провожать пошел. Я не позволяла, хотела на ключ его закрыть — так думала, он меня уберет этим ключом. Пришел в два часа. Говорит, метро уже закрыли. Я, конечно, не знаю, я ему не мать, конечно, но хочу сказать — учиться он стал хуже, из какого-то кружка вышел, в комитете комсомольском неприятности. Я все узнала. А как им не быть, неприятностям? Когда все время с этой, уж по чести — глаза бы не глядели на нее! — голова такая стриженная, ну просто будто и волос нет. А что ей? Девчонка не очень-то молодая, замуж пора. А тут красавчик, умный, мама с папой живы, обеспечат. Она, видно, не промах, все поняла да на ус намотала...»

Ну, раз тетя Валя так хорошо отнеслась, значит, хватит Кирке стесняться. Он-то к ним ходит, а почему она нет? И тетка ей понравилась.

— Люблю таких хороших, простых, бесхитростных.

— Ну вот и идем к нам, тетка уху варит!

Что такое сказал учсектор, чтобы его обложить последними словами? Зазнался Вадик. Уж не влияние ли этой стриженной? Кстáти, а что у них за отношения? Но тут в споры и толки вмешался ЗДРАВЫЙ ЧЕЛОВЕК. Он сказал: «Да вам-то

какое дело? Отношения? Твои, что ли? Верно? Не тебе декан за опоздание выговор влепил? Не тебе. Ну и заткнись. Я вот что думаю,— продолжал ЗДРАВЫЙ ЧЕЛОВЕК,— надо вообще перестать обращать на него внимание и на нее тоже. Взрослые люди. Сами разберутся. И не лезть к ним. И вообще, может, даже что-нибудь вроде бойкота, а?»

А двое взрослых людей плутали в дремучем лесу. Все хорошо. Они каждый день вместе. Никто им не мешает. Но какое-то тягостное чувство не покидало их. Они чего-то боялись.

Когда тетя Валя уходила в магазин или в кино, оставляя их одних (тетка почему-то взяла в привычку уходить из дома, когда появлялась Кира), как только замирали теткин шаг на лестнице, приходило это тягостное чувство. Одни. Они одни в комнате. Из кухни доносились голоса соседей, как будто из другого мира. Они переставали разговаривать. Непонятно было, как вести себя. Ведь они были просто дружны и никогда... Слышите—ни-ког-да! Однажды Вадим, выкурив подряд в молчании две сигареты, сказал:

— Давай поженимся, а? Мы и так целыми днями вместе. Ничего не изменится.

И ни к селу ни к городу пошутил:

— Только в паспорте печатей прибавится.

Кира ничего не ответила. Он тут же понял, что сморозил чушь. А она никогда не возражала, не ссорилась, не кричала, как другие девочки: «Идиот!»,— когда он говорил или делал что-нибудь не то, она опускала глаза и молчала. Однако остановиться он уже не мог и продолжал бормотать:

— Кир, правда, будешь моей женой?

Она покраснела.

— Но ведь ты ни разу не сказал мне, что любишь меня, ни разу не...— она замаялась,— поцеловал...

Он почувствовал, что проваливается сквозь землю. Да. Это правда. Сказать люблю и поцеловать? Ее? Поцеловать?! Он ни разу в жизни никого не целовал. Нет. Не то. Это неважно, целовал или нет. Ей сказать—люблю? Пошло промямлить—люблю? Когда она—Немыслимая, Несравненная, о которой только Мечтать...

Он встал с дивана, неловко схватил ее за голову и поцеловал в холодную щеку. Но она (вот так именно он и думал!) вдруг оттолкнула его и зло сказала:

— Я хотела, чтобы ты сам, а не когда я... А теперь получается, что я заставила. Не хочу. Я уйду сейчас. Я уйду.

И вот когда они пришли, эти всякие возвышенные, достойные ее слова. Его вдруг прорвало, как плотину.

А потом как из-под земли появляется тетя Валя. Они даже не успевают отсечь в разные углы дивана. Но какая молодец эта тетка, никогда не думал, что она такая тактичная. Ни слова, ни взгляда. Как будто и ничего. А вообще-то что? Да. Что? Он любит ее, а она любит его. И это на всю жизнь.

И точка.

Он будет исследователем. Его интересует не только современная поэзия Среднего Востока, но и древняя. Он раскопал у Пал Пальча (профессор допускает его одного из всего курса к своей личной библиотеке) такие материалы, такие рукописи, что страшно к ним прикоснуться. Руки трясутся от благоговения. А Пал Пальч сказал: «Молодой человек, что не смог сделать я, сделаете вы, я уверен. Вы обогатите языковедческую науку и поэзию».

Он уже подготовил кое-что для переводов и скоро покажет их Пал Пальчу.

— Когда?— спрашивает Кира.

— Что «когда»? Вечерами переведу и покажу.

— Но ведь вечерами мы всегда видимся с тобой. Нам надо видеться хотя бы через день. Ведь это так серьезно, что ты хочешь сделать...

— Ах, может быть, тебе не хочется меня видеть?

И возникает первая ссора, первое недоразумение.

— Да нет, ты не понял, но...

— Нет, к сожалению, я все понимаю.

Ссоры имеют одно отличительное качество: они кончаются примирением. Он снова и снова посвящал ее в свои планы. Планы были расплывчаты и великолепны: научная работа, блестящее открытие, большое будущее.

И за него Пал Пальч, и Иван Степанович, и Петр Сидорович. Все в него верят. И он верит в себя. И она должна верить.

Она молчит и опускает глаза. Больше она не говорит о времени для переводов и изысканий. Молчит. Все-таки какой же у нее трудный характер. Зато у него легкий и живчивый. Все прекрасно. И точка.

Они целуются у ворот ее дома, не обращая внимания на прохожих. И он так любит ее, так любит, что однажды, вовсе этого не думая, он говорит ей: «Знаешь, Кирк, может, из меня и не выйдет ничего, а ты бы могла. Ведь ты умнее меня...»

И она посмотрела на него, будто в зеркало в темноте всматривалась. Он перепугался. Не верит, что он так думает? Или Не Верит в него?

— Ты меня любишь?

— Да,— ответила она так, что он облегченно вздохнул.

А в это время из южного городка вместе с загоревшими курортниками выехала полная моложавая дама. Вещей у нее была куча. И в основном фрукты. Дама ехала в Москву, к сыну. Она была разговорчивой и взволнованной. Сыну 20 лет, а он решил жениться. И говорят, девочка не стоящая. А сын. Боже мой! Красив, умен, талантлив. И пассажиры любовались фотографией длинноносого мальчика со светлым зачесом надо лбом.

Обаятельная дама твердо заявила:

— Через мой труп.

Пассажиры сочувствовали, а пассажиры покрывали. Румяную даму невозможно было представить трупом.

— Мамочка приехала, Вадик!

— Мама, вот молодец!

Когда радость первой встречи несколько поутихла, он осторожно спросил:

— Ты, наверное, на нашу свадьбу?

— Как?

Вмешалась тетка:

— На той девушке, я писала.

— Ну, об этом после, Вадик...

— Нет, не после! Я написал вам обо всем. Я люблю ее.

— А она что?

— Она тоже любит! Но если хочешь знать, ее еще нужно уговорить!

— Ага, значит, она умнее тебя.

— Она умнее всех.

— Спасибо. Из-за девочки ты оскорбляешь мать!

— Прости...

— Алло, Кир, это ты? Приехала мать. Она против нас! Она озверела!
— Ты что там творишь? Ты с ума сошел! Мы увидимся и поговорим.
— Почему ты так спокойна? Ведь решается наша судьба! Наша любовь!
— Я все понимаю. Успокойся.
— Хорошо, я успокоюсь. Я буду спокоен. Но ты меня удивляешь...

...Почему мне так спокойно? Мне кажется, что все уже в прошлом. Почему? Ведь я очень люблю его. Но я все понимаю. А он? Он пока просто играет в любовь, будет играть мужа, а потом... отца, потом какого-нибудь руководителя. Когда он повзрослеет? Но я ему нужна, так же, как и он мне.

Ей стало смешно, когда на условленном месте, под часами у Кировского метро, она увидела «неразумное дитя», которое она пыталась поучать. Он шел навстречу, спортивный, высокий, загорелый. И походка. Как стальная пружина.

— Ты понимаешь, она не верит, что я тебя люблю: она смеет говорить, что это блажь, что это пройдет!

— Да.

— Почему ты говоришь «да»? Что значит это «да»? Ты не слушаешь меня!

— Я слушаю, я все слышу и все понимаю... Говори.

— Она заявила, что ты мешаешь мне стать большим человеком. Она не понимает, что именно ты, только ты сможешь мне быть чем-то... Почему ты молчишь?

— Я думаю, ты зря всем хвастаешься тем, что любишь меня. Нельзя так, по-моему. Не надо выходить на перекресток и кричать, что ты презираешь всех, а любишь меня. В тебя выстрелят из рогатки. И, может быть, убьют.

— Что ты болтаешь?

— Ну просто никто не любит, когда любят не его. Понимаешь?

— Ну ладно. Раз ты так, я сам все сделаю. И приду к тебе. И возьму тебя с собой. Тогда ты поймешь, какой я и как люблю тебя.

И точка. И вся недолга.

Когда у тебя боевое настроение и ты чувствуешь, что ты прав и эта первая твоя битва в пути, ты не останавливаешься ни перед чем. Амбразура? Давай! Минные заграждения? Еще лучше!

Он долго не был в библиотеке у Пал Пальча. И, честно говоря, вопросы Древнего Востока покрылись пылью, которую не хотелось тряхать. Но, черт побери, он человек слова или как?

Пал Пальч долго и внимательно слушал его путанные-перепутанные объяснения, в которых «не смог, не успел» перемешалось с не менее «убедительным»: «загрузка чертовская, не продохнуть»... А потом Пал Пальч сказал, вовсе не сердясь, но строго:

— Вот когда «отгрузитесь», приходите. И чтобы с желанием, а не просто так. И выпроводил его за дверь.

Он прав был, черт побери, этот старикан. А как с желанием? Кто его знает. А раньше было? Вроде—да... А что?..

Секретарь комитета комсомола:

— Ты ни черта не делаешь сейчас в институте, Вадим. Ни черта. Вечер завалил? Завалил. В НСО реферат не сдал? Не сдал. И языковед жаловался. Он на тебя надеялся. Ты же способный, как дьявол.

Крыть нечем. Способный, как дьявол. Все правы. А почему все так происходит? Мать сердится. Тетка вздыхает—какая голова пропадает. А может, и правда? А как бы все здорово могло быть. Аспирантура, научная работа, командировки. Ну, куда-нибудь в Египет, например. Пирамиды, сфинксы, желтый песок и солнце! А Кирка? Рядом. Красивая. В белом платье. Рядом. Его жена. Кстати, надо ей позвонить. Она не велит, а я буду звонить и буду с ней встречаться, и пусть не буду доктором наук, зато она, она будет со мной. И почему это она мешает? Что за чушь?

Был осенний хмуры денек. Бульвары пустовали. Кому охота месить грязь и мокрые листья, когда можно пройти по тротуару.

И можно было только удивляться на двоих, бродивших по топким дорожкам мимо пустых скамеек и голых деревьев. Высокая бледная женщина и красивый, несколько ошарашенный мужчина.

ОНА. Столько лет не видеться, и вот...

ОН. А сколько действительно?

ОНА. Десять.

ОН. Много.

ОНА. Да.

ОН. Ну расскажи, как ты живешь, что делаешь?

ОНА. Никогда не думала, что наш разговор когда-нибудь начнется именно с этих слов.

ОН. А ты думала?

ОНА. Часто.

ОН. И я.

ОНА. Я думала, что когда-нибудь я, обыкновенная учительница, услышу о тебе.

...Как хочется сказать этой такой же бледной Кирке, что ты действительно величина. Человек с большой буквы. Ведь когда-то были принесены такие жертвы! А что сказать? Но ты должен говорить, и ты начинаешь.

ОН. Ты понимаешь... У меня очень большие задумки. Я решил заняться новейшей немецкой поэзией. Знаешь, все-таки древние языки—это древние. Я изучаю немецкий язык. И если ты читаешь «Иностранную литературу», то месяца два назад там у меня был материалчик. Мои инициалы стоят. Был колоссальный, интересный материал. Порубали. Понимаешь? Сделали фитильку. Стыдно подписываться было. А вообще-то я хочу серьезно заняться, по-настоящему, творчески. Уйду к черту из конторы... Знаешь, там чувствуют, что я выше их, ну и злятся, подкальываются... Уйду. Пусть поплачут...

Она молчит. Это так знакомо. И злит по-прежнему.

ОН. Что ты молчишь?

ОНА. А как ты? Женился?

ОН. Развелся. Но знаешь, Кирк, я тебе только могу сказать: я люблю. Очень люблю. Наверное, так же, как тогда тебя. Мы скоро будем с нею вместе...

...Наверное, так же, а может быть, и больше... Не надо никогда сравнивать. И не надо так по-дружески об этом рассказывать, даже через десять лет, думает Кира, но ничего не говорит.

ОН. Ты опять молчишь?

ОНА. Я рада за тебя. Это так хорошо—любить. Я уже, наверное, не смогу. Мне кажется...

ОН. Ну, что ты, Кирк! Рано сдаваться! Любовь—это выше всего, ты же знаешь! И надо быть в жизни сильным! А что?

...А ничего, думает она и думает еще, скажет ли он свое любимое, и он говорит: «И точка! И вся недолга».

«ИНТЕРЛИХТЕР» — УНИКАЛЬНОЕ СУДОХОДНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ.

Алексей ВОРОБЬЕВ.

Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

Нослышался слабый шелчок, и в каюте началась трансляция. Наверх вызвали всех, кто занят на грузовых операциях.
— Это нас,— обрадованно поднялся Анатолий.— Наконец-то, заждались ребята. Пойдемте.
Вслед за ним мы вышли на верхнюю палубу. Штормовой ветер не утихал уже третий день, тугими струями бил по редким надстройкам. Двадцатиметровой высоты борт лихтеровоза под его напором превратился в гигантский парус, и норд-ост с неумолимой силой тянул судно на мель, в камыши. Лишь два буксира с работающими на полную мощность машинами пытались удержать корабль, толкая его в противоположный борт. На фоне лихтеровоза они казались легкими моторными лодками, но с задачей своей все-таки справлялись. «Юлиус Фучик» надежно стоял у причальных бочек в порту Усть-Дунайск, готовый принять новую партию груза. И вот трансляция разнесла долгожданную команду.

В пункте управления грузовыми операциями, расположенном на верху левой кормовой консоли и именуемом для краткости ПУГО, оказалось всего четверо членов экипажа.

— И только-то?— удивились мы.— Кто же грузить будет?
— Людей достаточно, согласно штатному расписанию,— улыбнулся первый электромеханик судна Анатолий Лялькин и скомандовал:— Сережа, опускай!

Оператор Сергей Патриваев тронул рычаг, и соединившая створ гигантских консолей платформа медленно пошла вниз. Вот она коснулась воды, легкие пенные фонтанчики плеснули сквозь пазы в металле, вода забултыхала, хлынула потоком и накрыла платформу.

— Погружение—четыре метра. К работе готова,— сообщил Патриваев.

— Порядок. Теперь ждем буксир с лихтерами,— подвел черту Лялькин и взялся за рацию, настраивая ее на нужную частоту.

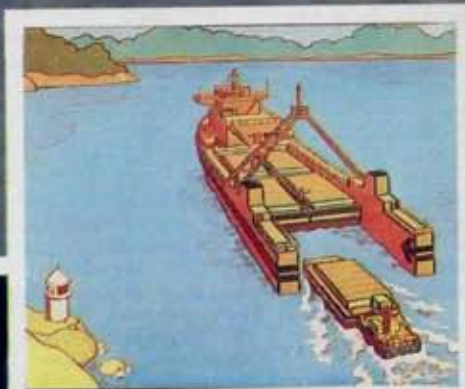
Погрузочно-разгрузочные операции. Как бы трудоемки они ни были, самое утомительное на океанском судне все-таки не погрузка и разгрузка. Самое утомительное— их ожидание. Бывает, не один день простоят судно на рейде, прежде чем освободится наконец место под краном-перегрузателем. Теряется драгоценное время, теряются немалые деньги. Не случайно поэтому производительность торгового судна измеряется лишь величиной ходового времени; часы, затраченные на стоянку, при этом не учитываются.

У обычных судов процент ходового времени в лучшем случае достигает сорока. У современных контейнеровозов он возрастает до семидесяти. Советский лихтеровоз «Юлиус Фучик» проводит в пути более восьмидесяти пяти процентов своего времени. То есть опережает по производительности другие типы судов.

Сам лихтер—это плавучий контейнер. Но если принять

МОРСКОЙ ИЗВОЗЧИК

СЕРВИСНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
НАХОДИТСЯ
У КОМАНДЫ
БАРКА.

**КОМАНДЕ
«ЮЛИУСА ФУЧИКА»
ПО ПЛЕЧУ САМЫЕ
СЛОЖНЫЕ ЗАДАЧИ.
СЧИТАЮТ КАПИТАН
ЮРИЙ ДЕНИСОВ
И ГЛАВНЫЙ МЕХАНИК
ВЛАДИСЛАВ СОБОЛЕВ.**

**ПОГРУЗКА
И ВЫГРУЗКА
ВЕДУТСЯ
ПРЯМО НА РЕЙДЕ.**

обычный контейнер судно может, лишь подойдя к причальной стенке порта, то баржа-лихтер доставляется к лихтеровозу, где бы он ни стоял. Хотя бы и среди камышовых плавней. Преимущества такой системы погрузки очевидны.

Казалось бы, аксиома, что грузы должны доставляться, не задерживаясь в пути. Ни на сутки, ни даже, по возможности, на несколько часов. Согласно с этим все, но сделать грузопоток непрерывным пока не удается. Нить перевозок часто рвется в наиболее слабом месте — при передаче транспортной эстафеты, в морском порту. Согласовать графики прибытия железнодорожных составов и грузовых автомобилей с моментом подхода к причалу большого океанского судна не так-то просто. Поэтому и железнодорожники и автотранспортники вместо того, чтобы просто передать товар «с рук на руки», часто вынуждены сдавать доставленную продукцию на склад порта.

Потери от такой перевалки значительные. Напрасно тратится время, ведь вместо одной грузовой операции «железнодорожный вагон — океанское судно» портовики выполняют две: «вагон — склад» и «склад — судно». Каждая лишняя перевалка — это риск нарушить упаковку изделий, повредить дорогое оборудование, потерять многие килограммы цемента

**«ЗЕРНОГРАД», МЫ ГОТОВЫ.
ЖДЕМ ВАС!»**

ВСЕ ИДЕТ ПО ГРАФИКУ.

**ПЛАВУЩИЙ «ЧЕМОДАН»
СПОСОБЕН ПРИНЯТЬ ЛЮБОЙ ГРУЗ.**

ПОСЛЕДНИЙ МЕТР ДО КОНСОЛЕЙ.

ПО МАРШРУТУ «РЕКА — ОКЕАН».

или удобней. Издержки организационной неразберихи при дополнительных перевалках вообще трудно поддаются учету — транспортный узел становится и узлом многих народно-хозяйственных проблем.

Возможно ли уменьшить многочисленные перегрузки? В Ленинградском морском порту, где благодаря общим усилиям нескольких транспортных министерств смогли сократить почти в три раза перевалку грузов на склады, производительность труда поднялась примерно на 80 процентов. А доставка продукции адресатам ускорилась вдвое. Новый метод позволил получить, по самым скромным подсчетам, 60 миллионов рублей прибыли!

Ленинградцы нашли свой вариант решения проблемы. Другой опробовали в Изамаиле, в порту Усть-Дунайск, на крупнейшей международной реке Дунай.

Здесь одним из средств борьбы с лишними перевалками стал лихтер. Пока транспортное судно еще в пути, в океане, лихтер, словно плавучий чемодан, дожидается в порту часа прибытия составов с грузами и затем заполняет свои трюмы грузами прямо из чрева железнодорожных вагонов. Буксиры приводят в Усть-Дунайск караван лихтеров, как правило, к точно назначенному сроку. И, не теряя времени, команда лихтерозова «Юлиус Фучик» самостоятельно начинает погрузку.

Первый электромеханик нашел по рации «свой» буксир. — «Зерноград», мы готовы. Ждем.

— Понял. Формируем, — сразу откликнулся капитан «Зернограда» Тарасенко. Из «флотилии» тесно сгрудившихся лихтеров он выбирает нужную пару, не торопясь, выводит ее в направлении «Юлиуса Фучика». Здесь ерики и шхеры сложны для плавания, на каждом шагу заносы, а под консолями «Юлиуса Фучика» аж гудит от мощного подводного течения. Попробуй расчитать маневр! Тарасенко это умеет.

Как-то ураганом ветром сорвало с причальных концов огромный океанский балкер «Махарадзе» и понесло прямо на мель. Кинулся на подмогу, под высокий борт крохотный «Зерноград», а с мостика балкера отчаянно кричит капитан: — Куда ты, Александр Григорьевич?! В лешку сомнет!

— Не сомнет, — ухмыльнулся Тарасенко. — Не гляди, что лошадей мало, важно, каков возница...

«Возница» оказался отличный: маленький буксир все-таки вывучил океанское судно...

Чтобы лучше разглядеть ход погрузки, перебираемся на «Зерноград». И вот над нами уже нависает громада лихтерозова. Тарасенко глядит на воду, словно прицеливается, и берет метров на двадцать правее кормы «Юлиуса Фучика». А дальше — ювелирная работа: просвет между консолями всего метра на три шире пары скрепленных бортами лихтеров, и промазать «вознице» очень легко.

Мы стоим на продуваемом всеми ветрами носу лихтера и следим, как ползет навстречу уходящая в небо консоль. Шкипер Александр Соловьев то и дело выбрасывает вверх ладони с растопыренными пальцами — показывает, сколько осталось до судна. Мгновенно определяет расстояние на глаз: десять метров, пять, два... Вот входим в гигантские ворота, но течение еще несет нас, и, схватившись за леер, готовимся к удару.

Тарасенко вовремя осаживает «коней» своего буксира, и лихтеры мягко вползают на погруженную в воду платформу. Еще две-три операции, и задача комсомольско-молодежного экипажа «Зернограда» на данный момент будет выполнена.

— «Зерноград», можете уходить, — командует из ПУГО по рации Анатолий Лялькин. — Начинаю подъем.

Повинуясь командам автоматики, специальные тросы прижимают лихтеры к направляющим вдоль консолей. Платформа поднимается, мягко подхватывая вес почти в две с половиной тысячи тонн, а тем временем Патрѳеаев с помощью микро-ЭВМ выравнивает ее, точно подгоняя углы: даже пятнадцатимиллиметровый перекоз заблокирует работу автоматики.

Анатолий и Сергей внимательно следят за показаниями приборов. Аккуратность нужна величайшая, ведь подъемное устройство — синхронлифт — уникальный агрегат. Без него, без его могучих, толстой в руку стальных тросов, управляемых тончайшей электроникой, лихтерозов беспомощен.

Не сразу привык Лялькин и его ребята-электрики к тому, что работа тысячтонных механизмов зависит порой от каприза одной крохотной детальки, от сюрпризов любого из двухсот концевых выключателей. В микро-ЭВМ и влезать было страшно. Но влезли, разобрались. Освоили синхронлифт, подобного которому нет на других судах (кроме брата-близнеца «Юлиуса Фучика» — советского лихтерозова «Тибор Самуэли»).

— Платформа — на уровне третьей палубы. Опускаем помостки, — командует Лялькин и, улынувшись, добавляет: — Пошла тележка. Пока перерыв...

Вода струйками стекает с крутых бортов лихтера. Длинный путь довелось ему проделать вниз по Дунаю. Где загрузался: в Будапеште, Братиславе или в западногерманском Регенсбурге? На всем судоходном участке международной реки можно встретить эти плавучие контейнеры. Из многих стран Европы путь их лежит через Усть-Дунайск в порты Индии и Пакистана, на реку Меконг — водную дорогу во Вьетнам и Кампучию.

Итак, сложилась целая система международных лихтерозовых перевозок. А для успешной ее эксплуатации специальным межправительственным соглашением Болгарии, Венгрии, Советского Союза и Чехословакии создано международное хозяйственное судоходное предприятие «Интерлихтер». Его название и несут на бортах два советских лихтерозова. За пять лет фирма смогла наладить прочные

контакты со многими заказчиками и поставщиками грузов. Кстати, «Интерлихтер» — хозрасчетное предприятие. С момента его образования не потребовалось ни дополнительных взносов из бюджета стран-участниц, ни кредитов для обеспечения его деятельности. Предприятие не только полностью окупает свои расходы, но и приносит солидную прибыль.

Конечно, главным звеном этой новой и весьма перспективной системы является сам лихтерозов, позволяющий вдвое сокращать сроки доставки грузов по сравнению с обычными транспортными схемами. Лихтерозов и его команда, составленная из истинных мастеров своего дела.

...Помостки опустились, и специальная тележка повезла лихтеры на третью, нижнюю палубу. Управлял тележкой с помощью радиопульта оператор Бронеслав Жигун. Почти «карманным» казался лихтер на воде, но как внушительный он на палубе. Универсальный пятиметровой высоты плавучий контейнер, в котором можно перевозить практически все: от зерна и трикотажных изделий до тракторов и автомобилей.

— В этом — удобрения, — похлопал Жигун по борту, шагая вслед за медленно двигавшимся лихтером. — Во Вьетнам. По Меконгу его прямо на поля доставят.

Оператор склоняется над пультом, подгоняя лихтеры на строго определенное место. Есть первая пара! А всего «Юлиус Фучик» берет на борт комплект из 26 лихтеров, в каждом из которых до тысячи тонн грузов. По расписанию, словно почтовый поезд, доставит их лихтерозов адресатам. И эта точность станет лучшей характеристикой работы всего экипажа. Хотя, как шутят в команде, путь от плавней Дуная до плавней Меконга — это «работа от болота до болота».

— Экипаж наш молод, — говорит капитан «Юлиуса Фучика» Юрий Михайлович Денисов. — Но более половины с высшим образованием — техника требует. И вот это сочетание молодости и отличной выучки создает особую деловую атмосферу, позволяет трудиться спокойно и четко.

Лихтерозовы «Юлиус Фучик» и «Тибор Самуэли» — первые в нашей стране. За пять лет они освоили сложнейшие международные трассы, доказали высокую экономическую эффективность новой транспортной системы. Системы, у которой широкие перспективы.

Груз доставляется по расписанию... Для того, чтобы факт этот стал привычным, будничным, и решают ежедневно сложные задачи молодые специалисты команды лихтерозова. Математической точностью своей работы и высоким профессионализмом обеспечивая успех современной транспортной системы. Ведь за строгими сроками расписания перевозок кроются миллионы рублей прибыли государства.

Опыт международных трасс «Интерлихтера» наши моряки сегодня уже могут использовать для доставки грузов внутри страны. Именно на «Юлиусе Фучике» несколько месяцев стажировались будущие члены экипажа «Алексея Косыгина» — первого лихтерозова отечественной постройки.

Непросто было херсонским судостроителям осваивать производство одного из самых современных судов. Из-за больших размеров лихтерозов строился двумя отдельными полукорпусами. Лишь после спуска на воду его кормовая и носовая части были состыкованы и надежно сварены.

С ответственным заданием судостроители справились успешно: нынешней весной «Алексей Косыгин» отправился в первый рейс к берегам Чукотки, давший начало системе внутрисоюзных лихтерозовых перевозок.

Моряки хорошо помнят суровые уроки, преподнесенные Арктикой осенью минувшего года. Караваны долгие недели боролись с тяжелыми льдами, стараясь любой ценой доставить адресатам важнейшие грузы. Цена доставки на этот раз оказалась слишком высока.

Конечно, погода преподнесла сюрпризы. Но многие специалисты считают, что случившегося можно было избежать, если бы без сбоев действовала система перевозок по Северному морскому пути. Грузы опаздывали, подолгу задерживались в портах; прогрессивные методы транспортировки использовались робко. В результате арктический флот лишние дни простаивал у причальных стенок, выход караванов постоянно откладывался и в конце концов совпал с самой неблагоприятной ледовой обстановкой.

Были и другие сложности. Многие наши северные порты развиты слабо, не приспособлены принимать большие океанские суда. Поэтому крупные транспорты часто скапливались в пунктах с удобными причалами, задерживая друг друга и теряя время.

Лихтерозовная система поможет справиться со многими из этих проблем. Ведь «Алексей Косыгин» не понадобятся ни порт, ни стенка причала, ни гигантские погрузчики. Крохотные буксиры примут у него лихтеры прямо на рейде и спокойно доставят плавучие чемоданы вверх по рекам, в самые глухие районы Крайнего Севера и Сибири.

Доказано, что лихтерозовы особенно выгодно применять там, где крупные судоходные реки впадают в море, то есть на стыке. В тех краях, где еще слишком дорого обходится строительство крупных морских портов. «Алексей Косыгин» первым появился на Чукотке. Следом двинутся его собратья: уже существует проект сверхсовременного атомного лихтерозова, строятся новые суда, которые тоже будут ходить по расписанию...

Минуло всего полтора часа с начала погрузки, а первая пара лихтеров уже разместились на третьей палубе «Юлиуса Фучика». И вот снова пошла под воду платформа синхронлифта.

— «Зерноград», готовы, ждем, — снова сообщил по рации Анатолий Лялькин.

— Вас поняли. Формируем, — отозвались с маленького аккуратного буксира, вводя в бухту новую пару лихтеров.

Белла АХМАДУЛИНА

29 день февраля

Тот лишний день,
который нам дается,
как полагают люди, не к добру, —
но люди спят,
еще до дня, до солнца,
к добру или нет,
я этот день — беру.

Не сообщает сведений надземность,
но день — уж дан,
и шесть часов ему.
Расклада високосного чрезмерность
я за продленье бытия приму.

Иду в тайник и средоточье мрака,
где в крайний час,
когда рассвет незрим,
я дале всех от завтрашнего марта
и от всего, что следует за ним.

Я мешкаю в Ладыжинском овраге
и в доммысле: расход моих чернил,
к нему пристрастных,

не строку бумаге,
а вклад в рельеф округе причинил.
К метафорам

усмешлив мой избраннык.
Играть со мною недосуг ему.
Округлый склон оврагом —

рвано ранен.
Он придан месту,
словно мысль уму.

Замечу: не из-за моих писаний
он знаменит. Всеопытный народ
насквозь торил путь
простодушный самый
отсель в Ладыгу и наоборот.

✻
Дорога на Паршино,
дале — к Тарусе,
но я возвращаюсь
вспять ветра и звезд.
Движение мое
приключилось в этом русле
длинною — туда и обратно —
в шесть верст.

Шесть множим на столько,
что ровню несметность
получим. И этот туманный итог
вернем очертяньям,
составившим местность
в канун ее паводков и поволок.

Мой ход непрерывен,
я — словно течение,
чей долг —
подневольно влачиться вперед.
Небес близлежащих
ночное значенье
мою протяженность питает и пьет.

Я — свойство дороги,
черта и подробность.
Зачем сочинитель ее жития
все гонит и гонит мой робкий
прообраз в сюжет,
что прочней и пространней, чем я?

Близ Паршина и поворота к Тарусе
откуда мне знать,
сколько минуло лет?
Текущее вверх,
в изначальное устье,
все странствие длится,
а странника — нет.

Владимир САВЕЛЬЕВ

Дом окнами на Россию

Вкусил я вдали и окрестно
от всех ее тайн и щедрот.
И в ней мое малое место
никто никогда не займет.

Никто, хоть, надеюсь, не вскоре,
осилив целительный труд,
мои стариковские хвори
на душу мою посягнут.

Предстанут вершком расстоянья.
И, с почвой наследуя связь,
прерву я на фразе дыханье,
землистым с лица становясь.

Землистым, чтоб в новой гордыне
спеша зачеркнуть забытье,
прорезались стебли польни
сквозь тихое сердце мое.

Взошли к озаренью и мукам,
тревогам и голубизне.
Да будет земля моя внукам
хоть малость дороже, чем мне!

Да станет для них стороною,
где все и с душой и с умом.
Известно: земному—земное,
хотя б и на небе седьмом.

Незыблемо: вольному—воля.
Да правда. Да трудная доля.
Вот колос пшеничного поля—
к земле его гнет не вина,

не ветра осеннего плачи
и не бесприютность тем паче,
а жертвенность самоотдачи
вошедшего в зрелость зерна.

Вошедшего в самую силу.
Живу я, судьбы не тая,
и каждым окном на Россию
выходит квартира моя.

Выходит на зори, на ветры,
на миг скоротечный, на год.
Мы смертны.
Но в том, что мы смертны,
бессмертье Россия берет.

Берет за исток, за основу:
ведь роци ее и поля—
земля вольнодумца Толстого,
печального Блока земля.

Смекалистей нас да проворней
искали—нигде не нашли,
хоть если по чести, то в корне
мы все на земле—от земли.

Мы—черные,
желтые, белые,
но ставшие общей семьей.
Мы—смелые или несмелые,
но вставшие в рост над землей.

Нам добрая мать досталась.
Так сверь с нею сердце и путь,
рукою махнув на усталость:
от жизни нельзя отдохнуть!

От жизни—от боли и смеха.
От жизни—от ночи и дня.
То запахом меда и снега
земля опьяняет меня.

То старит. То манит куда-то,
чтоб юность вернуть мне опять.
Я тем же богат, чем богата
кормилица наша и мать.

И даже поболее: приметой
уже недалекого дня.
И грустью. И женщиной этой,
глядящей—земно—на меня.

Я, главного не притупляя,
живу, диалог с ней деля:
— Любимая, кто ты?
— Земля я!
А сам ты?
— Я сын твой, Земля!

Сердешный мой, неутолимый гений!
В своей тоске,
но по твоим следам,
влекусь тропой вековых хождений
и нет другой, чтоб разминуться нам.

От вас,
овраг осиливших с котомкой,
улышала, при быстрой влаге глаз:
— Мы все читали твой стишок.—
Который?—

— Да твой стишок,
там про овраг, про нас.

Чем и горжусь.
Но не в самом овраге.
Паденья миг меня доставит вниз.
Эй, эй! Помене гордости и влаги.
Посуше будь, все то,
что меж ресниц.

Люблю оврага образ и устройство.
Сорвемся с кручи, вольная строка!
Внизу—помедлим.
Восходить—не просто.
Подумаем на темном дне стиха.

Нам повезло,
что не был лоб расшиблен
о дерево. Он пригодится нам.
Зрачок приметлив,
хладен, не расширен.
Вверху—светает.

Точка—тоже там.
Я шла в овраг.
Давно ли это было?
До этих слов, до солнца и до дня.
Я выбираюсь. На краю обрыва
готовый день стоит и ждет меня.

Успею ль до полуночного часа
узнать: чем заплачу календарю
за лишний день?
за непомерность счастья?
я все это беру? иль отдаю?

Эшери не в сезон

Как холодно в Эшери и как строго.
На пир дождя
не звал нас небосвод.
Нет никого.
Лишь бодрствует дорога
влекомых морем
хладных горных вод.

Вино не приглашает к утешенью
условному. Ум раны трезв и наг.
Ущелье ныне мрачно, как ущелье
пристало быть. И остается нам

случайную пустыню ресторана
принять за совершенство пустоты.
И в сущности,
как мало расстоянья
меж тем и этим.
Милый друг, прости.

Как дней грядущих
призрачный историк
смотрю на жизнь,
где вместе ты и я,
где сир и дик
среди мирозданья столик,
накрытый на краю небытия.

Нет никого в ущелье:
лишь ущелье,
где звук воды велик,
как звук судьбы.
Ах нет, мой друг,
то просто дождь в Эшери.
Так я солгу—и ты мне так солги.

Земля—лишь от этой вот темы
я прочие вел и веду:
приземисты чуть ли не все мы
в моем стародавнем роду.

Сподручны нам серп и лопата.
Во всем начинавший с нуля,
я тем же богат, чем богата
исконная наша земля.

Я в ней покопался немало
от супеси и до камней.
И мне уж никак не пристало
стыдиться причастности к ней.

И руки скрывать за спиною
условностей неких рабом.
Известно: земному—земное,
хотя б и на небе седьмом.

Известно: любого полета
тогда постигается суть,
когда приземлится охота
не меньше, чем выси глотнуть.

Короче, оно не в укор мне,
что рос я в поту и в пыли:
ведь если по чести, то в корне
мы все на земле—от земли.

Под южным и северным солнцем
мы все и на все времена
от той, что видна из оконца,
и той, что с орбиты видна.

С орбиты она (и про это
давай-ка мы помнить с тобой!),
видна не багровой по цвету,
а, как говорят, голубой.

Видна—колыбель и основа—
из мчащегося корабля
Земля в смысле шара земного,
Земля как планета Земля.

Земля! И зимою и летом,
будь мир на ней или война,
одетая мраком и светом
плывет во Вселенной она.

До часу тебя не сильнее—
и летом кружит и зимой.
И все, что на ней и над нею,
становится ею самой...

Кренились и храмы и хаты.
О долгом житье не моля,
я тем же богат, чем богата
исконная наша земля.

Земля, а потом уже небо.
Я через себя пропустил
собообразные склепы
и кельи безвестных могил.

И шло золотое сомненье
религиям наперерез.
И где-то—всегда в отдаленье!—
былинка касалась небес.

Касалась, белея от зноя
на малом пути, но прямом.
Известно: земному—земное,
хотя б и на небе седьмом.

Земное—никак не иначе.
А с ним и земля мне видней,
и то, как любимые наши
в рыданиях бились на ней.

Забывать их я да не посмею!
Их скорбь да наследую я!
Прельщались землю моею
окрестных земель сыновья.

Под небом и ясным и хмурым
здесь, люто взметая клинки,
на веси бросали аллюром
своих скакунов степняки.

Французы здесь кутались в шали,
спроста попадая впросак.

Здесь немцы на пальцы дышали,
как будто свистели в кулак.

Казалось бы: биты—и квиты.
Но пыль нарастала вдали,
и снова гремели копыта
дорогами древней земли.

Вставали лесные завалы
на тропках, богатых зверьем.
Качались пожарища ало,
завешивая оком,

да рушилась чья-нибудь вера,
да правило пир воронье.
Земля—существует ли мера
святому терпенью ее?

Земля—не моя ли эпоха
ее проявляет полней?
Но сам ты смири-ка немного,
как встарь говорили,
коней.

Ты лично без жалоб на долю
сведи их с галопа на рысь.
Прислушайся к хлебному полю,
в озера и в тучи всмотришь.

«Родник». Расщепи это слово
и в дело пусти его снова.
«Родник»—он земнее земного:
сквозь все наслоенья песка

и напластования глины,
сквозь крайности и середины
пробились, светлы и глубинны,
семь струек того родника.

Пробились—и, радуя взор мне,
звеняще ушли в ковыли.
Да, если по чести, то в корне
мы все на земле—от земли.

В роду моем люди фартовы.
И сам я в мелькании вил
из кузниц нерусских подковы
на счастье в лугах находил.

Смотрел в польни да колодцы
и слышал, как пело в крови:
вокруг тебя не обойдется
ничто на земле без любви!

Без той, что, возникнув игрою,
судьбой обернулась для нас.
Без той, что несчастна порою.
Без той, что взаимна подчас.

Без той, что смертельней булата.
Без той, что грустней журавля.
Я тем же богат, чем богата
исконная наша земля.

1 июня — Всемирный день защиты детей

Генрих ИГИТЯН,
заслуженный
деятель искусств
Армянской ССР,
Генеральный директор
республиканского Центра
эстетического воспитания

Напомню читателям, что в 1979 году «Смена» уже рассказывала об опыте эстетического воспитания в Армении, о работе Детской картинной галереи, созданной в Ереване. Так что это мое выступление — своего рода отчет о том, что сделано нами за пять прошедших лет.

Пожалуй, главное событие — это пре-

образование Детской картинной галереи в республиканский Центр эстетического воспитания. Конечно, суть здесь не в замене вывески. Суть в том, что изменились сами формы работы, расширились наши возможности. Если раньше дети занимались только рисованием, то теперь они могут попробовать свои силы в многочисленных студиях: декоративно-прикладного и изобразительного искусства, кинотелефото, в детском театре и филармонии. Мы стремимся выявить творческий потенциал будущей личности, как того требует реформа школы. Ведь чему-то научить — это половина дела, важно, чтобы растущая душа нашла себя в окружающем ее мире. Одним словом, прежде всего мы пытаемся воспитать личность. Посудите сами: если ребенок изо дня в день приучается к систематическому труду, причем труду творческому, если в его

плоть и кровь входят такие понятия, как трудолюбие, усидчивость, умение доводить дело до конца, если он приходит к пониманию того, что любую работу нужно выполнять наилучшим образом, то кем бы он ни стал в будущем, он никогда уже не забудет уроков своего детства. Все ремесла, которые преподаются в Центре, предполагают развитие в ребенке именно этих качеств характера. Взять хотя бы ковроткачество, чеканку по металлу или резьбу по дереву, вышивание или керамику — вряд ли ребенка будет ждать тут хотя бы минимальный успех, если к своему увлечению он не отнесется серьезно.

У нас, педагогов, нет специальных, устоявшихся методик, стандартизированных форм обучения. Мы пока ищем, экспериментируем. В Центре собрались люди в основном молодые, для которых немислим формальный подход к обуче-

нию и воспитанию. У каждого из руководителей студий свой индивидуальный взгляд на методику преподавания, но он отнюдь не ведет к стихийной самостоятельности. Творчество педагогов мы изучаем, делимся своими находками с коллегами: так, шаг за шагом, выкристаллизовываются оптимальные решения. Причем хочу подчеркнуть, что наша система работы с детьми, основанная на трудовом и эстетическом воспитании, на мой взгляд, прямо связана с задачами, которые стоят сейчас перед общеобразовательной и профессиональной школой.

Трудовое воспитание — основа основ

**НА ЭТУДАХ
У ДРЕВНЕГО ГАРНИ.
ЗДЕСЬ ПОЗНАЮТСЯ
ЗАКОНЫ ГАРМОНИИ.**

Фото Александра НАГРАЛЬЯНА
и Виктора ЯКОБСОНА

**АКАДЕМИЯ
РАДОСТИ**

**ГЕНРИХ ИГИТЯН:
«ТРУД И ТВОРЧЕСТВО —
ВОТ ГЛАВНЫЕ
ВОСПИТАТЕЛИ».**

формирования личности. Реформа школы поднимает вопрос о труде производительном, лишенном формализма; растущий человек должен видеть плоды своих усилий. Ребята из нашего эстетического Центра скоро сами будут украшать в городе школы, детские сады, кафе, театры. Ведь одно дело, когда их творчество экспонируется на выставках, и совсем другое, когда работы детей волеются в интерьер целого города. Сейчас ребята оформляют школу старинных инструментов, ковры, гобел-

**РИТМЫ
ТЕАТРА
ПАНТОМИМЫ.**

**В МАСТЕРСКОЙ
НАРОДНОГО ХУДОЖНИКА
АРМЯНСКОЙ ССР
ЭПСИМЕ СИМОНЯН.**

**В ТАЛАНТЛИВЫХ
РУКАХ
ДАЖЕ МЕТАЛЛ
СТАНОВИТСЯ
ПОДАТЛИВЫМ.**

ТАНЦА СОЛНЕЧНЫЙ КРУГ.

лены, макраме, вышивка, керамика будут украшать фойе, классы, кабинеты. Дети все должны делать своими руками — это наш основной принцип. В детском театре, например, маленькие актеры обязательно и рабочие сцены. Они сами шьют костюмы, выполняют обязанности осветителей, гримеров.

Армения — республика богатых культурных традиций. Чтобы ими питаться в современных условиях, их нужно знать — для этого требуются кадры, много высококачественных, культурных людей и очень трудолюбивых к тому же. Я бы сказал, художников и каменотесов. Приобщить ребенка к радости не только собственного творчества, но к труду и творчеству отца, деда, сограждан твоей страны, передать уважение к создателям храмов Гарни и Гехард, помочь полюбить Пушкина и Туманяна, Баха и Чайковского — значит приобщить к жизни и радости предыдущих поколений. Самое же главное — воспитать умение не только взять из прошлого и настоящего, но и передать свои знания в будущее, послать свою радость через детей следующим за тобой поколениям.

**НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР
ФРУНЗИК МКРТЧЯН —
ЧАСТЬ ГОСТЬ
КИНО- И ФОТОСТУДИИ.**

Многие наши бывшие ученики уже работают преподавателями в городах и селах республики; некоторые поступили в художественно-театральный институт Еревана. Наши педагоги регулярно выезжают на места, создавая в городских и сельских школах кружки самодеятельности, потом постоянно следят за их работой. В детсадах и школах учителя занимаются с детьми по нашим, составленным в Центре программам. Мы постоянно выступаем с концертами по стране — и видели бы вы, с какой радостью нас встречают!

Сейчас вокруг Центра, включая периферию, объединено одиннадцать тысяч ребят. Это число можно увеличить. Помогут нам созданные и создаваемые филиалы Центра в разных городах республики — в Лениакане и Ахуряне, Кировакане и Горисе, Мерги и Апаране, Иджеване и Раздане.

...Пройдут годы, и мы, думаю, будем пожинать прекрасные плоды. Конечно, не все наши воспитанники станут работниками культурного фронта, как нам хотелось бы. Но, пройдя курс наук в сложной и увлекательной школе эстетического воспитания, каждый из них, какую бы профессию он ни выбрал в жизни, станет духовно богаче.

РАЗГОВОР ДЛЯ ДВОИХ

Очерк Валерия Храпова «Семейное счастье» («Смена» № 4, 1983 г.) и подборка откликов на этот материал (№ 19, 1983 г.) до сих пор привлекают внимание наших читателей. Семья, ее проблемы, конфликтные ситуации в ней и вокруг нее — что и говорить, каждый из нас сталкивается с этими вопросами чуть ли не ежедневно. Будничные вроде бы, малоприметные семейные драмы оказывают порой, увы, разрушительное действие на отношения и судьбы людей. Об этом и публикуемые сегодня письма, авторы которых повествуют о том, набравшем, о чем невозможно умолчать, чем хочется поделиться, ибо жизнь одного человека порой преподает назидательные, поучительные уроки, важные всем.

«А ЧЕГО ЖДАТЬ?..»

Здравствуй, дорогие друзья из «Смены»! Села писать письмо и вдруг засомневалась: может, я напрасно отнимаю у вас время? Но в душе накопилось столько противоречий, что все-таки решила поведать вам историю своей семейной жизни.

Мне 21 год, мужу 23. У нас растет сын. Уже полтора года мы живем вместе с родителями мужа. Может, это слишком маленький срок для каких-либо выводов, но я чувствую, что больше так не могу. Хочется быть самостоятельной. А родители мужа требуют, чтобы я жила по законам их семьи. Мне же кажется, что молодая семья должна брать все лучшее от родительских семей, но жить своим умом, а не на постоянных подсказках пап и мам.

Я предложила мужу отделиться от родителей, тем более что у них частный дом, и можно было бы разделить его так, чтобы для нас был свой вход. Он вроде согласился, но только мы заикнулись об этом родителям, они категорически воспротивились, назвав меня «девушкой с гонором». Муж ничего не может сказать против своих родителей. У нас есть еще возможность попросить моих стариков, чтобы они отдали нам флигель, где надо сделать только капремонт. Пусть там надо будет топить печь, и вода во дворе, но мы будем жить своей маленькой дружной семьей, где я буду хозяйкой. Но муж говорит: «А кто будет присматривать за родителями?» Свекрови 53, свекру 60 лет, они еще совсем не беспомощные. Даже если мы отделимся, мы не забудем их и будем к ним приходить и помогать. А муж сказал: «Набирайся терпения и жди!» А чего ждать?.. Уйти от мужа с сыном, развестись? Но мы поженились по любви, да и сейчас любим друг друга.

Муж тоже измучился, постоянно между родителями и мной. Он и меня любит и за родителей своих держится. Посоветуйте мне, как дальше жить? Не может же так продолжаться все время...

Елена Л., Ростов-на-Дону

И РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ — ПОРОВНУ

Здравствуй, «Смена»!
Почему-то именно сегодня меня потянуло на открытость. На твоих страницах я прочла очерк Валерия Храпова «Семейное счастье», а позже и отклики на эту статью.

Что же такое семейное счастье? Наверно, его нельзя определить какой-то одной общей фразой. У всех оно разное.

Напишу о себе. Мне 30 лет. В браке второй раз. У меня двое детей: сын Дима восьми лет и дочка Настенька — скоро ей будет 3 года. Муж любимый.

Я росла активной, в классе была заводилой. Может, поэтому раньше всех своих подружек вышла замуж. Но неудачно. После развода долгое время жила одна и почему-то была уверена, что никогда больше не выйду замуж. Какая-то злость, обида на мужскую половину была. Но прошло время, боль утихла.

И вот я встретила на своем пути Ваню. Он сделал мне предложение, и мы подали заявление в загс.

Теперь о счастье. Только с ним, с Ваней, я поняла, что же такое семейное счастье. Прежде всего, мы любим друг друга. А раз так, то, значит, во всем друг другу помогаем, не считаясь, кто что должен делать. Например, я на кухне, готовлю завтрак и одновременно навожу порядок, а муж с сыном в комнате убирают. (У нас однокомнатная квартира, тесновато, но ведь «в тесноте да не в обиде».) Я стираю, а муж тем временем моет посуду.

Когда появилась Настенька, хлопот, конечно, сразу прибавилось. Но я этого не почувствовала, потому что большую их часть взял на себя муж. Он не стесняется никакой женской работы: и пеленки стирает, и кашу сварит. Теперь открою свой небольшой секрет. Каждый человек любит похвалу. Вот помог муж что-нибудь по хозяйству — похвали его. Другой раз он делает еще лучше. Ведь как приятно, когда муж справляется с домашними делами не в обязаловку, а с охотой, с удовольствием.

Когда дочурке было 4 месяца, я вышла на работу (трудно было материально). Работаем мы посменно. Муж с работы прибегает, я — на работу. Встречались на лестничной площадке, обмениваясь фразами: «Во сколько ели, когда проснулись?» Вот и выросли так двоих детей.

Вы думаете, у нас в семье всегда все гладко? Конечно же, нет. Иногда кто-нибудь и сорвется. Но если мы и ссоримся, то никогда не говорим друг другу никаких обидных слов. И не ждем, кто же первый подойдет мириться. Стоит ему улыбнуться — и я все обиды забываю; стоит мне сказать ему что-нибудь ласковое — он всей душой ко мне. Можно еще много написать о том, как он помог мне закончить училище (училась заочно, раз в год уезжала на 40 дней на сессию в Ленинград, оставляя ему детей), и как он вопреки запретам его матери решился жениться на женщине с ребенком и стал прекрасным ему отцом. И еще о многом и многом, что составляет наше семейное счастье. Да, мы по-настоящему счастливы!

Е. ВОДОПЬЯНОВА,
Алма-Ата

УВАЖЕНИЕ НА ДВОИХ

Здравствуй, «Смена»!

С интересом читаю материалы рубрики «Жизнь семьи». Мы с мужем уже прожили 6 лет. Когда поженились, мне только исполнилось 19 лет, а ему — 23.

Сейчас у нас двое детей — сын и дочка. Живем все время с моими родителями. Были у нас и обиды и

ссоры. Но все разногласия улаживались, характеры наши менялись, мы привыкали друг к другу. Упорно, без подсказок проходили науку семейного благополучия, учились на собственных ошибках и делали так, чтобы нам обоим не было стыдно смотреть друг другу в глаза.

Никогда не перекладывали свои заботы на плечи родителей (я пятый год не работаю, сижу с детьми). Работают муж и мои родители. Мама и отец платят за квартиру, я трачу наши с мужем деньги на питание, на детей. Если бывает трудно, мы не отчаиваемся: сейчас трудно, завтра будет легко. Мы с мужем справляемся со всеми нашими заботами своими силами, потому что знаем: никто не принесет нам счастье на блюдце с голубой каемочкой. Если вы уважаете себя и близких вам людей, если у вас есть твердое серьезное чувство, умение понять другого человека и терпение, то, конечно, вы будете счастливы.

Наталья С.,
Ялта

И ВСЕХ ЖАЛКО, И ВСЕ ВИНОВАТЫ

Дорогая редакция «Смены»!

Пишет вам ученица девятого класса города Кишинева. Меня зовут Ирина, мне 15 лет. В нашей семье четыре человека: мама, папа, мой брат Славик и я. В этом году мама и папа отметили свою серебряную свадьбу — они прожили вместе 25 лет. Это ведь очень много, а дружной семьи все равно нет.

У нас дома ужасная обстановка. И все потому, что Славик, которому 20 лет, пьян. Когда он впервые не пришел ночевать, мама и папа обращались во все отделения милиции и больницы. А брат в это время был у своего друга и даже не позвонил домой. Он просто забыл о родителях. Потом он все чаще стал исчезать из дома, не приходил уже и по два, и по три дня.

Конечно, есть люди, которые пьют больше и чаще. Но я думаю: не это самое плохое в Славике. Он эгоист, совсем не думает о близких, не жалеет их.

Моя мама очень добрый, отзывчивый и чувствительный человек. Ради нас, детей, она несколько лет не работала, делала все, чтобы мы были ухожены и накормлены. Но она не могла долго сидеть дома. Папа то и дело упрекал ее, что она не работает, что он один кормит семью.

У моего папы очень сложный характер, потому что у него трудная судьба. Он рос без родителей, круглым сиротой. Жил в детском доме, окончил там школу и мечтал поступить в университет на геологический факультет, чтобы потом путешествовать по стране, но мечта так и осталась мечтой. Сейчас он работает в городской службе быта.

Папа заботится о семье: приносит продукты, убирает квартиру, моет окна, у него умелые руки. Но в воспитании Славика маме он не поддержка. Это я поняла, когда подросла. Например, мама всегда пыталась чем-нибудь заинтересовать Славика, отвлечь от плохих друзей. Папа же никогда не был близок с сыном. Говорит, что сам он рос без родителей, его воспитанием никто не занимался, и ничего не случилось. Но ведь так нельзя. Славик, когда был помладше, начнет что-то делать, папа тут же кричит: «Ты что делаешь, идиот? Ты же не умеешь, не трогай!» Или помню: когда мне было 9 лет, а Славика 14, мы всей семьей поехали в Одессу. В парке я

побежала покачаться на качелях, Славик тоже побежал за мной. Потом, когда он подошел к папе, тот при всех ударил его по щеке. Еще при этом и сказал: «Вымахал дылда, а бегаешь, как маленький».

Пишу, а у самой все это перед глазами. Конечно, брат стал отдаляться от дома.

Когда мама пошла работать, в семье стало еще хуже: Славик приходит пьяный, папа начинает кричать на него и даже бить. Так всегда бывает.

Маме очень стыдно, что я на все это смотрю. Но почему не стыдно им?

Вы скажете, что Славик такой из-за папы. Но ведь папа делает и хорошее. Да, он иногда груб и не всегда понимает, что своими действиями ранит близкого человека. Но папа наш пьет очень мало, только когда дома гости, не курит и материально заботится о семье.

Ну, и кроме того, у Славика прекрасный пример хорошего человека — мама. Она любит всех нас, всех понимает, на работе ее уважают. Мама воспитывала нас со Славиком без бабушек, и все детские врачи, приходя к нам, говорили, что в нашем доме все в первую очередь детям.

Почему же Славик теперь приносит столько горя своим самым близким людям?

Мне непонятно, как он может позвонить домой в два часа ночи пьяным, разбудить всех и говорить, что у него нет денег, но он придет на такси, а мама пусть выйдет (это ночью!) на улицу и рассчитается с водителем. После этого звонка и «прогулки» мама не спит уже до утра. А Славика все равно. Ему, видите ли, удобней приехать на такси. И мама, мягкий, уступчивый человек, идет его встречать. Почему? Потому что, если он не придет домой, он попадет в вытрезвитель. Об этом узнают у Славика на работе, и его увольят. Ведь он уже несколько раз бывал в вытрезвителе. А где потом ему работать?

В свои 20 лет это совсем не устроенный и не приспособленный к жизни человек. Вот мама с ним и мучается. Ей очень больно иметь такого сына. Она так много вложила в него сил.

Видите, как у нас в семье: и жалко всех, и нет никакого выхода. Просто невозможно так больше жить.

Несколько лет назад мама написала заявление о разводе. Папа разорвал его. Ведь он любит нас всех. Но мама все равно хочет снова идти в суд. Это бывает обычно после больших скандалов, но на следующий день папа ласков и добр, и мама все забывает. Ну и потом, если мама разведется с папой, Славик будет пить еще больше, он не боится маму. Сейчас он еще иногда сдерживается из-за папы. Если же нам разъехаться, Славик совсем пропадет, в его квартире будут вечные его дружки, гулянки.

Видите: положение ужасное. Мне очень жалко маму, но что я могу сделать? Я стала тоже очень раздражительной и, бывает, обижаю ее.

Дорогая редакция, помогите мне и маме, пожалуйста. Помогите и папе с братом, им тоже нужна помощь. Я написала вам далеко не все. Всего в письме не расскажешь.

Разберитесь, пожалуйста, в нашей жизни. Я сама не все могу понять, потому и обращаюсь к вам. Я очень жду от вас помощи.

**Ирина К.,
Кишинев**

От редакции. Четыре письма прочитали вы, уважаемые читатели. Четыре разных, очень личных исповеди о семейной жизни узнали, что называется, из первых уст. Жительница Алма-Аты Е. Водопьяновой и Наталья С. из Ялты приятно писать о своих семьях, в которых полная гармония и счастье. А вот ростовчанку Елену Л. и школьницу из Кишинева Иру К. взяли за перо заставили очень непростые обстоятельства. Как и чем им помочь?

Иногда приходится слышать: дети, мол, не могут быть судьями своих родителей. Но так ли это? Ведь они, дети, тоже полноправные члены семьи.

Вот и Ирина, несмотря на свой юный возраст, который считают «трудным», «переходным», вполне здраво и, не побоимся этого слова, мудро оценивает сложившуюся в ее семье ситуацию. Девушке нужна наша помощь, наш добрый совет, понимание. Давайте, дорогие читатели, вместе подумаем, что посоветовать Ире. Думаем, найдется у наших читателей совет и для Елены Л. Поразмышляем о том, почему появляется отчуждение в отношениях самых близких людей — родителей и их выросших детей, а рядом с доброй матерью вдруг растет эгоист сын. Способны ли дети в подобных случаях сами предотвратить горькую семейную драму?

Ждем ваших писем с советами и пожеланиями.

После выступлений «Смены»

Министерство химического и нефтяного машиностроения рассмотрело статью «За глухой стеной?..», опубликованную в 23-м номере журнала «Смена» за 1983 год, и считает, что в статье правильно поставлены вопросы улучшения производственно-хозяйственной деятельности ПО «Салаватнефтемаш». Замечания и предложения, высказанные в статье, учтены в разработанных и осуществляемых ПО «Салаватнефтемаш» оргтехмероприятиях по обеспечению выполнения Государственного плана 1984 года.

В истекшем году Минхиммашем на техническое перевооружение были выделены, а ПО «Салаватнефтемаш» освоены капиталовложения в объеме 2,04 миллиона рублей, приобретено и установлено 24 единицы металлообрабатывающего оборудования, подъемно-транспортных машин и механизмов. Прделана определенная работа по техническому перевооружению ряда участков и цехов, снижению доли ручного труда, внедрению передовых технологических процессов, улучшению организации производства.

Минхиммаш оказывает объединению дополнительную помощь в техническом перевооружении и совершенствовании организации производства.

В 1984 году на эти цели объединению выделено 3,7 миллиона рублей, из которых 3,2 миллиона рублей предназначено на приобретение современного оборудования, в том числе станков с числовым программным управлением.

Кроме того, Госпланом СССР совместно с Минхиммашем принято решение о расширении, начиная с 1985 года, Салаватского машиностроительного завода со строительством нового цеха, что позволит предприятию решить ряд технических и социальных проблем.

Вопросы технического перевооружения и дальнейшего развития ПО «Салаватнефтемаш» находятся под постоянным контролем министерства.

**П. ГРИГОРЬЕВ,
заместитель министра химического и нефтяного машиностроения**

Администрация, партком, профком и комитет ВЛКСМ производственного объединения «Салаватнефтемаш» сообщают редакции журнала, что критические замечания, высказанные в статье В. Сергеева «За глухой стеной?..» («Смена» № 23, 1983 г.), признаны правильными.

Совместно с общественными организациями администрация провела обсуждение статьи на заводском совещании с участием хозяйственных руководителей цехов, секретарей партийных и комсомольских организаций, председателей цехкомов, цеховых экономистов и нормировщиков, бригадиров, главных специалистов объединения и руководителей отделов.

Для изучения, внедрения и распространения передового опыта приказом по объединению созданы 10 референтских групп. Руководителями определены главные специалисты и начальники ведущих отделов. В этих группах работают 68 инженерно-технических работников. В каждом ведущем отделе и основном цехе назначены техинформаторы.

В соответствии с рекомендациями статьи разработаны чертежи и будут изготовлены поворотные приспособления к гильотинным ножницам по типу имеющихся на соседнем предприятии. Разрабатываются и будут внедрены в 1984 году установка по иглофрезерной зачистке околосшовной зоны и установка по снятию усиления сварных швов в теплообменных аппаратах. Эти операции пока выполняются вручную.

Состоялась поездка группы работников в объединение «Бугульманефтемаш». Они подробно ознакомились с организацией соцсоревнования, опытом внедрения бригадной формы труда, с рядом решенных проблем по механизации и облегчению ручного труда, с некоторыми новыми техпроцессами.

Высказанные в ходе обсуждения статьи предложения легли в основу дополнительных мероприятий для обеспечения выполнения плановых заданий на 1984—1985 годы и принятых обязательств.

Вместе с тем следует учесть, что в объединении на протяжении нескольких последних лет хозяйственным способом ведется техническое перевооружение, реконструкция отдельных цехов и завода «Нефтехиммаш», изготовление значительного количества нестандартизированного оборудования, строится свиноводческий комплекс. Все это отвлекает определенные трудовые ресурсы и внимание хозяйственных руководителей цехов, администрации и инженерно-технических работников управления. В этой обстановке руководством объединения уделялось недостаточно внимания решению проблем, которые были затронуты в статье «За глухой стеной?..».

Администрация, партком, профком и комитет ВЛКСМ примут меры и мобилизуют коллектив объединения на устранение отмеченных в статье недостатков, на реализацию разработанных мероприятий, безусловное выполнение плановых показателей и принятых обязательств.

**Е. ПУРИС, генеральный директор,
Р. КАЙБЫШЕВ, секретарь парткома,
А. ГАЛЕЕВ, председатель профкома,
А. ТАРАЩУК, секретарь комитета ВЛКСМ**

Мой бывший муж крайне нерегулярно платит алименты на содержание двоих несовершеннолетних детей. Слышала, что недавно принято постановление, по которому в этом случае государство может оказывать мне ежемесячную денежную помощь. Объясните, пожалуйста, так ли это?

**О. ЦАРЕВА,
Ярославль**

Да, уважаемая тов. Царева, вы не ошиблись. Наше государство проявляет постоянную заботу о матерях, воспитывающих детей без отцов. Дальнейшим шагом именно в этом направлении является постановление Совета Министров СССР № 134 от 6 февраля 1984 года «О введении временных пособий на несовершеннолетних детей в период розыска их родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов». Согласно этому постановлению, с 1 января 1985 года вводятся временные пособия на несовершеннолетних детей, родители которых по определениям судов разыскиваются органами внутренних дел в связи с неуплатой алиментов. Выплата таких пособий производится в течение всего срока розыска уклоняющихся от уплаты алиментов родителей.

На одного ребенка будет вы-

плачиваться 20 рублей, на двоих — 30, на троих — 40, на четверых и более детей — 50 рублей в месяц.

При установлении места нахождения родителей с них будут взыскиваться как сами расходы, причем с начислением 10 процентов на эти суммы, так и причитающаяся задолженность по алиментам. Средства на выплату временных пособий будут поступать не только из госбюджета, но также за счет отчисления 50 процентов сумм государственной пошлины, взимаемой за расторжение брака. Вот почему с 6 февраля 1984 года низший предел ставки государственной пошлины, взыскиваемой на основании судебного решения, увеличен с 50 до 100 рублей. Вдвое выше стала и сумма, взимаемая при регистрации расторжения брака органами загса.

Высокий вкус, добротность, изящество — эти качества, присущие изделиям таллинского объединения мастеров народных художественных промыслов, по достоинству оцениваются молодыми покупателями.

ВСЕГДА ПОПУЛЯРНЫ ПЛАТЬЯ ИЗ ТРИКОТАЖА, УКРАШЕННЫЕ НАРОДНОЙ ВЫШИВКОЙ.

ТАК СДЕЛАНО, ЧТО ХОЧЕТСЯ КУПИТЬ

Элла АГРАНОВСКАЯ

ЦВЕТЫ — ТРАДИЦИОННЫЙ ОРНАМЕНТ.

СЕКРЕТЫ МАСТЕРСТВА ПЕРЕДАЮТСЯ ПО НАСЛЕДСТВУ. ЭТОТ ИЗЯЩНЫЙ КУВШИН И МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ — ТВОРЧЕСТВО СЕМЬИ СТЕРНФЕЛЬДТ.

многолюдной. Шли годы, город разрастался, но не потеряла своей привлекательности древняя улочка. И не случайно именно на Пикк, в доме № 9, расположился самый крупный фирменный магазин объединения мастеров народных художественных промыслов «Уку».

Само название «Уку» символично: по эстонской мифологии, Уку — покровитель домашнего очага. И изделия, сотворенные народными умельцами, действительно напоминают о домашнем уюте. Забываются давние обычаи, уходят в прошлое величальные песни и ритуальные рукавички, но возьмешь в руки изящные украшения — и оживает дух столетий...

В старину эстонские крестьяне вязали шерстяные варежки не только для защиты от холода. По народному поверью, еще больше берегли они «от дурного

Некогда одной из центральных в старом Таллине была улица Пикк, что в переводе с эстонского означает «длинная». Плотно забитая торговыми рядами, она вела через Морские ворота в порт и потому всегда была оживленной и

глаза». Подаренные варежки сулили расположение, удачу, благополучие. Поэтому особенно в большом количестве вязали варежки к свадьбам. В некоторых местах Эстонии, например, в бывшем Сетумаа, за свадебным столом жених должен был сидеть в варежках, подаренных невестой в день сватовства. А на острове Сааремаа пиво считалось настоящим свадебным, если его варили в красных варежках... Все подобные ритуалы трудно и перечислить, настолько их много, не говоря уже о том, что женщина-крестьянка просто не могла себе представить торжественный выход из дома без самых нарядных своих перчаток. Вот и сегодня гости Таллина обязательно увозят с собой эстонский сувенир — украшенные национальным узором варежки или перчатки, сделанные мастерицами из «Уку».

Но варежки — лишь мизерная часть того, что предлагает объединение покупателей. Клетчатые ковры и одеяла, когда-то распространенные лишь на юге и островах Эстонии, полосатые дорожки и покрывала, без которых немислим быт ушедших лет, одежда, расшитая радужными узорами... Особенно знаме-

ниты изделия вышивальщиц с острова Муху. Очарование мухуской вышивки придает умение мастериц сочетать, казалось бы, несовместимые цвета. Стоит увидеть мухускую юбку, на которой непривычное сочетание смотрится удивительно гармонично, как немедленно хочется пополнить ею свой гардероб. Но одной юбки, конечно, недостаточно — к ней необходимы кофта или жилет, чулки, сумочка, а может, даже суконные туфли-пятид, украшенные знаменитым мухуским орнаментом. Или шарф, углы которого обрамлены изящными кистями или обшиты тесьмой. В древние времена широкое покры-

вало, позднее модифицированное в шарф, прикалывали спереди на плечах металлическими пряжками — оно подчеркивало достоинство

Фото
Анатолия
ИОЛИСА

И В ЯРКИХ ВАРЕЖКАХ, И В КУЛОНАХ, И В БРОШКАХ, И В РЕЗНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ КРУЖКАХ — ВО ВСЕХ ЭТИХ ИЗДЕЛИЯХ ЖИВЕТ ДУША ТАЛАНТЛИВЫХ УМЕЛЬЦЕВ ИЗ «УКУ».

крестьянки, солидность поведения, достаток в доме. Для завоевателя-мародера такое наплечное покрывало в начале XIII века считалось очень ценной добычей. А вот сейчас «добыть» его совсем несложно — для этого нужно лишь заглянуть в любой из фирменных магазинов объединения «Уку». Но если вас привлекает не толстый и теплый шарф, а ажурный, напоминающий воздушную морскую пену знаменитый хаапсалуский платок, который легко продается сквозь обручальное кольцо,

СКАЗОЧНЫМИ КРАСКАМИ РАСЦВЕТАЕТ ТКАНЬ ПОД РУКАМИ МАСТЕРИЦЫ ЦЕИТЫ КИРСТ.

будьте уверены: «Уку» позаботилось и об этом. Рассматривая знаменитые пивные кружки, кухонную утварь, медную посуду, украшения из металла, изделия из кожи, с трудом веришь в то, что сделаны они нашими современниками. С трудом веришь в то, что у них вообще есть автор, ибо возникает впечатление, будто достались эти изделия по наследству, от далеких эстонских предков. И все-таки автор есть. И не один, а множество. Ведь в «Уку», как в любом производстве, своя, четко налаженная система. В основе ее надомный труд. На 16 участках, разбросанных по всей республике, работают свыше 1400 надомниц, из них около 200 трудятся со дня образования объединения. В отличие от других предприятий здесь могут работать все умельцы — независимо от основной профессии. Совместителей в «Уку» около 1000 человек. Объединение обеспечивает работников материалами, инструментами, оборудованием — словом, делает все, чтобы не иссяк родник народного творчества. И потому особую надежду возлагает на молодых. С начинающими мастерами занимаются профессионалы, не случайно при учебно-производственном комбинате Калининского района Таллина открыт класс ручного вязания и вышивки. Очень часто мастерство передается по наследству, примером тому — семья Стернфельдт из Таллина. Отец, мать и сын создают великолепные украшения из металла. Кстати, именно эта семья «обеспечила» буквально всеми металлическими украшениями героев фильма «Король Лир», выполнив специальный заказ киностудии «Ленфильм».

Прекрасно смотрятся бусы, цепи, подвески, обручи из металла на современной одежде, и праздничной и деловой. А как великолепно дополняют они национальные костюмы, в которые одеты участники знаменитых эстонских певческих праздников! И поэтому ни один из традиционных таких праздников опять-таки не может обойтись без мастеров «Уку».

...Предельно просто сервировался праздничный стол эстонского крестьянина. Лишь деревянные пивные кружки и дощатая утварь подчеркивали его торжественность. Сегодня подобную посуду изготавливает Мейнхард Алт из города Кингисеппа, что на острове Сааремаа. Мастер украшает кружки легкой резьбой и выжженным орнаментом, используя фольклорные мотивы. И гости республики вместе с национальными сувенирами увозят благодарную память об авторе, который вдохнул в свои творения душу...

Таких мастеров в «Уку» сегодня много. И не случайно с каждым годом возрастает спрос на изделия объединения. Гармонично сочетая традиции народного искусства с современной модой, оно воспитывает у покупателей эстетический вкус, приобщает их к творчеству.

«Уку» — восемнадцать лет. Возраст сравнительно небольшой. Но это пора совершеннолетия, когда можно говорить и о творческой зрелости и о способности сохранить молодость древнего ремесла.

Мир капитала: международный терроризм

В читательской почте «Смены» много писем, в которых нас просят рассказать о подоплеке событий в Гренаде, об очередном кровавом злодеянии американской военной.

Слово политическому обозревателю Владиславу Чиркову, занимающемуся проблемами Латинской Америки.

В Америке в ходу такой анекдот. Двое дюжих джентльменов похваляются тем, что перевели старушку через улицу. Слушатели недоумевают: почему вдвоем? И джентльмены поясняют: «Так она же упиралась...»

Право сильного интеллигентные люди всегда понимали как право и обязанность защищать слабого и помогать слабому. Когда он, конечно, в этом нуждается.

«Высокомерием силы» называл Уильям Фулбрайт в бытность сенатором попытки США навязать вьетнамцам американские порядки. Во Вьетнаме не получилось. А крошечную Гренаду морские пехотинцы США при поддержке корабельной артиллерии в считанные дни «перевели» из лагеря свободы в стан Вашингтонских сателлитов.

Гренада — небольшое государство в Карибском море, расположенное на островах. Названо по имени главного острова. Территория — 344 квадратных километра. Население — 110 тысяч человек, в основном негры и мулаты, есть также выходцы из Индии и Европы. Основа экономики — сельское хозяйство. Выращиваются мускатный орех, какао-бобы, бананы. Культивируются также сахарный тростник, кокосовые пальмы, цитрусовые.

Остров Гренада был открыт в 1498 году Колумбом. В течение столетий его оспаривали друг у друга англичане и французы. В 1783 году по Версальскому договору стал колонией Великобритании. В 1967 году Гренада получила статус «ассоциированного с Великобританией государства», самостоятельно решающего лишь вопросы внутренней политики. 7 февраля 1974 года была провозглашена независимость Гренады.

Премьер-министром еще до провозглашения независимости стал «демагог Гейри» (выражение английской газеты «Гардиан»). Этот склонный к мистике человек с диктаторскими замашками, неразборчивый в средствах, главную помеху своим амбициям видел в движении «Новый объединенный поход за благосостояние, образование и освобождение». Эту организацию, пользовавшуюся поддержкой масс, возглавлял прогрессивно настроенный адвокат Морис Бишоп.

За шесть часов до церемонии провозглашения независимости, пока премьер-министр принимал иностранных гостей, 60 полицейских в штатском подъехали к дому Бишоп и арестовали его. Это был не первый арест лидера оппозиции. В свое время ему даже пришлось выезжать на Барбадос лечить травму глаз, которую нанесли полицейские, избивавшие его во время допроса. Когда арестованного Мориса Бишоп вели к машине, он сказал, обращаясь к жене в присутствии агентов охраны: «Если насилие со стороны правительства возрастает, сопротивление народа усиливается. Дело за народом...»

Гейри, проводивший антинародную, империалистическую политику, установил в стране террористический режим. Созданный им репрессивный аппарат, в частности молодчики из военизированных отрядов «Мангусты», жестоко подавлял выступления оппозиции. Представителей прогрессивных организаций бросали в тюрьмы, подвергали пыткам. Диктатор поддерживал контакты с самыми реакционными режимами, например, с ЮАР и Чили. Отношения с Пиночетом он характеризовал как «теплые и дружественные».

На рассвете 13 марта 1979 года группа революционеров во главе с Морисом Бишопом в результате молниеносного налета захватила армейские казармы в столице. Атака длилась всего полчаса. Армия сдавалась практически без сопротивления. Другая группа патриотов заняла единственную в стране радиостанцию. Переворот был почти бескровным — погибли всего два человека. Не прошло и часа, как гренадцы вышли на улицы, чтобы поддержать восставших. Прогнавшийся режим рухнул, как карточный домик. Гейри перебрался в Нью-Йорк. Большинство его министров были арестованы.

«Наше движение», — подчеркивал Бишоп в своем выступлении по радио, — взяло власть, чтобы покончить с режимом угнетения и репрессий. Мы намерены обеспечить всему народу работу, пищу, элементарное жилье и медицинское обслуживание». Новое правительство Гренады заявило о стремлении поддерживать «добрые отношения со всеми странами».

Начала осуществляться широкая программа прогрессивных преобразований в интересах подавляющего большинства населения. Главная цель программы — преодоление экономической отсталости,

ликвидация засилья иностранного капитала. Некоторые важные меры были приняты сразу же после свержения Гейри. В частности, заморожены розничные цены, введена равная оплата за равный труд мужчин и женщин.

Одним из первых главных дел, за которые с жаром взялась гренадская революция, была борьба с невежеством. Известно, что грамотный, прежде чем подставить шею под хомут, задумается: а кто дал право хозяину надевать ему этот хомут? Просвещенный народ невозможно долго удерживать в узде. Но, быть может, еще нужнее знания, когда ярмо сброшено и надо начинать строить новую жизнь. Всесторонне образованный, овладевший духовной культурой человек засучит рукава не просто потому, что ему нужен кусок хлеба: в конце концов, как говорили классики, человек живет не для того, чтобы есть, а ест для того, чтобы жить. Мыслящий примется сдвигать гору не потому лишь, что увлечен броским лозунгом, жизнь которого порой скоротечна. Он отдаст все силы и талант не просто труду, но творчеству только в случае, если, будучи вооружен знанием, ясно видит перспективу и понимает нужность данного дела.

На строительство школ и больниц правительство Бишоп не жалело средств из своего скудного бюджета.

Гренада проводила последовательную политику мира и мирного сосуществования, вступила в движение неприсоединившихся стран, установила дипломатические отношения с Советским Союзом, Кубой, другими социалистическими странами.

Империализм всеми средствами пытался «дестабилизировать» положение в Гренаде. Реакционные силы, поддерживаемые извне, стремились посеять хаос в стране, прибегая к испытанным методам саботажа и провокации. В один из майских дней 1979 года в столице Гренады Сент-Джорджесе почти одновременно вспыхнули два пожара — загорелись здание торговых фирм и туристский центр. Поджог торгового центра должен был вызвать переполох среди деловых кругов. А пожаром в туристском центре реакционеры надеялись отпугнуть иностранных туристов.

Несмотря на происки реакции, гренадцы с энтузиазмом продолжали строить новую жизнь. «Гренада больше не является ничем задворком», — говорил Морис Бишоп. — Мы — небольшая, но гордая страна. Наш народ преисполнен решимости защищать свое право на самоопределение, независимость и социальный прогресс». Мог ли он знать, что несколько лет спустя империалистический гигант это право втопчет в грязь?

С Гренадой США расправились с использованием всех аксессуаров разбоя: убийств, повальных арестов, травли инакомыслящих.

Преступление на Солнеч

Владислав ЧИРКОВ

Сотни сторонников правительства Бишоп брошены за решетку. Испытанные в Индокитае «тировые клетки», как сооружения капитальные, не подошли. Взаем применили «собачьи конуры» — тесные деревянные ящики с маленькими отверстиями для вентиляции. Узники буквально вползали в эти одиночные камеры. «Я чувствую себя гестаповцем, арестовывая этих бесправных людей», — вырвалось у одного американского солдата в присутствии журналиста. Насаждая «новый порядок», оккупанты взяли на себя и роль политической полиции. Бывшим сторонникам правительства Бишоп предписали постоянно носить с собой «зеленую карточку» — официальный документ, констатирующий, что его владелец отказывается от права на политическую деятельность. Зато полную свободу «деятельности» обеспечили уголовникам и головорезам из банд «Мангусты», которых интервенты в первые же дни выпустили из тюрем.

Власть передана в руки марионеточного «временного правительства». Начало превращения Гренады в новую военную базу Пентагона. Вслед за морскими пехотинцами изготовились к прыжку на остров и «десантники» другого рода — представители американского бизнеса.

С садистским расчетом был выбран момент для

удара — сразу после обострения внутреннего конфликта на Гренаде, приведшего к гибели премьер-министра Бишоп и некоторых других гренадских руководителей. Кубинское правительство, поддерживавшее тесные связи с правительством революционной Гренады, предупреждало, что империализм постарается извлечь максимальную выгоду из происшедшей трагедии. Так оно и случилось.

Разбойничье нападение США на Гренаду вновь наводит на грустные размышления о том, что, увы, есть еще на нашей брэнной земле деятели, которые на словах превозносят права человека, а делами своими попирают их. Которые клеветнически обвиняют другие государства в «международном терроризме», а сами возводят международный терроризм в ранг государственной политики.

Можно ли всерьез принимать славословия правам человека, исходящие от тех, кто следует принципу: прав тот, у кого больше оружия и денег, кто втаптывает в грязь права целых народов, кто возводит в Западной Европе цитадели ракет, грозящих уничтожением всему человечеству?

Ракетами, нацеленными на Советский Союз и другие страны социалистического содружества, бандитской вылазкой против Гренады, корабельными орудиями, повернутыми в сторону Кубы, Никарагуа, Ливана, Вашингтон пытается утвердить грубую силу в качестве мерила справедливости и законности.

«Я действительно верю в право страны осуществлять тайные операции, когда, по ее мнению, они в наибольшей степени отвечают ее интересам», — заявляет Рейган. «На Гренаде президент раздвинул рамки этой доктрины, включив в нее, таким образом, военное вторжение», — уточняет его сентенцию известный американский историк Артур Шлесинджер.

В Латинской Америке США издавна присвоили себе «право» вершить суд и расправу. Как заявил в связи с агрессией на Гренаде бывший президент Мексики Луис Эчеверриа, с момента своего зарождения как независимого государства по 1973 год, когда при американском участии был свергнут и убит в Чили Сальвадор Альенде, Соединенные Штаты 180 раз вмешивались во внутренние дела суверенных латиноамериканских государств. Это и вторжение наемников Центрального разведывательного управления в Гватемалу в 1954 году, и высадка «гусанос» («слизняков») в заливе Кочинос (Куба) в 1961 году, и многотысячный американский десант в Доминиканской Республике в 1965 году.

Все это происходит не в дремучем лесу или на большой дороге, а на глазах у всего мира. И потому требуются хоть какие-то объяснения. «Одержимые властью никогда не стеснялись находить задним числом смысл в уже принятых реше-

ниях», — замечает Михаэль Науман, автор статьи в западногерманском журнале «Шпигель».

Вашингтон нагрозил вокруг интервенции против Гренады горы лжи. В частности, утверждалось, что цель вторжения — «защита жизни американских граждан», находившихся на Гренаде. Аргумент насковозь фальшивый. В действительности гражданам США никто там не угрожал. Американские студенты, а также пенсионеры, решившие доживать свой век на Гренаде с ее благодатным климатом, прекрасно себя там чувствовали. Студент из Нью-Йорка Стюарт Рэш, обучавшийся в медицинском институте в Сент-Джорджесе и находившийся на Гренаде в момент высадки войск США, заявил в интервью нью-йоркской газете «Ривердейл пресс», что за все время своего пребывания в стране он ни разу не видел даже признаков того, что ему что-то угрожает.

Жизнь иностранцев оказалась в опасности как раз тогда, когда началось вторжение. Интервенция против Гренады (кстати, операция носила кодовое название «Внезапная ярость») отнюдь не была спонтанной акцией, а готовилась загодя. Еще в 1981 году военно-морские силы США провели маневры с высадкой морской пехоты на пуэрто-риканском острове Вьекос. Высадка проходила под кодовым

не всего вдоволь, должна израсходовать сумму, эквивалентную 60 миллионам долларов, чтобы помочь гренадцам в строительстве аэропорта. Да просто потому, что он им, гренадцам, был позарез нужен, этот важный аэропорт, чтобы принимать туристов и тем самым поправить дела в своей экономике, которой не просуществовать одним лишь мускатным орехом.

А потом, вооруженные до зубов, пришли те, кто взял за правило экспорт контрреволюции.

Куба не искала для себя на Гренаде никаких выгод. Не ради ростовщических процентов она отрывала от себя миллионы. Кстати, кто вернет их теперь? И кто вернет ей то, что вообще не имеет цены, — жизнь ее погибших на Гренаде сынов?

Да, на Гренаде находилось несколько десятков кубинских военных инструкторов. И что из этого? Правительство суверенной Гренады имело полное право пригласить и большее число военных советников, если бы сочло это необходимым для защиты завоеваний революции. Даже если бы на Гренаде была чья-то военная база, разве это могло служить основанием для интервенции! Сами же США имеют около 1500 (!) своих баз и других военных объектов на территории 32 государств. Пентагон постоянно держит там свыше полумиллиона своих военнослужащих с огромным количеством оружия, в том числе ядерного. И никому не приходит в голову нападать на эти базы с целью их «ликвидации».

Наглость, с какой США растоптали международное право, поразила даже их самых верных союзников. Премьер-министр Англии Маргарет Тэтчер заявила, что Рейган предпринял вторжение на Гренаду вопреки ее настоятельному совету не делать этого. «Если дело идет к провозглашению нового закона, согласно которому Соединенные Штаты обязаны вторгаться на территорию коммунистических стран, тогда нам предстоит поистине страшные войны». Что-то не припомнится, когда мы последний раз слышали такие речи из уст английского премьера...

Неудивительно, что при обсуждении на Генеральной Ассамблее ООН гренадского вопроса США оказались практически в полной изоляции. Вторжение отказался осудить лишь сам агрессор — США, находящиеся на полном содержании Вашингтона шесть режимов в Карибском море, принявших непосредственное участие в преступлении против гренадского народа, послав туда символические контингенты своих войск, проамериканская хунта Сальвадора, а также Израиль, который сам оккупирует чужие территории. В принятой Ассамблеей резолюции содержалось требование немедленного прекращения вооруженной интервенции и безотлагательного вывода иностранных войск с Гренады.

США пропустили резолюцию мимо ушей, и если в декабре они вывели с Гренады часть своих военнослужащих, то не потому, что устыдились содеянного, а потому, что задуманное было достигнуто.

Суммируя реакцию на вторжение США в Гренаду, французская газета «Либерасьон» писала, что Рейган «вызвал возмущение в Организации американских государств (ОАГ), наплевал на своего главного союзника в Европе Маргарет Тэтчер, заставил отвернуться от себя французов и, судя по всему, укрепил позиции западноевропейских пацифистов, которые сегодня, как никогда прежде, убеждены, что американский президент просто-напросто опасный человек».

Ощущение надвигающейся опасности — вот что испытывали латиноамериканцы, узнав о выстрелах американских морских пехотинцев на Гренаде. «Сегодня — Гренада, завтра может быть другая страна», — такими словами выразил тревогу латиноамериканцев председатель постоянного совета ОАГ представитель Боливии Фернандо Саласар.

Кто следующий? Куба? Во всяком случае, Пентагон неожиданно затеял близ кубинских берегов военно-морские маневры, условия которых «максимально приближены к боевым». Или очередной жертвой станет Никарагуа? В Гондурасе к никарагуанской границе стянуты 25 тысяч солдат гватемальской, сальвадорской и гондурасской армий, а также банды контрреволюционеров-сомосовцев. Под предлогом проведения военных маневров «Биг пайн-2» в Гондурасе продолжают находиться тысячи американских солдат...

Права человека и суверенные права государства — это ветви и ствол одного дерева. Тот, кто посягает на суверенитет другого государства, убивает свободу и достоинство его граждан. И нередко при этом убивает самих граждан. Но рано или поздно возмездие настигает преступника.

Задумывался ли когда-нибудь об этом президент Рейган, который, словно полагая «агенту 007» Джеймсу Бонду, присвоил себе право убивать, когда ему вздумается?

ПОМНИ ОСТРОВОВ

наименованием «Янтарь и янтарчики». Имелись в виду сам остров Гренада и раскинувшиеся рядом с ним мелкие острова. В конце сентября — начале октября 1983 года была проведена генеральная репетиция: в штате Вашингтон отработывалась операция вторжения в условиях, воспроизводивших обстановку в районе строительства нового аэропорта близ столицы Гренады.

Другое «оправдание» агрессии: Белый дом, дескать, был вынужден принять меры к ликвидации «гигантской авиационной советско-кубинской опорной базы». И снова ложь. Близ Сент-Джорджеса строился сугубо гражданский, а не военный аэродром. Это подтвердил подрядчик — английская фирма «Плесси эйрпортс». Дело в том, что гренадцы собирались хранить в зоне аэропорта, в наземных резервуарах, не только авиационное горючее, но и топливо для автотранспорта. «Если бы этот аэропорт замыслился как военный объект, то размещение стратегических резервов горючего этой страны на поверхности было бы актом немислимой глупости», — заметил директор-распорядитель фирмы «Плесси» в письме, которое он направил в лондонскую газету «Таймс».

Рядом со словом «Гренада» в Белом доме в

последние годы обязательно произносили слово «Куба». Именно Кубу обвиняли в том, что она «экспортировала» на Гренаду свою революцию. В действительности в формулу «экспорт революции» не верят и сами ее изобретатели. В Вашингтоне прекрасно знают, что революция не товар, который можно упаковать в ящик и отправить адресату.

Пример под боком у США — Никарагуа 1979-го. И Сомоса был вооружен до зубов. И империализм, «наученный» Кубой 1959-го, был в полной боевой готовности, но революция в Никарагуа совершилась. И тщетно было искать в сандинистских рядах хотя бы одного бойца-кубинца. Зато портреты Че Гевары в вещмешках солдат свободы были. Да, пожалуй, написанная им когда-то книжка о партизанской войне...

Если Куба и экспортирует что-либо, помимо товаров в буквальном смысле, так это собственный пример — пример первого в западном полушарии социалистического государства. Куба давала Гренаде то, что сама ценит выше всего, — здоровье и знание для ее граждан. Первыми туда направлялись кубинские врачи и учителя. Да еще строители.

Кубинцам, воспитанным революцией в духе интернационализма, не было надобности долго объяснять, почему их страна, у которой у самой отнюдь

ЭТОЙ
ЛАБОРАТОРИИ
НА КОЛЕСАХ
ПОД СИЛУ
СЛОЖНЕЙШИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ.

ДОЛГ ЧЕЛОВЕКА — СОХРАНИТЬ
ПРИРОДУ ОБЛИК ПЕРВОЗДАННЫЙ.

Фото
Петра НОВИКОВА и
Владимира ЧЕЙШВИЛИ

КАК ЗДОРОВЬЕ, ПРИРОДА?

Представьте себе огромный — семнадцать метров в длину — автомобильный трейлер, поблескивающий на солнце полированными алюминиевыми боками. На борту — алая надпись: «Госкомитет по охране природы Азербайджанской ССР». Так выглядит первая в Советском Союзе передвижная лаборатория, главная задача которой — контроль за чистотой и сохранностью окружающей среды.

Внутри тепло и светло. Бесшумно работают кондиционеры, лампы дневного света обеспечивают ровное, удобное для работы освещение.

— Говорят, театр начинается с вешалки, — улыбается Шагин Алиев. — А мы начнем осмотр нашей передвижной лаборатории с... мойки...

И действительно, мытье посуды в химической лаборатории — весьма серьезное дело. Ведь от ее чистоты в первую очередь зависят точность и достоверность будущих анализов. Но где взять воду в полевых условиях? Водить с собой? Но рационально ли это — занимать полезную площадь фургона сотнелитровыми баками?

Конструкторы передвижной лаборатории решили задачу по-иному. У передней стенки фургона установлено устройство для очистки воды. Шланг водозаборника опускается в любой водоем — будь то даже болото или морской залив, — и через некоторое время из крана струей польется пресная, химически чистая вода. Главную роль в этой установке играют особые мембраны и фильтрующие патроны. Вода под давлением проходит сквозь них и очищается...

Мы передвигаемся по лаборатории, переходя от прибора к прибору.

— Вот здесь у нас термостат, — поясняет Шагин Алиев. — Он необходим в тех случаях, когда по каким-либо причинам нам нужно сохранять собранные пробы при определенной температуре. А рядом — холодильник, который обеспечит пониженную температуру образцов и реактивов...

Передвижная лаборатория оборудована ничуть не хуже стационарной. В фургоне нашлось место даже для метеостанции.

— А она-то зачем? — удивился я.

— Представьте себе, вы взяли пробы, исследовали их, получили какие-то значения. Но полученные абсолютные значения в общем-то мало что говорят даже специалисту. Чтобы сравнить их с какими-то эталонными, необходимо произвести пересчет применительно к стандартным метеоданным: температуре, давлению... Более того, точно зная атмосферные условия в момент взятия проб, можно прогнозировать, какой станет обстановка в данном районе при перемене направления ветра, его усилении или ослаблении...

Мы подошли к стойке, заставленной блоками аппаратуры от пола до потолка. Эта система предназначена для экспресс-анализа воздуха и воды. В нее входят отдельные блоки, которые очень быстро в автоматическом режиме проводят анализ проб на окислы серы, азота, угарный газ и другие вредные вещества. Если еще учесть, что забор проб для такого анализа тоже проводится автоматически, специальными устройствами, опять-таки входящими в состав оборудования передвижной ла-

боратории, то весь экспресс-анализ от начала и до конца можно провести за считанные минуты...

Есть в составе лаборатории и устройство, которое может очень быстро оценить прозрачность атмосферы в данном районе, ее задымленность. По внешнему виду оно напоминает любительский телескоп на раздвижной треноге. От «телескопа» отходит соединительный кабель к электронному блоку.

Принцип действия прибора в общем-то довольно прост. Он улавливает количество ультрафиолетовых лучей, проходящих от солнца сквозь атмосферу в данном районе, и сравнивает это количество с эталонными данными, полученными в чистой атмосфере. Электронный блок выдает сразу готовое заключение о степени загрязнения атмосферы.

Для еще более детального исследования лаборатория располагает двумя уникальными комплексами, в которые входят газовый и жидкостный хроматографы, а также приборы для атомно-абсорбционного анализа.

— Суть работы хроматографа вкратце заключается в следующем, — говорит Шагин Алиев. — Хроматография — это метод разделения и анализа смесей, основанный на различном распределении их между двумя фазами — подвижной и неподвижной или на различной способности компонентов к абсорбции, ионному обмену...

Говоря проще, суть хроматографии в какой-то мере можно уяснить, проведя вот какой эксперимент. Промокните промокашкой жирную кляксу черных чернил и посмотрите, что из этого получится. Пятно на промокашке начнет расплываться, из черного вскоре может

стать цветным, красно-сине-черным. Это происходит в тех случаях, когда черные чернила составлены из красителей двух цветов — красного и синего.

Примерно таким же образом, только гораздо более точно, и происходит разделение смесей на составные элементы в хроматографах. Причем смесь эта, как говорит уже само название метода, может быть как газовой, так и в виде смеси жидкостей.

Ну, а когда и этого оказывается недостаточно, для анализа применяют атомно-абсорбционный метод исследования.

Конечно, если производить все эти операции вручную, на них уйдет масса времени. Поэтому управление большинством операций возложено на компьютер. Он помещается здесь же, рядом с хроматографом...

Несмотря на свои довольно скромные размеры — не больше чемодана, — компьютер обладает внушительной памятью, отменным быстродействием и может всего за две-три минуты обработать данные сразу всех приборов и устройств передвижной лаборатории.

— Таким образом, — подвел итог нашей беседы Шагин Алиев, — мы теперь имеем возможность оперативного и точного контроля за состоянием окружающей среды практически на всей территории Азербайджана. А значит, чистота воздуха, воды, почвы в республике будет поддерживаться на должном уровне. И дальнейшее развитие промышленности, в том числе нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей, не приведет к ухудшению экологической обстановки ни на суше, ни на море, ни в воздухе и позволит сохранить живую природу, здоровье людей...

В апреле этого года ему исполнилось бы всего 45 лет... А к его сорока годам, когда наше киноискусство потеряло этого своеобразного, неповторимого актера, за плечами у Владислава Дворжецкого было уже более двух десятков интересных работ, среди которых такие, как роль генерала Хлудова в фильме «Бег» — его блистательный дебют в кино, как роль Бертон в «Солярисе», роль известного публициста Ярослава Галана в фильме «До последней минуты», за исполнение которой он был удостоен Государственной премии Украинской ССР, роли короля Филиппа в «Легенде о Тиле», Карабанова в «Возвращении «Святого Луки»...

Успех у зрителей ему обеспечивал уже сам облик — загадочный, я бы сказал, сумрачный (хотя из Омской театральной студии он выпускался как комедийный актер и всю жизнь мечтал сыграть у Эльдара Рязанова или Ролана Быкова). Кинокритики отмечали: «Этому актеру достаточно появиться на экране, чтобы у зрителя возникли десятки версий судьбы его героя. Даже самую незначительную роль он умеет делать многозначительной».

Но те, кто знал его ближе, видели в нем прежде всего глубокую и самобытную личность, отмечали в его труде точность наблюдений, обостренное чувство правды, колоссальную, на уровне самосожжения, работоспособность в стремлении постичь самую суть образа.

Настоящий талант — всегда личность. В этом убеждаешься лишней раз, когда читаешь вот сейчас литературные опыты Владислава Дворжецкого, его беглые и тайные — для себя только — наброски.

Думается, читателям «Смены» будет интересно познакомиться с этой доселе скрытой от многих гранью яркой личности известного мастера советского кино.

Валентин СВИНИННИКОВ

Владислав ДВОРЖЕЦКИЙ

наедине с собой

Кто, когда, чем и на чем сообразил сделать первую, ни на что не похожую закорючку?!

Как этому неизвестному удалось уговорить остальных — многих, что эта закорючка обозначает то-то и то-то? Уму непостижимо! Вот тогда-то и началось!..

Камнем на камне, костью на кости, кровью, тушью, чернилами, пастой человек начал выбивать, выцарапывать, кричать о себе — себе подобным, ибо человек — это ЧТО, КАК и ДЛЯ ЧЕГО он... Но ведь зачем-то придумалась эта закорючка!

«...способность человека выразить гласно мысли и чувства свои; дар говорить, сообщаться разумно сочетаемыми звуками...»

ДАЛЬ.
Толковый словарь.

«Слово есть воссоздание внутри себя мира...»

Аксаков.

Омск. Детство

Как только начинаешь вспоминать, особенно что-то далекое, что было в детстве, очень трудно сосредоточиться. Одно воспоминание тащит за собой другое, третье и так до бесконечности, но все вместе — это непоследовательно и сумбурно.

Я точно помню, какая у меня была ванночка для купания, когда я был совсем маленький: складная, как старые раскладушки, из розовой клеенки. Я даже помню запах этой клеенки.

Очень хорошо помню огромного медведя, который стоял на лестнице в Доме пионеров. Помню его оскаль, желтые клыки и на ощупь помню его...

Во время войны Зорьку, лошадь, которая возила директрису театра Сомборскую, убили, и мы, все маленькие, бегали смотреть вниз на кухню на ее кишки, лежащие в корыте. Они были синие, нет, голубые... Должны были сделать колбасу...

Дом двухэтажный. Одна половина дома каменная, другая — из дерева. Обе половины соединены

аркой, под аркой — ворота. Ворота большие, железные, когда их закрывают, они скрипят, но закрывают их редко. Еще на них можно кататься. В каменную половину дома ведет мраморное крыльцо, под ним вход в подвал, в подвале кочегарка. Если подняться по крыльцу, то попадешь в вестибюль, в углу которого будочка — там когда-то был телефон и сидел дежурный. Пол в вестибюле очень красивый: красный в шашечку и в каждом квадрате подобие цветка. Из вестибюля по мраморной лестнице можно попасть на второй этаж. Мраморные лестницы, зеленоватый с вкраплениями белых кусочков, очень похож на срез колбасы с кусочками жира и от этого кажется скользким. Он и на самом деле скользкий: редко кто из жильцов не падал, спускаясь по этой лестнице. Перила у нее были деревянные с медной решеткой из кованных листьев и завитушек...

На фасаде дома, над мраморным крыльцом, видны были буквы: «Гостиница «Номера деловой двор». Над буквами окно. Не простое окно, а огромное, почти круглое окно. В городе на одном из домов я видел окно, похожее на замочную скважи-

ну.— это очень интересное окно, но наше, круглое, почти круглое, огромное— мы им очень гордились! Комната за ним должна быть большой и, когда в этом доме была гостиница «Номера деловой двор», вероятно, именовалась «люксом», а сейчас в ней жил Филь. Филь-Филевич. Он был театральным художником-исполнителем. Это был человек маленького роста с хриплым голосом. Голос у него был такой, вероятно, от трубки, которую он не выпускал изо рта. У Филья была собака Пикус, которая была злая и лаяла таким же хриплым голосом, как у хозяина. Еще Филь говорил с акцентом, потому что был поляк, и у него было два сына: Генка и Сережа.

В доме, и в каменной и в деревянной половине, жили люди, которые так или иначе имели отношение к театру,— это были общежитие артистов. Это оно так называлось, но жили в нем и гримеры, и художники, и рабочие сцены, и даже кучер, который возил директрису театра Лину Семеновну Сомборскую.

...Фонтан был чудом строительной техники! Это была бетонная чаша диаметром метров двадцать и глубиной метра два, в центре, на пьедестале, было сооружение, отдаленно напоминающее женщину с кувшином. Я никогда не видел, чтобы вода, как положено в фонтанах, била живописной струей. Эта сидящая женщина была вся в ржавых подтеках, потому что напора не хватало и вода сочилась из кувшина по груди и коленям этого изваяния. Нос у женщины был отбит чьим-то метким камнем, и казалось, что это кровь из носа капает... По всей окружности чаши были проделаны маленькие дырочки, из которых должна была бить вода и образовывать такую живописную арку, но, увы, воду можно было только высасывать, что и делали мальчишки, принося ртами к теплоту от солнца бетону. Из этих дырочек можно было добиться подобия фонтанчиков, если сильно в них дунуть, тогда из остальных выскакивали струйки ржавой воды, а во рту надолго оставался вкус ржавых гвоздей. Зимой вода, накапливающаяся в фонтане, замерзала, и можно было кататься на коньках... Это я сейчас пишу, что можно было кататься на коньках, тогда я этого не знал, я не знал даже слова «коньки»,— я был совсем маленьким.

...Почему люди, стоит им войти в вагон и бросить на полку вещи, прилипают к окну?... Что там? Тот же перрон, на котором они в ожидании томилась и который знаком им до каждого окурка и... странно это, а?..

Капает... Это, говорят, хорошая примета— уезжать в дождь... Правда, куда уезжать,— послезавтра обратно... Кто-то нарисовал на стекле с той стороны морду смеющуюся, и она плачет. Провожает нас? Обязательно плакать, когда провожаешь? Почему-то всегда плачут?! Мама никогда меня не провожала, даже в армию,— это у нас правило такое было, и не встречала— этого я не любил!.. Никогда не давал даже телеграмму о приезде и всегда знал, что мама скажет: «Я же вам говорила, что он придет!» Она всегда так говорит и всегда перестает болеть, если...

Уже просто льет... Сейчас поедим! Темно за окном, а все равно стоят и смотрят!.. Еще долго будут смотреть, даже когда ничего не будет видно, совсем...

А бабушка всегда становилась сердитой перед моим отъездом... Это так, чтобы не плакать... И никогда не убиралась!..

...Вот и всё!.. За окном так темно, что это уже и не окно, а зеркало и в нем я. В себя смотреть, что ли?... И зачем я еду?..

Омск, тринадцатое мая 1976 г.

...— Вы хотели бы сыграть современника?..

(из вопросов).

Ролики— это великое дело! Легко с ними, есть передышка. И хотя прекрасно знаешь, что будет дальше, все-таки отдых...

...Что это хотят строить? Вырыли огромную яму, воды в ней полно, и прямо в воду кладут бетонные плиты... Может, такой нынче метод?! В Переделкино я видел, как прямо на снег кладут асфальт: после инфаркта, говорят, теперь на третий день вставать велят... Может, такой метод нынче!..

— Вы случаем не сторож?!

Взгляд у него с ухмылкой какой-то безнадежной, наверное, давно ищет... Руки в масле...

— Да нет, знаете, не берут!
Очень остроумно это у меня выходит, дальше некуда!

В глазах у него появляется тоска.

— Ну да, конечно!..

— А вы что хотели? Ищете кого?..

— Сторожа... Кабель надо на ночь оставить... А ведь сопрут!

— Сопрут, конечно! А что, я бы спер!

Это уже верх остроумия...

— Вот и я говорю... А сторожа нет нигде!..

Ноги его грустно и бесполезно пошли куда-то... Давно ищет, видно! Какого вы хотите современника? Того, что боится за кабель, или того, который может спереть?!.. Современники!..

Переделкино, май 1976 г.

...Машина стояла под яблоней и стала вся в беленькую крапинку от падающих лепестков цвета! Это было похоже на первый снег... Или на последний снег... Я не стал стряхивать, а когда поехал, ветер отклеивал лепестки и по одному уносил... Это было похоже на первый снег... Или на последний снег... Который таял...

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?!

Задний двор Дома политехпросвещения. Что-то строят, что-то копают... Ямы, мусор, забор... Вышел покурить и проветриться, пока на лекции идет ролик. Это надо же такая жара! Сибирь, май месяц, а уже все отцветает.

Ах, какая девка! Прямо олененок какой-то! Длинноногая, вся очень нескладная, носки внутрь ставит и вся прямо сжимается от смущения... Откуда она взялась здесь?! Через забор перелезла, что ли?

— Дайте мне, пожалуйста, ваш автограф, а?— И покраснела вся, даже колени. А на щеке крестик-шрам...

— Конечно! Откуда ты такая?

— Из-за забора!..

— Что это за метка у тебя на щеке?— Так смущение не сыграешь, скажут: так не бывает, надо же?..

— Петух это... Когда маленькая еще...

И вдруг совершенно неожиданное:

— А что такое счастье?!

Чего это она так... Какое-то странное ощущение... Как в детстве по головке гладят... И мурашки...

— Знаешь, счастье— это когда вот такая возникает из мусора и спрашивает: «Что такое счастье?» Вот что такое счастье!.. А завтра, может, это будет несчастьем, не знаю!.. Тебя как зовут?

— Све-е-та!— И она опять ежится, трется щекой о платье на плече и оставляет чуть приоткрытым рот...— Я к вам еще приду, послушать... Вот вам тут!..

Она уходит. Ролик кончается... Надо идти... Как она туго лопатки свела... Как будто боится, что кину камень...

Я сижу и смотрю в эту сжатую от смущения спину, а в руке у меня ее подарок: веточка сирени с цветками, похожими на шрамики-крестики... Шрамик-крестик... Шрамик-крестик... Надо же!..

Переделкино, май 1976 г.

Гитка искупалась в пруду, перебаламутила все и стала пахнуть тинной и Дуремаром... Я ей говорю это, а она только улыбается и тербит поводок. Не знает она Дуремара. Не умеет она читать про страну Дураков. Она СОБАКА...

Переделкино, 24.8.1976 г.

...Все, наверное, проходят через стихи в своей жизни?! Очень многие проходят через «дневник». И, как правило, дневник пишется с расчетом на то, что обязательно прочтут. Либо человек, о котором пишется, особенно если пишущий к нему неравнодушен, либо рассчитывается не менее чем на все человечество, чего там греха таить!..

30.8.1976 г.

...Смотришь в небо, просто так смотришь, вроде бы и не думаешь ни о чем. И вдруг такое ощущение, что вот еще чуточку, самую чуточку— и поймешь, для чего ты, для чего ВСЕ!..

Завтра я лечу в Болгарию!..

Лидка прислала очаровательное письмо. Жаль, если не она сама придумала: «...Амур такой серый, что как будто всадник проскакал и за ним пыль столбом...»

21.9.1976 г.

Дар— бескорыстно отданное что-то...

Даром— просто так, что ли?

Обладает ДАРОМ— обладает бескорыстно отданным. А если: даром всё это (зря, значит)? Так получается: обладает ЗРЯ, что ли?

Собака привыкла спать под одеялом, под которым спит человек. Она ложится под одеяло, прижимается к человеку или кладет на него голову. А человека нет, есть одно одеяло, и она долго подкручивает его лапой, делает какие-то складки, потом ложится и кладет на эти складки голову. Одеяло пахнет человеком.

Собака построила себе человека!..

Машина стукнулась о стоящий посреди дороги трейлер. А если все это с точки зрения этого трейлера?!

Разговор по телефону: «Алло! Что это у тебя голос не человеческий?»

Вертеевка. Столовая придорожная. Человек никак не может наладить транзистор. Как только он отходит от столика, где сидят люди, которым, как ему кажется, привычно есть под музыку (москвичи все едят под музыку), транзистор начинает работать исправно, возвращается снова— хрипит. Ему хочется, чтобы людям было как дома, чтобы им здесь понравилось, а транзистор хрипит...

Черноголовка, 9.10. 76 г.

Гостиница из кирпича, и ощущение, что его многого. Странные, никому не нужные лабиринты. Все это очень похоже на Башню терпения. Думаю, что так оно и будет, хорошо хоть тепло!.. Есть вот только нечего. На первом этаже, где сидят две замерзшие женщины— одна администратор, другая держательница ключей, что ли,— висит расписание, из которого видно, что там-то и там-то в такое-то время можно пообедать; самое страшное, что чем ближе к выходным дням, тем возможностей меньше и меньше, а в воскресенье возможность приходит к нулю!

Ялта. Ливадийская больница. 29.12.76 г.

...Случай, случай, случай...

А если бы я не попросился в поликлинику проверить легкие?..

А если бы я настоял и уехал с Митькой на машине?..

А если бы...

Очень смешно! Это, вероятно, чувство стеснения и сопротивления. Какие каталки?..

Ольга Семеновна— зав. отделением...

Цветы на окне... Как они называются?..

Врач из реанимации. Лицо у него болезненное какое-то...

Опять каталка, и на нее меня переносят на руках...

— Головной конец сюда,— говорит кто-то.

Вывезли головой вперед.

П.Н.Р. или П. Р. Н.— буквы на халате врача из реанимации.

30.12.76 г.

П.Р.Н.— это Песоченский Рудольф Николаевич значит.

Реанимация— это возвращение к жизни значит.

31.12.76 г.

...Новый год!..

Я больше люблю по старому календарю Новый год!..

Владислав Александрович— зав. реанимации. Он очень долго пролежал на этой же кровати с инсультом: «Я когда лежал здесь, все на эти деревья смотрел. Чего я только в этих сучьях не видел!.. А сейчас ничего— деревья и деревья!»

Смешной! Как же можно не видеть?!

13.1.77 г.

Сегодня Новый год!

Правда, для меня так называемый Старый Новый год почему-то милее, уютнее. На подоконнике у меня цветы. Новый год, а вместо елки— цветы.

...Ель моя, ель— уходящий олень...

14.1.77 г.

Пришла срочная телеграмма из Петропавловска-на-Камчатке: любим, целуем...

А Новый год начинается с пятницы...

15.1.77 г.

...Разрешили в кровати лежать как угодно! Сестры заулыбались, так как я не очень-то лежу не «как угодно». Но само разрешение официальное — это уже значит, что все сдвинулось! Сорок пять минус восемнадцать равно двадцати семи. Осталось двадцать семь дней! До двадцати шестого я должен хорошо научиться сидеть на стуле (долго).

16.1.77 г. Осталось двадцать шесть дней.

Дежурит Рудольф Николаевич — это ясно по громкому голосу. С ним Таня — «Большая». Рудольф заходит ко мне и выслушивает сердце, он всегда очень внимательно это делает.

— Вы могли бы поговорить с начмедом и начать реабилитацию, хоть две недельки, а?

...Никогда не понять ему, что мне нужно, мне необходимо вырваться отсюда ровно через сорок пять дней, я себя уже запрограммировал на это, я считаю даже не дни...

17.1.77 г.

Трое мальчишек заглядывают через занавеску окна:

— Это он!..

— Ну да?!..

— Ой, точно, он!..

18.1.77 г.

Говорят, в американской армии проводились опыты: брали абсолютно здоровых солдат, укладывали их на три недели в постель, и они после этого не могли ходить. Они просто забывали, как это делается, вернее, не они забывали, но мозг подавал команды, а ноги забывали, как их, эти команды, выполнять!..

Действительно, смешно, лежишь, чувствуешь себя абсолютно здоровым человеком, то есть человеком, способным на все те действия, которые ты выполнял до того, как лег, начинаешь вставать и понимаешь, что все не так просто, как кажется!.. Голова ходуном, колени дрожат, пот выступает...

Все надо учиться делать заново!.. А самое главное ощущение — это сердце, его все время чувствуешь, знаешь, что оно есть. Мало того, кажется, что оно из тонкого-тонкого стекла!.. А раньше вообще не обращал на него внимания, так... есть и есть!..

20.1.77 г.

Что-то врачи засуетились!..

Вот смех-то! Мою последнюю кардиограмму стали — по ошибке — сравнивать с кардиограммой той, что поступившей семидесятилетней бабушки!..

...Дошел до окна... За окном все не так, как представлял! Все не так!

Пришло письмо с Камчатки. Фотография Лидки ее сахалинского периода. Огромная она стала.

22.1.77 г.

Дошел до ординаторской — это уже очень много. Должны звонить из Москвы. Пригодилось мое умение вязать. Девочки-сестры улыбаются причудам... Ну и хорошо, что улыбаются, я люблю, когда улыбаются...

Когда входит врач и говорит, что меня там спрашивает какой-то Адамьянц, я начинаю нашаривать нитроглицерин. Вот Мишка! Приехал-таки, Мишка!.. Он смотрит на меня, иногда гладит, как маленького, сует какие-то яблоки... Мишка приехал — это радость!..

23.1.77 г.

...Там, в «зале», кто-то «уходит», по-нашему значит умирает!.. Постников дежурит — ему не везет, у него подряд «уходит» уже третий...

Он не на меня сердится, когда входит, и ругает за то, что я смотрю телевизор, и когда говорит, что «мы тут слабинку дали», — это я понимаю потом, а сейчас... я болезненно не люблю, когда так со мной говорят!..

24.1.77 г.

Рука разболелась, говорят, флебит. Ходить из-за этого сегодня не разрешают. Симптомов флебита нет, может, нерв?..

25.1.77 г.

...Значит, осталось семнадцать дней!..

...Ничего это не значит, ничего!

Аневризм — это когда вместо рубца образуется такой серый сморщенный мешок, который надувается и опадает, надувается и опадает, надувается и... Почему серый? Противно...

26.1.77 г.

Рудольф предложил проходить реабилитацию в Симферополе. Хорошенькое дело! Еще месяц! Не знаю!

Составили с ним график движения: когда садиться, когда ложиться, пульс и пр. Результат будет: 30 метров в день!

Рука болит. Нашел точку, на которую если нажать, перестает болеть.

Вчера приехал Андрей. Хочет, чтобы я после выписки поехал к ним отдыхать... А я как эти сестры: в Москву, в Москву!.. Зачем?..

30.1.77 г.

Завтра Андрюшка уедет. Хожу потихоньку. Сердце ношу, а не хожу! Может, завтра пойду на улицу... Осталось двенадцать дней!..

Переделкино. 20.2.77 г.

...На столе стоит «Колибри» в чехле...

От одного взгляда на нее что-то такое происходит внутри, сердце начинает биться слишком часто, что при его нынешнем положении противопоказано, и хочется не думать о ней и не можешь... Это как при втором или третьем свидании с любимой, когда уже знаешь, что будешь ей говорить, какие ласковые слова и как нежно притрагиваться... Все ведь надо заново пережить, отстучать сердцем, отболеть им так же, как тогда...

...Я подхожу к ней и осторожно кладу руку, тихо-тихо, хороню от сердца, приучаю его, рука начинает медленно скользить вбок, вот и первая кнопочка... Осторожнее, чтобы не сплунуть... Едва уловимый щелк прохочет, и вот сердце уже у горла!.. Мне уже все равно, сердцу не хватает места... Вторая кнопка... Я начинаю срывать с нее остатки грубой для ее тела одежды... Вот ОНА! Вот она, готовая принять меня, мое, сделать это нашим!.. Нельзя мне, у меня с вашей сестрой должна быть мир-дружба... Но как справиться с этим невозможным желанием?.. Я касаюсь первой клавиши, и сердце начинает грохотать в унисон с ее мелодичным постукиванием, какое счастье, что я не умею быстро печатать, иначе бы оно — это мешающее мне обладать ею сердце — лопнуло бы окончательно!..

20.2.77 г.

...Часто, слушая вокал, свободный от жеманства, искусственности и напряжения, мы говорим, что такой-то или такая-то поет природой, естествен... С тем же успехом мы можем утверждать, что какой-нибудь умопомрачительный прыжок через препятствие, совершенный чистокровным скакуном в состязаниях на Кубок Нации, есть заслуга одной лишь всемогущей и неотесанной природы, или же доказывать, что маститый чемпион велогонки взбирается на кручи альпийских перевалов быстрее всех лишь благодаря природе своих мускулов и особому строению сухожилий. Не требуется, мол, занятий, не требуется репетиций, упражнений, диеты, не нужно метода, стиля, работоспособности, дара самокритики, умения распределять силы. Все это излишне как для вокалиста, так и для скакуна и велосипедиста. Обо всем позаботится природа, удача, счастливый случай. Все можно свести к статистической вероятности, к физическим условиям. Роль интеллекта, упорных занятий, воображения, мужества, умения собраться оказывается по такой логике равной нулю. Каких только глупостей не повторяют насчет роли природы и везения, забывая, что еще Данте предостерег:

...на перине лежа,

Ни славы не добыть, ни одеяла!

3.3.77 г.

Вчера у нас был «санаторный» день. Договорились с Митькой, что никуда не поедет и будем проводить время, как в санатории: бездумно и беззаботно. Целый день играли в карты, ели, смотрели телевизор... Мне постоянно шла карта, и я выигрывал (кому в карты не везет, того вряд ли кто полюбит). Все было очень тихо-мирно, без всплесков, а сердце почему-то разболелось, даже страшно стало.

Сегодня поликлиника, ЖСК со справками — опять ехать в Москву.

25.3.77 г.

...отчего же так болит голова?! Уже третий день! Митьку задержала ГАИ на Минском шоссе, а он ездит на моей машине (все еще вздрагиваю от «моей») и с моими документами. Смотрит милиционер на права, на фотографию, потом на него и говорит:

— А вы не... Я вас где-то видел?!

Митька решается на дальнейшую ложь.

— В кино могли меня видеть.

— А, да, да! Конечно, в кино! — И опять смотрит на фотографию и на Митьку. А Митька, чтобы больше быть на меня похожим, тарасит глаза изо всех сил. — А знаете, я бы вас никогда не узнал, если бы не фамилия ваша...

Митьке повезло, что в машине лежал буклет мой, он схватил его и сунул милиции на память, пока они рассматривали фотографии, Митька уехал. Надо возить все время с собой буклет — помогает.

Мы гуляли ночью с Гитаной, и я стал рисовать на снегу сердце, чтобы показать Митьке, что такое аневризм...

— Ты голову покажи, голову нарисуй, где она?

Гитана думала, что мы затеяли с ней новую игру, а я рисовал то, от чего могу умереть.

«Мы больше страшимся хороших поступков по отношению к нам, чем плохих...»

Может быть, потому, что не можем позволить себе таких же, вернее, не способны на такие же. В результате остаемся в долгу, в долгу вечном, в долгу, который никогда не сможешь отдать сполна. Это нас тяготит и неволит, мы перестаем принадлежать себе самим — мы начинаем принадлежать долгу...

Часы — это страшно, особенно страшно становится, когда обратишь на них внимание. Так, обычно, их не замечаешь, есть они и есть, но стоит задуматься о времени, как о чем-то вещественном, имеющем для тебя лично предел, часы становятся носителем чего-то, от чего хочется выть, кричать, кусаться... Только все это безрезультатно, как во сне — ты что-то предпринимаешь, куда-то бежишь... Так и в этом случае: можно разбить ЧАСЫ, но ВРЕМЯ все равно будет отсчитываться, так, как ты это уже видел, ты уже это знаешь, видел эти вспыхивающие беззвучно точки — секунды, появляющиеся ниоткуда цифры минут...

И в такт этим вспыхивающим точкам в мозгу звучат слова: меньше, меньше, меньше...

Меньше становится не времени, а тебя самого...

Часы, вероятно, придумал добрый человек, желающий людям помочь что-то успеть, что-то не потерять, а превратились они в крохотные гильотинки, на глазах отрубавшие секунды человеческого существования, и этоavorаживает, как всякая казнь.

«Маятник, как медная секира, срубает головы минут...»

5.8. 1977 г.

...За окном дождь. А может, это не дождь, а так с деревьев капает, потому что ветер вдруг налетает?.. Нет, дождь... Уже поздно, а Лидка все еще не спит — завтра ее не добудешь. Да и незачем будить. Она уже прибежала интересоваться, еду ли я куда-нибудь с утра и можно ли ей будет «отоспаться» наконец. Спит она в сторожке, говорит, что там воздух свежий, а по-моему, там сыро, а Лидка и так кашляет...

Лидка помыслась, пошла в сторожку, нет, чего-то забыла, бежит обратно.

— Папа, папа, скорей пойдём, скорей!

— Лидка, отстань, тебе давно уже пора спать, иди.

— Ну, папа, скорей! Посмотри!

— Что там еще?

— Смотри, пап, ежик на крыльце!..

— Не трогай его, что я — ежа не видал, что ли? Отпусти его, у него свои дела. Иди уже спать в конце концов...

Мать гремит на кухне чем-то...

У отца третьего дня был день рождения...

6.8.77 г.

«Как обещало, не обманывая,
Явилось солнце утром рано...»

...Весь вечер и почти всю ночь Небо ворчал, перетаскивая тучи с места на место, как будто что-то разыскивало. Оказывается, это была генеральная уборка. Утром Земля сверкала вымытая и ухоженная, а на каждом листике висел бриллиант... И только жасмин весь спутанный, как волосы у Лидки...

— Ну, как здоровье?

— Вы спрашиваете о здоровье телесном или духовном? Если о духовном, то душа нетленна и, вероятно, готовится к очередному переходу, а если о телесном — это откуда смотреть. С точки зрения завтра — хорошо, с точки зрения вчера — хуже, значит, нормально!..

Интересно, если провести описание интерьера, как описание места происшествия: от входной двери по часовой стрелке?! Когдаходишь в дверь, то взгляд упирается в лестницу, ведущую на второй этаж дачи, лестница деревянная, выкрашенная охрой. Сразу справа дверь, мы войдем в нее позже. Под лестницей белая дверь с дыркой в левом верхнем углу в виде треугольника, за дверью чулан с лыжами, лыжными палками, сумкой и картошкой и всякой всячиной, которая попадает обычно в чуланы за ненадобностью и оседает там надолго. Ванная комната. Белая раковина. Мыло со следами зубов крыс или «крыскинтайев» — так их зовут Митька, зубные щетки, паста, какой-то крем. Вода из крана все время капает. Низкая, вделанная в пол ванна, над ней сломанная решетка для сушки белья. Это я сломал ее, когда однажды стирал простыни и слишком много повесил их на нее сразу. Два крана с холодной и горячей водой. Для того, чтобы потекла горячая вода, надо сильно открыть левый кран, и тогда наверху в кухне зажжется газовая горелка, нужно подождать, пока сойдет из труб холодная вода, но особо горячей она все равно не будет. Мыться неудобно, так как ванна все время засоряется — плохой сток, наверное. Здесь же стоит старая стиральная машина, которая стирает с удовольствием, если бросить в нее один носовой платок, если два — хуже... Окно выходит на глухой забор, за которым нечистая территория. Над раковиной, чуть правее ее, висит множество полотенец разной расцветки и назначения, но никто, честно говоря, не знает, каким что вытирать...

Есть в ванной комнате электронагреватель, такой круглый рефлектор. Это хорошо, так как одна маленькая батарея парового отопления недостаточно нагревает комнату. Над стиральной машиной висит замасловатая полочка, на которой иногда стоят стиральные порошки. Слева от входной двери вешалка с нагромождением старых и новых дубленок, пальто и шалок разного размера и калибра. Под ногами валенки, тапочки, перчатки и рукавицы, упавшие с батареи...

Пошли наверх?.. На площадке лестницы еще одна вешалка с кашошницей, на стене большое зеркало, позволяющее осмотреть себя с головы до ног. Слева от зеркала репродукция какой-то картины с мифологическим сюжетом. Стены выкрашены розовой краской, выцветшей от времени и солнца, которое попадает сюда из окна над верхним пролетом лестницы. На наружной стороне стенки чулана, выходящей на лестницу, в овальной рамке висит фотография седого мужчины с тростью, про которого Т. В. говорит, что это дальний предок-сенатор, хотя сама же через пять минут сознается, что это не так и вообще непонятно, кто это такой. Фотография, как все старые портреты, приятна своей «сепией» и значительностью. Справа на стене, если подниматься по верхнему пролету лестницы, висит много больших и маленьких картин в разнообразных рамках и рамах. Про женщину в шляпке и со снопом, который она держит рукой с шестью пальцами, Т. В. говорит, что это предпологаемая голова кисти Ватто, а остальное рисовал «черт знает какой француз». Васильев, Серов... Маленькая стилизованная голова из керамики, кусок коры с увядшей травой... Криминалисту пришлось бы попутать, возьмись он описывать все это по порядку и досконально!.. А ведь это только начало... Существуют еще четыре комнаты, кухня, огромная терраса, и везде немыслимое количество вещей, вещичек, которые развешаны, разбросаны, просто брошены как попало повсюду с книгами и журналами, которые читаются или не читаются, во всяком случае, никогда не кладутся на какое-нибудь определенное место. Над всем этим беспорядочным порядком, только так можно определить положение вещей в доме, царит Т. В. — Татьяна Валерьевна. Скорее всего не «над», а «в» и не царит, а лавирует.

Сама она замечательный переводчик, профессиональный, четкий. Переводит, как она сама говорит, позов, которые умерли не меньше полувека назад. Кроме этого, справляется с двумя малопонятными личностями — это Митька и я. Кроме нас, есть еще собаки: Чуня, Фантик и Гитана, которые требуют не так заботы, как еды. Алеша и Таня — это, правда, ветвь, то есть не постоянный ствол забот, но тоже я вам скажу! И еще мама ее... Скоро еще будет мама моя...

Сегодня третье марта. Календарная Весна началась, а снегу подваливает Зима, хотя прекрасно понимает, что деться некуда. Красиво за окном, очень красиво! Чего, казалось бы. Черное и белое все — снег и деревья, а вот надо же, как красиво. Правда, ели и сосны вроде бы зеленые, но снег такой белый, что эта незначительная зелень кажется черной. Окно похоже на гравюру...

Митька уехал в Москву. У него сегодня плотный день. Митька, этот точно скоро с ног свалится. То все были здоровы, он один в больных числился, а теперь все вокруг больны, а он между всеми крутится. Не поехал я сегодня к врачам своей в поликлинику, все разъехались, и так тихо, так тихо...

Сердце чем ближе к вечеру, тем сильнее болит, что это?! Чего-то вспомнил прошлую зиму, наше житье с Митькой в Крюкове... Да!..

В Зеленоград мы поехали впервые с Митькой в начале декабря прошлого года. Нам надо было что-то такое, что утвердило бы нас в собственных глазах, какое-то преодоление чего-то! Дача, на которую мы с ним попали, была как раз то, чего нам не хватало. Место как в сказке. Лес, который зимой, да еще в темноте — мы приехали ночью, — казался особенно дремучим и страшным. Во дворе лежал совершенно не тронутый снег, даже жаль было наступать на него... Вся эта красота, окружающая дачу, так контрастировала с тем, что было внутри, что не знаю, как у Митьки, а у меня последние волосы встали дыбом. Кучи помороженных яблок лежали на кроватях, на полу замерзшая вода, в воздухе стоял густой замороженный запах мышей.

Обратно мы долго ехали молча. Митька вел машину.

— Там нужно будет сменить пару батарей — это нетрудно, батареи есть во дворе. Ты чего загрустил?

А я не грустил, я был просто в отчаянии. Какие там батареи? Мне казалось, что только разгести все это — и то уже немыслимый подвиг. И вдруг мне пришла в голову гениальная идея...

Следующий раз мы ехали в Крюково с двумя баллонами для сварки, батареями, какими-то трубками (сгонами) и с Колей. Коля был сварщик, человек невысокого роста с голубыми глазами и непоколебимой уверенностью, что все хорошо. Он лежал на баллонах с кислородом и ацетиленом, курил, выражая на лице полную уверенность, что все будет хорошо. Митька невозмутимо вел машину, просевшую до земли от необычного груза, я со страхом поглядывал на Колю сигаретой. «Шамиль», так прозвал наш ВАЗ-2102 Мишка Адамьянц, поскрипывая подвесками, вез нас в будущее!..

Будущее наше началось с того, что Коля развил бурную деятельность.

— Давайте, ребята, заливайте систему, только горячей водой, может, где прихватило, а там посмотрим, где что!..

Хорошо, что в баллонах был еще остаток газа и плита функционировала. Стали греть, стали заливать. Из пяти батарей три оказались с дырками, но это была еще не самая главная беда. Котел, который был в печке, тек — вот это уже было под ложку прямо!..

Что творилось в доме!.. Вода, которая вытекала из батарей и труб, растекалась по полу и превращала его в каток, так как температура в комнатах и на улице одинаковая — минус двадцать пять... Коля заменил батареи (я смотрел на него, как на бога), сказал, что надо опять заливать систему. Залили. Котел тек фонтанчиком. Слили. Воды в комнатах, особенно в кухне, было по щиколотку. Коля залез по поясу в печь заваривать котел. Он варил «телом», варил «приварком», мы заливали воду, а фонтанчик переходил в другое место на котле, мы сливали воду. Коля варил, мы заливали воду — фонтанчик... и так пять или шесть раз. Каждый раз по десять ведер. Всего, значит, шестьдесят, и большая часть воды оставалась на полу... Каждый следующий раз мне хотелось плюнуть, но Митька говорил: «Чего ж столько мучились, давай еще раз!» И все начиналось сначала. В конце концов я понял, что умру, вмерзну здесь в этот лед, но никого не выпущу.

Очередной раз поелозив огнем по боку котла, Коля крикнул:

- Заливай и затопляй!
- Зальет же огонь!
- Не зальет, выпарит воду, если потечет. Затопляй.

Затопили. Огонь действительно пересилил фонтанчик, и вода, нагреваясь, стала сначала тихо, а потом все сильнее постукивать в трубах. Где-то еще подтекало, но все сильнее Коле удалось, не заставляя нас сливать воду, что-то подтягивать, замазывать...

Колю мы довели до такси, отправили в город и кинулись на дачу, там все могло прогореть в печке, и фонтанчик...

Я не знаю, как мы ночевали, помню, что утром градусник показывал плюс четыре, я вспомнил, что зимой около дна реки такая же температура и что при такой температуре хорошо хранить соленые огурцы, когда-то наши деды опускали бочки с соленьями в прорубь... Но мы же не огурцы!..

Начиналась наша борьба за существование, борьба

за жизнь в полном смысле этого слова! Гоняли в поисках дров, пилили их, мотались за газом, доставали электрообогреватель, так как печка с ее системой не удовлетворяла нас, и температура на даче выше двенадцати градусов не хотела подниматься. В конце концов пять каминов стояли в разных углах дачи, счетчик крутился как бешеный, и мы потребляли энергию маленькой электростанции. И каждый день, как наказание свыше, мы вытаскивали машины, то Митькину рыжую, то моего «Шамиля»! Зима тоже, я вам скажу, подкладывала нам свиную — тридцать, двадцать пять, тридцать пять с минусом. А однажды утром, когда я подошел к окну посмотреть, чем она нас порадовала, я думал, что сломался градусник, — сорок один градус! Блаженствовала только Гитана, большую часть времени проводившая на улице, она приходила заиндеветшая, но довольная свалившейся на нее свободой.

В конце концов человек привыкает ко всему, правда, если он активен, иначе он просто умирает. Привыкли к нашему житью-бытью и мы. На даче стало уютно, вечера удавались иногда очень хорошие. У «мамки» мы утащили телевизор маленький, и он, конечно, скрашивал наше существование. Однажды рискнули зажечь камин, но больше никогда этого не делали. До сих пор не пойму, кто додумался дымоход в камине делать с двумя коленами через железную трубу!..

Митька писал стихи и, по-моему, дневник, я гулял с Гиткой и пытался ее дрессировать. На втором этаже дачи стоял маленький бильярд, на котором мы, предварительно надев на себя все, что можно, иногда играли. В общем, жизнь входила в колею, и мы стали подумывать о гостях. Даже хотели учредить приз для первого гостя, причем для гостя, который придет на дачу сам. Начали строить всякие планы, белье купили постельное, что явно говорило о том, что мы начали обживать.

Недавно напомнил ему об этой зиме, и оказывается, он тоже часто вспоминает это время, и у него действительно есть какие-то записи... Начались обычные в таких случаях «а помнишь?»...

Сижу и перебираю старые журналы, которых здесь уйма. Половину и даже больше того, что в них написано, можно выкинуть, так как это дань времени или даже моменту. И вот я, как судья, что-то вырываю для того, чтобы потом перелести и оставить жить, а что-то выбрасываю из жизни. Конечно, где-то это останется в других журналах, у других людей, но для нас, скорее всего, это уже не будет существовать... К чему это я?..

«Еще раз про любовь» — фильм с Дорониной и Лазаревым.

По-моему, очень хороший фильм, и играют они хорошо. Мать говорит, что она однообразна, а по-моему, это ее манера, своя, присущая ей, это индивидуальность. Если говорят: «Ты как Доронина», — если ее передразнивают, пародируют и можно узнать именно Доронину, значит, индивидуальна она. Закончить только нечем было фильм, поэтому героиню убили. Иначе кто знает, чем бы она кончилась, эта еще одна любовь? В общем-то все знают...

...Жил-был Я...

Стоит ли об этом?!

(Курсанов)

...Жил-был Пруд!..

Когда-то его не было, а потом он стал, его сотворили. Правда, никто, и он в том числе, не помнил ЗАЧЕМ...

Безмятежные пузыри детства, юность с волнениями от залетавших Ветерков, зрелость с желаниями во что-то вылиться (ах, эти дожди и вечное их капанье!), наконец, обречение принципами и...

Он имел прошлое, настоящее и... надеялся на будущее: тихое, спокойное зарастание сегодняшнего!..

Вот, правда... Хотя, нет, все-таки что-то мешало... Иногда где-то там, глубоко-глубоко, какая-то струя, нет, струйка!..

Пруд начинал забыто волноваться!.. Он очень боялся, что ЭТО собьет ряску его безмятежности и привычек. Он пытался подавить в себе... Хорошо, что это происходило все реже и реже...

— А что стало с прудом? Помните, мы даже пытались купаться в этом миниатюрном очаровании?!

— Перестал бить Родник, который питал его, засорился, наверное. Стало болото какое-то! Комары... Ну и засыпали его. Мусором сначала, потом сровняли... Да какой там пруд, так, лужа была!.. Пошли отсюда, сыро!..

Публикация
Наталии ЛИТВИНЕНКО.

ЗАРУБЕЖНАЯ МОЗАИКА

Пушки вместо хлеба

Голод, бедность и нищета стали повседневными буднями богатейшей страны — Соединенных Штатов Америки. Только в Вашингтоне в окрестностях Белого дома действуют 18 благотворительных кухонь и пунктов выдачи продовольствия для бедных. И в пригородах столицы открылись такие же кухни и ночлежки. Губернатор штата Массачусетс Майкл Дьюкэйкс обвинил центральные власти в том, что «в то время, как мы не в состоянии накормить досыта своих детей, правительство выделяет миллионы долларов для свержения правительства Никарагуа — и миллиарды на вооружение».

«ЭЛАН», ФРГ

ИЗОБРЕТЕНИЯ ЛЕОНАРДО В ДЕЙСТВИИ

Увлечением всей жизни Роберто Гателли, итальянца, живущего в Нью-Йорке, является исследование и «материализация» изобретений гениального художника и инженера Леонардо да Винчи. Многие годы Гателли занимается кропотливой расшифровкой указаний, содержащихся в эскизах и чертежах, выполненных 500 лет назад. Поняв способ действия, он тотчас переходит к практическому созданию аппарата или механизма. Результатом его усилий является целая галерея моделей — одних в натуральную величину, других в миниатюре, — которые воспроизводят идеи великого флорентийца. Среди выполненных моделей имеются и такие, что уже вошли в нашу жизнь. Таковы, например, летательные аппараты, придуманные пять столетий назад Леонардо да Винчи и чрезвычайно похожие на современные дельтапланы и парашюты; подъемные мосты или многоствольные вращающиеся орудия... Последней работой Гателли является домкрат, созданный из дерева и латуни по чертежам великого мастера. Работает домкрат безупречно.

«ТАЙМ», США

Лисы — предвестники землетрясения

В ходе многолетних наблюдений, проводившихся в префектуре Акита на острове Хонсю, японский сейсмолог Кодзо Гудо расширил список животных, которые активно реагируют на сейсмическую деятельность. Он заметил, например, что лисы исчезают из района бедствия за несколько часов до землетрясения.

«АСАХИ», ЯПОНИЯ

Так ли уж слаб «слабый пол»?

Группа статистиков в течение года регистрировала объем работы, выполняемой домохозяйкой, имеющей мужа и двоих детей. Результат оказался ошеломляющим: за указанный промежуток времени женщина вымыла 18 тысяч ножей, ложек и вилок, 13 тысяч тарелок, 6 тысяч чашек и 3 тысячи кастрюль, сковородок и горшков. Домохозяйка ставила посуду на стол, а после употребления мыла ее и возвращала на место в кухонный шкаф. Общий вес перенесенной таким образом посуды равнялся примерно пяти тоннам. Используя специальные приборы, измерили расстояние, которое приходится проделывать женщине в своих заботах по дому. Вот что из этого получилось: если семья живет в обычной двухкомнатной квартире, то хозяйка проходит ежедневно 10 тысяч шагов, а если есть еще и участок при доме, то количество шагов возрастает до 17 тысяч. Статистики выборочно приплюсовали к этому и расстояние, которое приходится покрывать домохозяйке, когда она идет на рынок, в магазин и т. п. Так вот: общее расстояние за год превысило две тысячи километров.

«ШТИНЦЭ ШИ ТЕХНИКЭ»,
РУМЫНИЯ

КОРОВЫ НА УЛИЦАХ

Бродячие бесхозные коровы создают немало трудностей водителям на улицах Дели. Газеты начали кампанию с целью положить конец «коровьей опасности», однако животные по-прежнему находят под защитой, и водители, чтобы избежать столкновений со спокойно бредущими «святынями», вынуждены совершать головокружительные зигзаги. Муниципалитет Дели образовал специальную службу, отвечающую за доставку бродячих коров в специальные загоны. Только за один год эта служба убрала с улиц индийской столицы 10 540 «священных» коров.

«МОТОР», ПОЛЬША

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ПОД БОСФОРОМ

В Анкаре продолжается изучение вопроса о строительстве железнодорожного туннеля под Босфорским проливом — туннель свяжет Азию с Европой. Одновременно с реализацией этого проекта начнутся работы по созданию подземной транспортной системы в европейской части Стамбула. Железнодорожное полотно длиной в 9 километров соединит прибрежные населенные пункты Сугутлусет и Эникап. Строительство всего комплекса сооружений продлится, как подсчитано, 8 лет и будет стоить примерно миллиард долларов.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ»,
США

Все меньше и меньше...

Самый маленький мотоцикл в мире? Похоже, что так. Его конструктор Андре Вахтер, механик из города Ульма (ФРГ), утверждает, что с успехом может использовать свое изобретение для передвижения по городу.

«ЮМАНИТЕ», ФРАНЦИЯ

Музей карнавала

Собрание необычных музеев мира пополнилось музеем карнавала. Его открытие приурочено к началу традиционного карнавального шествия, которое каждый год устраивается в Рио-де-Жанейро. Здание музея оборудовано по проекту знаменитого бразильского архитектора Оскара Нимейера. Основное место в экспозиции занимает огромный экран, на котором демонстрируются видеозаписи самых интересных исполнений танца самба. Несколько помещений отведено коллекции оригинальных костюмов и масок.

«КООПЕРАТИВНО СЕЛО»,
БОЛГАРИЯ

ОПАСНЫЙ ДЫМ

В средние века в некоторых европейских странах было запрещено использовать каменный уголь в качестве топлива. Например, в Лондоне в 1273 году был подписан королевский указ, квалифицировавший сжигание угля в топках печей как занятие, «вредное для здоровья». Первый штраф за загрязнение воздушного бассейна промышленными выбросами был также определен в Лондоне в 1365 году.

В середине XIX века химические предприятия выбрасывали в воздух огромное количество примесей, содержащих хлорную кислоту. Они убивали растительность и наносили огромный ущерб зданиям. Тогда же было предложено пропускать дым через воду — с тем чтобы «выбирать» из него хлорную кислоту. В 1863 году появился первый закон, направленный против загрязнения окружающей среды, получивший впоследствии название «Щелочной закон». Однако и в наши дни охраняемые меры недостаточно эффективны: только в Западной Европе ежегодно в атмосферу выбрасывается 25 миллионов тонн окиси серы, которая, вступив в реакцию с влажным воздухом, выпадает на землю в виде «кислотных дождей».

«ТАЙМС»,
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Скупают историю...

Американская фирма, купившая в свое время океанский лайнер «Куин Мэри», чтобы сделать из него отель, находящийся ныне в Лос-Анджелесе, обратила взгляд в сторону еще одной британской достопримечательности. Фирма намерена приобрести здание вокзала, расположенного на небольшой железнодорожной станции в Уэльсе. Строем это прославилось благодаря начертанному на нем необычайно длинному валлийскому названию местечка: Лланфэрпвлл-лвингиллогеричвиридробллллан-тизилиогого. Оно означает «Церковь св. Мэри у маленького озера с белым орешником близ стремительного водопада у красной пещеры, что принадлежит церкви св. Тизилио». Здание предполагается разобрать, а затем восстановить в Калифорнии, разумеется, сохранив экзотическую надпись. Жители местечка хотели бы видеть отслуживший свое вокзал на старом месте. Однако им трудно собрать 140 тысяч фунтов — сумму, которую собираются заплатить американцы. Утешением огорченным валлийцам может служить разве что пример исторического Лондонского моста, соединявшего некогда берега Темзы. Он тоже был перевезен за океан и камень за камнем восстановлен в Аризонской пустыне...

«ЮНГЕ ВЕЛЬТ», ГДР

ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

Леонид МЛЕЧИН

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Фред не сумел отказаться ни от второй, ни от третьей чашечки кофе, который Брунинг наливал из большого кофейника, принесенного с кухни. Он проглотил все три с несвойственной ему жадностью, но удовольствие от кофе было безнадежно испорчено. Косясь на медный кофейник, Фред ругал себя за безволие. Вчерашняя решимость отказаться от кофе, как туман, рассеялась с первыми лучами солнца. Задолго до рассвета Фред был уже на ногах, следил за последними приготовлениями и, хотя его лицо сохраняло обычную угрюмую бесстрастность, сильно нервничал.

Статья Джейн Броуди в «Нью-Йорк таймс» подействовала на него сильнее, чем он сам думал. Фред был невероятно мнителен во всем, что касалось здоровья. Постоянно подозревал у себя какие-то болезни, пугался при малейшем недомогании, с каким-то странным удовольствием читал популярную медицинскую литературу.

Из-за страха перед никотином и алкоголем он уже лишил себя сигарет и спиртного. Теперь «Нью-Йорк таймс» отнимала у него кофе. Фред уже как-то пробовал перейти на кофе без кофеина, но, лишившись привычного утреннего допинга, смалодушничал. Теперь он выяснил, что потребляет не менее тысячи миллиграммов кофеина в день, поскольку умудряется проглотить на работе минимум десять чашечек. Следовательно, его организм подвергался постоянной интоксикации кофеином. От этого медицинского термина ему вчера стало сильно не по себе. Расстройство сна, головные боли, беспокойство, раздражительность, сердцебиение, диарея, боли в желудке, депрессия, нежелание работать — он нашел у себя все симптомы. Теперь ему стало ясно, почему он так болезненно переносит отказ от кофе: синдром абстиненции, от этого страдают все наркоманы, лишившись обычной порции. Так, во всяком случае, следовало из статьи. Тогда-то Фред и дал себе клятвенное обещание отказаться на веки вечные от кофе, пусть даже несколько дней ему придется помучиться. Фред был полон решимости перейти на напитки типа «Севен-ап», «Спрайт», «Фанта» и имбирный эль, а заодно по утрам заниматься гимнастикой...

Эмсли остановил в комнате несколько портативных японских телевизоров «Сони». Три основных американские телекомпании — Эй-би-си, Си-би-эс и Эн-би-си — транслировали обычные дневные передачи. Скользя по трем экранам равнодушным взглядом, Фред сосредоточился на четвертом. В голубом прямоугольнике что-то бесконечно мелькало. Ко всем четырем телевизорам были подсоединены видеомониторы. Наконец четвертый экран ожил. Фред, Эмсли и Брунинг уставились на известную каждому американцу гигантскую башню — памятник Джорджу Вашингтону, внутри которого находился музей. Было что-то странное в этом неозвученном изображении. Несколько случайных туристов вышли из музея. За ними наблюдал одинокий служащий.

Брунинг занялся сложной радиоаппаратурой, установленной прямо на полу. Чтобы включить ее, ему пришлось присесть на корточки. Микрофон с длинным шнуром он установил на столе перед Фредом. Эмсли вопросительно посмотрел на Фреда.

— Теперь ждате, — сказал Фред. — Пять минут назад он выехал из отеля.

До рождества оставалось несколько дней. Приближение праздника ощущалось даже в официальном Вашингтоне. Из магазинов люди выходили с красиво перевязанными коробками и свертками, город приобрел праздничный вид, телепередачи стали заметно веселее, и служба опросов общественного мнения сообщала, что количество времени, проводимого вашингтонцами у телевизоров, увеличилось. Погода подкрепляла надежду на приятные праздники. Невысокое зимнее солнце исправно несло вахту над Вашингтоном, гарантируя, что никаких осадков не ожидается.

В политической жизни наступил определенный вакуум. Люди ничего не хотели знать о проблемах,

которые подстерегали их в будущем году; хотя бы несколько дней без забот и тревог...

Первая информация поступила в 9.20. Прежде чем выслушать доклад своего агента, Фред велел Бруннгу включить магнитофон. Катушкам с магнитной лентой предстояло крутиться до самого вечера. События этого дня уместятся на невидимой человеческому глазу дорожке магнитной записи. Это совершенно безопасно: магнитофонные и видеокассеты, которые будут записаны сегодня, никогда не попадут в чужие руки. Закон о рассекречивании документов по истечении срока давности на них тоже не распространяется.

Эмсли тронул Фреда за плечо:

— Смотрите, шеф.

На экране четвертого телевизора, на котором застыло изображение памятника Джорджу Вашингтону, вдруг что-то изменилось.

— Началось! — не выдержал Брунинг.

Фред посмотрел на часы: ровно половина десятого утра.

Белый микроавтобус «Форд» 1979 года выпуска с номерным знаком штата Флорида проехал мимо поста парковой полиции и остановился возле главного входа в мемориал Вашингтона. На кузове большими буквами было написано: «Задача № 1: запретить ядерное оружие». Из кабины вылез человек в темно-голубом спортивном костюме и черном мотоциклетном шлеме. Шлем, полностью закрывавший лицо, делал его похожим на марсианина. В руке он держал черную сумку, из которой торчала антенна. Стоявший поодаль служащий парка, заинтересовавшийся странным человеком, подошел поближе. Через несколько секунд с выпученными от страха глазами он помчался прочь. Несомненно, он бежал к находящемуся неподалеку посту парковой полиции.

Фред не видел лиц полицейских, к которым бросился служащий, но мог себе представить, что в эту минуту испытывают блюстители порядка, чья задача отгонять пьяниц и позировать перед фотоаппаратами туристов. На экране что-то замелькало, потом все очистилось. Не было видно ни одного человека, кроме водителя микроавтобуса.

Фред явно недооценил начальника поста парковой полиции, дежурившего в тот день. Он велел увести подалеке совершенно обезумевшего служащего, который заикался и дрожал мелкой дрожью, и пошел к телефону, чтобы доложить начальству: у подножия мемориала стоит микроавтобус, начиненный тысячами фунтов тринитротолуола, и некий Филип Никольс угрожает разнести памятник взрывчаткой, если не будут приняты его требования. В настоящее время, добавил полицейский, в музее осталось восемь человек: шесть туристов и двое служащих.

Охрану всех американских парков несет специальное подразделение полиции, подведомственное министерству внутренних дел. Через несколько минут капитан Пэйп из парковой полиции был на месте. Ему передали конверт, в котором был один листок бумаги, исписанный от руки. Филип Никольс изъявлял желание вести переговоры только с представителем прессы. Короткая приписка гласила: «Или вы в качестве акта благодарности запретите ядерное оружие, или получите хорошее светопредставление». Капитан Пэйп выругался. Один из полицейских обратился к нему:

— Капитан, я все время держу его на прицеле. Один выстрел и...

— Заткнитесь! — завопил Пэйп.

Похоже, он был рад выместить на ком-нибудь раздражение, которое распирало его. Потом взял трубку телефона. Световые маячки над его машиной безостановочно вращались, разбрызгивая вокруг желтые отблески, от них рябило в глазах.

Фреда интересовало, сколько понадобится времени, чтобы новость достигла ушей журналистов. Ведь некоторое время информация должна крутиться внутри государственного аппарата, тем более что в это дело неминуемо вовлекалось несколько его звеньев: секретная служба, а следовательно, и министерство финансов, ФБР, парковая полиция, полиция федер-

ального округа Колумбия, состоящего, собственно, из одного Вашингтона, ЦРУ...

Из южных окон Белого дома был хорошо виден белый микроавтобус у подножия памятника, окруженного множеством флаштовков. Звездно-полосатые флаги полоскались на ветру. От начиненного взрывчаткой микроавтобуса до Белого дома было меньше километра.

Первой отреагировала личная охрана президента. Были запущены моторы нескольких вертолетов, чтобы в соответствии с планом на случай чрезвычайных обстоятельств вывезти президента и его окружение из Белого дома на авиабазу Эндриус. Приведено в готовность бомбоубежище под Белым домом, где оборудована так называемая ситуационная комната — из нее можно руководить страной в случае войны. А пока что президент и первую леди перевели подалеке от опасной зоны. Ланч, на котором должен был присутствовать президент, из комнаты, обращенной окнами к монументу, перенесли в другое помещение.

Фред не терял из виду экраны трех остальных телевизоров. Взволнованный диктор Си-би-эс зачитывал сверхсрочную информацию, которая мгновение спустя распространилась по всей Америке. Эн-би-си и Эй-би-си тоже прервали передачи, чтобы рассказать о том, что происходит неподалеку от Белого дома.

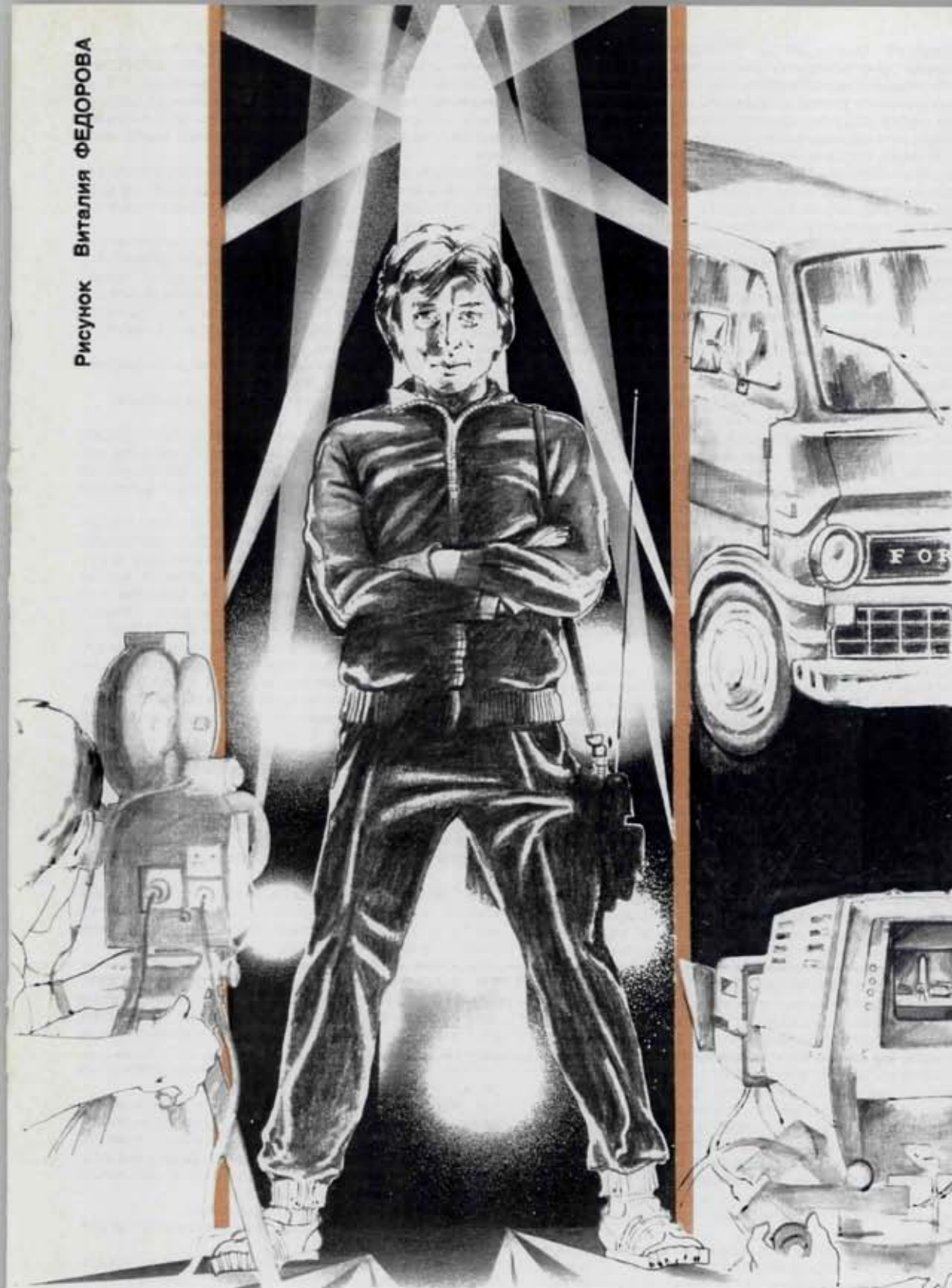
Фред посмотрел на часы: о безумце, задумавшем взорвать памятник Вашингтону, американцам сообщили всего через сорок минут после того, как Филип Никольс остановил свой «форд» у входа в мемориал. Такой прыти Фред не ожидал от своих коллег, которые отвечали за работу с журналистами. Его даже напугала подобная сверхоперативность: редакции газет и телекомпаний начали обзванивать прежде установленного времени. Впоследствии, подумал Фред, это может вызвать подозрения: кто и почему столь настойчиво приглашал прессу и телевидение к памятнику Вашингтону, когда даже ФБР еще ничего не было известно.

Когда автобусы телекомпаний подъехали к Белому дому и американцам показали прямой репортаж об угрозе, нависшей над президентом и Вашингтоном, начальник секретной службы тоже включил телевизор. Все меры предосторожности были приняты, и он не знал, что еще предпринять.

Секретная служба была создана в рамках министерства финансов в 1865 году для борьбы с фальшивомонетчиками (эта задача по-прежнему числится за ней), но после покушения на жизнь президента Уильяма Мак-Кинли в 1901 году взяла на себя охрану хозяина Белого дома. Сотрудники секретной службы не пользуются расположением американцев: иногда они месяцами «бездельничают», работа для них начинается, лишь когда президент отправляется в поездку по стране или за границу. Их легко узнать: крепкие, коротко стриженные молодые ребята в костюмах устаревшего покроя, внимательно разглядывающие толпу. Многие американцы считают, что от секретной службы мало толку: чем она помогла Джону Кеннеди? Да и те президенты, которые оставались живыми после покушений, были обязаны этим не своим телохранителям, а счастливой случайности. За секретной службой числились разные грешки. Поговаривали, что ее сотрудники занимаются подслушиванием внутренних телефонов Белого дома, а иной раз и исследуют сейфы некоторых его обитателей, разумеется, с ведома и по прямому указанию президента.

Нынешний глава секретной службы, пробившийся наверх из простых охранников, стремился во что бы то ни стало укрепить престиж своего ведомства, но не знал, как это сделать. Если бы произошло покушение и если бы его люди сумели защитить президента... Но, по правде сказать, начальник секретной службы не питал особых иллюзий. Когда президента хотят убить, его убивают.

Он, не отрываясь, смотрел на телеэкран. Эта история предоставляла ему шанс. Но секретную службу сразу отстранили от дела, когда он предложил

своими силами немедленно обезвредить преступника, ему даже не дали договорить.

«Вся нация превратилась в заложника», — вещал один из теледикторов. Фреду приходилось теперь делить свое внимание между всеми четырьмя экранами, чтобы не пропустить ничего важного. Самым неинтересным был четвертый экран: Филип Никольс все так же в одиночестве прохаживался около своего микроавтобуса. Зато три остальных экрана бушевали. Компании подключили лучшие силы, дабы удержать внимание зрителей. Тон выступавших становился все более трагичным. Атмосфера накалялась. «Один человек держит в руках всю страну!» «Мы все находимся в страхе по вине этого фанатика!»

Полиция блокировала центр столицы, некоторые магистрали были закрыты для автомобильного транспорта. Вашингтонцы не могли попасть домой. Двадцать тысяч федеральных служащих — их ведомства находились поблизости от мемориала — отпустили с работы.

К этому моменту специалисты по взрывному делу из Федерального бюро расследований уже доложили своему начальству, что хотя в сумке с торчащей из нее антенной, вполне вероятно, находится миниатюрный радиопередатчик, с помощью которого можно подорвать взрывчатку, тысяча фунтов тринитротолу-

ола лишь поцарапает мраморное покрытие памятника. Единственное, что угрожало Белому дому, — несколько выбитых ударной волной окон. Журналистам, однако, об этом не сказали.

На приличном расстоянии от памятника Вашингтону и Филипа Никольса с его черной сумкой парковая полиция организовала оцепление. Журналистов там скопилось не меньше, чем полицейских, — человек сто.

Три основные теле- и радиокomпаниии вели прямой репортаж в эфир. Газетчики то и дело бегали к телефонам, чтобы передать самую свежую информацию для очередного выпуска. После полудня для переговоров с Филипом Никольсом выделили корреспондента информационного агентства Ассошиэйтед Пресс. В течение последующих шести часов он несколько раз беседовал с Никольсом.

Никольс требовал, чтобы конгресс незамедлительно занялся обсуждением вопроса о ядерных вооружениях, чтобы средства массовой информации посвятили половину газетной площади, теле- и радиовремени этому вопросу.

В ответ Эй-би-си показала интервью с одной домохозяйкой из Южной Дакоты, которая прямо заявила: «Все эти активисты антивоенного движения кричат, что хотят спасти нас от ядерной смерти.

Теперь мы знаем их подлинное лицо». Это же интервью продублировала сеть частных телестанций. Корреспондент Си-би-эс беседовал с пожилым строителем из Висконсина. «Я не понимаю, почему полиция медлит! — кричал он в подставленный корреспондентом микрофон. — Никольсу и его единомышленникам место в тюрьме! Или пусть убегает в Россию, на чьи деньги они так стараются!» Супружеская пара — он и она пенсионеры — сказала, что просто не понимает, как вообще можно участвовать в антивоенном движении, если в нем состоят настоящие преступники.

В дневных выпусках всех провинциальных газет появились одинаковые сообщения корреспондентов информационных агентств ЮПИ и АР.

Начались возмущенные звонки в редакции газет: «Когда наконец покончат с этим негодяем, Филипом Никольсом?» Несколько сот человек, как торжественно объявил отдел Белого дома по связи с общественностью, сочли своим долгом выразить свою поддержку президенту. Они задали работу телефонисткам Белого дома, спеша выразить восхищение мужеством и стойкостью президента.

Фреду теперь приходилось все время вести какие-то переговоры по радио. Не все шло так, как было намечено. В два часа дня Никольс предложил восьми заложникам, оставшимся внутри мемориала, уйти. Первым эту новость услышал Эмсли, который тоже не снимал радионаушников. Фред нахмурился. Брунинг и Эмсли ожидающе смотрели на него: не пора ли кончать? Продолжать игру было опасно. Никто из них не мог поручиться, что Никольс не выкинет еще какой-нибудь номер.

Внимание всей страны по-прежнему было обращено к человеку в мотоциклетном шлеме, с черной сумкой в руках. Фред имел полную возможность убедиться, что, забыв о намеченных программах, телевидение и радио переключились целиком на Никольса.

— Поразительно, что этим наглым шантажом, — брызгал слюной фермер из штата Айова, — занимаются люди, которые кричат на каждом углу о необходимости покончить со злом и заставляют нас разоружаться. Могут себе представить, что они бы здесь устроили, если бы им поверили.

Фред предполагал, что в редакциях газет и на телевидении раздаются и другие звонки — с требованием прекратить клевету на антивоенное движение, прислушаться к голосу миллионов американцев, требующих ядерного разоружения, но о них ничего не сообщалось. С голубых экранов неслись одни проклятия Никольсу и иже с ним. Слово слепая злоба против него и таких, как он, — вот и все, что испытывали сейчас американцы.

Сумрак быстро сгустился над Вашингтоном. Вспыхнули фонари в парке, разделяющем памятник и Белый дом. Белый микроавтобус Никольса стал почти незаметен, констатировал один из сотрудников секретной службы, дежуривший у выходящих на юг окон резиденции президента.

— Шеф, — голос Эмсли заставил Фреда оторваться от телеэкранов, — только что передали: бывший работодатель Никольса — владелец гостиницы из Южной Флориды, у которого Никольс был служащим, — вылетел в Вашингтон, чтобы уговорить его сдаться.

Фред посмотрел на часы: семь вечера. Он с удовольствием прикрыл глаза. Целый день он не отрывался от мерцающих экранов. Пожалуй, хватит. Большого добиться все равно не удастся. Он кивнул Эмсли.

Ровно в 7.20 Филип Никольс залез в машину, включил двигатель. Вероятно, он хотел только вернуть свой микроавтобус, но, как только он двинулся с места, раздались выстрелы. Полицейские вели прицельный огонь. Микроавтобус пошло в сторону, и он перевернулся. Первым к микроавтобусу подбежал агент ФБР. Никольс был еще жив. Он прошептал: «Они попали мне в голову». Полицейский вертолет — крохотная тень на фоне гигантского памятника — опустил, его прожекторы осветили скрючившееся тело Филипа Никольса. Мотоциклетный шлем свалился с его головы, и на лице Никольса застыло выражение крайнего удивления. Или это только показалось агенту?

В Филипа Никольса попали четыре пули. Но на него сейчас никто не обращал внимания. Высыпавшие из патрульных автомобилей и синих фуругонов с гербом ФБР люди лихорадочно осматривали вывалившиеся из «форда» Никольса ящики.

Взрывчатки в микроавтобусе не оказалось. В ящи-

как был довольно приличный запас еды и безалкогольных напитков. Не оказалось и радиопередатчика, антенна была мистификацией.

Агент ФБР набросился на капитана Пэйна, приказавшего стрелять. «Я считал его опасным человеком, — хладнокровно ответил капитан, испытывавший, по-видимому, удовлетворение оттого, что сумел справиться хотя бы с одним возмутителем спокойствия. — Он мог поехать в сторону Белого дома. Нельзя же было подпускать начиненную взрывчаткой машину близко к дому президента. Его мешок с антенной выглядел как настоящая. Кто мог знать...»

Собственно говоря, ему незачем было оправдываться. Кроме сотрудников ФБР, которые предположили бы получить в руки живого Никольса, чтобы иметь возможность допросить его, никто ни в чем не обвинял полицию. Смерть была сочтена справедливым возмездием человеку, осмелившемуся бросить вызов спокойствию американцев.

Фред оделся и ушел из квартиры, где они просидели весь день, оставив Брунига и Эмсли возиться с аппаратурой. На платной стоянке служивший вывел его автомобиль. Выехав на улицу, Фред по привычке включил радио и тут же выключил. История с Филипом Никольсом по-прежнему была в центре внимания радиопрограмм. Последнее, что услышал Фред, — слова хозяина гостиницы, где работал прежде Никольс: «Если бы я успел, он был бы жив. Столько людей совершают убийства, и они все еще живы. Филип собирался что-то сделать ради спасения людей, и его убили».

Рэндольф Хобсон был «жаворонком», его жена — «совой». Это значит: он встает до рассвета, пробегает рысцой несколько миль и в семь часов уже сидит в офисе. Она может до полудня провалиться в постели, не чувствует никакого интереса к жизни до вечера, когда готова принимать гостей или танцевать всю ночь. Но к этому времени он уже спит.

Мир пернатых, разумеется, не имеет к этому ни малейшего отношения. Хобсон был, что называется, дневным человеком, его жена — ночным. В Стэнфордском университете Хобсон краем уха слышал, что в мозгу человека есть какие-то клетки, которые контролируют жизненный цикл — когда спать, когда работать. Во время прошлой предвыборной кампании ему частенько приходилось бывать в Стэнфорде; если у него оставалось свободное время, он заходил в лабораторию сна при университете, там он услышал немало любопытного.

Ученые, правда, считали, что «сов» и «жаворонков» в чистом виде не так уж много. Чаще всего склонность людей рано вставать или, наоборот, работать по ночам — результат привычки, ритма, складывающегося с первых лет жизни человека.

Хобсон читал, что большинство супругов, даже если дневные ритмы мужа и жены не совпадают, со временем притираются друг к другу. У них в семье этого не получилось. Рэндольф Хобсон приезжал в Белый дом одним из первых, чтобы ознакомиться с американской прессой и информационными сводками о комментариях зарубежных средств массовой информации, посвященных американской политике. Затем участвовал в инструктивном совещании аппарата Белого дома, которое проводил руководитель аппарата, или его заместитель, или советник президента Генри Дуглас. Иногда Хобсона приглашали в Овальный кабинет, где неизменно присутствовала вышеупомянутая тройка, помощник президента по вопросам национальной безопасности Адриан Корт и кто-нибудь из высших чиновников. Но чаще Хобсона вызывал к себе Дуглас и говорил, что на сегодняшней пресс-конференции нужно обратить внимание на то-то и то-то, внушить журналистам такие-то и такие-то мысли, о том-то умолчать. Потом начинался длительный рабочий день. Две пресс-конференции, одна узкая — важная, вторая — широкая, имеющая обычно чисто формальное значение. И главное — бесконечные встречи с журналистами, аккредитованными при Белом доме, сложные, требующие больших затрат нервной энергии беседы: занимаемое им кресло требовало умения ладить с опытнейшими людьми, которыми американские газеты, телекомпании и информационные агентства укомплектовывали свои Вашингтонские бюро. С утра и до вечера он должен был, не выказывая раздражения, без усталости защищать политику президента, убеждать журналистов сконцентрировать внимание на том, что может понравиться избирателям, уводя их в сторону от вопиющих ошибок, неудач и безответственных акций администрации.

К вечеру Хобсон терял голос и не мог пошевелить ни ногой, ни рукой. Тарахлил глаза и автоматически продолжал улыбаться. Именно эта улыбка выводила из себя миссис Хобсон. Как раз тогда, когда она была готова активно включиться в Вашингтонскую жизнь,

Рэндольф Хобсон мечтал поскорее улечься спать. Редкий день обходился без скандала. После этого Хобсон долго не мог заснуть, а его жена — с благородным гневом в глазах и румянцем на щеках, который, как ее все уверяли, удивительно ей шел, — уезжала к одной из многочисленных подруг.

Вечером того дня, когда Филип Никольс потребовал от правительства Соединенных Штатов запретить производство ядерного оружия, а всех американцев призвал задуматься над угрозой всеобщей атомной смерти, в семействе Хобсонов разразился грандиозный скандал. Хобсон здорово вымотался и надеялся отдохнуть в субботу и воскресенье. Дома же выяснилось, что на уик-энд у четы Хобсонов иные планы: два вечерних приема и один званый обед. Словом, нервную дрожь при воспоминании о вчерашней сцене Хобсон испытывал еще и на следующий день утром, когда без двадцати семь переступил порог своего кабинета.

Едва он уселся за письменный стол, зазвонил телефон, словно кто-то ждал этого момента. Его соединили с заведующим Вашингтонским бюро информационного агентства Юнайтед пресс интернэшнл. С ним Хобсон был знаком лет десять.

— Видел утренние выпуски газет? — поинтересовался заведующий бюро.

— Не хочешь же ты сказать, что встаешь раньше меня? — бодро начал Хобсон. — Хотя что я говорю. Ты просто еще не ложился. Ты же, счастливчик, не находишься на государственной службе.

— Ясно, — констатировал заведующий бюро, — еще не читал. Я позволю позаведать.

Он повесил трубку, а Рэндольф Хобсон почувствовал щемящее беспокойство. Что-то произошло.

В половине девятого утра владелец адвокатской конторы Бертис Холл прибыл в офис. Через несколько минут в его кабинет вошла секретарша.

Она положила на стол свежую почту и сообщила: — В приемной дожидается клиент. Мистер Уэстлейк из Флориды.

— Попросите его подождать.

Холл быстро пролистал газеты. Первые полосы были посвящены рассказу о событиях вчерашнего дня. Газеты единодушно возмущались наглостью человека, посмевшего угрожать президенту и стране.

Немало крепких слов пришлось на долю участников антивоенного движения. Как говорилось в одной из редакционных статей, если кто-то раньше и питал к ним симпатию, находил в их доводах рациональное зерно, то теперь убедился: эти люди еще более отвратительные «ястребы», чем те, кого они обвиняют в «ястребиной» политике. Как раз они-то и готовы уничтожить страну во имя достижения своих целей...

Глаза Холла скользили по страницам, ни на чем не задерживаясь, пока адвокат не заметил рецензию на книгу о нынешнем президенте. Из нее следовало, что в прошлую избирательную кампанию люди нынешнего хозяина Белого дома украли у соперника — президента Грайнза, надеявшегося остаться на второй срок, важные документы, которые были переданы Генри Дугласу, а он, в свою очередь, показал их Рэндольфу Хобсону. Документы, похищенные из избирательного комитета президента Грайнза, сыграли немаловажную роль в предвыборных баталиях и способствовали поражению Грайнза, хотя первоначально опросы общественного мнения сулили ему победу.

Украдены были копии всех важнейших материалов, определявших предвыборную стратегию Грайнза, списки поддерживавших его активистов (по штатам и округам) и потенциальных жертвователей, которых предстояло обработать в нужном направлении, а также черновики программных заявлений Грайнза, всех его речей и выступлений. Зная его позиции по ключевым внутри- и внешнеполитическим проблемам, аргументацию по каждому вопросу, претендент на президентское кресло смог на диво хорошо подготовиться. Грайнз в результате постоянно оказывался в худшем положении, его выступления не имели успеха, поскольку претендент неизменно умудрялся опередить его. Тогда это казалось политической прозорливостью...

Президент сидел спиной к окну, глядя поверх огромного антикварного стола на мраморный камин, занимающий главное место у северной стены. Два дня назад у него был день рождения. Пятидесятипятилетний юбилей он встретил в кругу семьи и еще сегодня с утра был в хорошем расположении духа. До прихода Дугласа.

Генри Дуглас с номером «Вашингтон пост» в руках — у него только что побывал Хобсон — стоял около стола с левой стороны.

Президент и Дуглас молчали. Слово «Уотергейт» не было произнесено. Но хозяин Белого дома и его советник думали именно о том, как Никсон лишился

своего поста. Любую грязную историю в высших эшелонах власти теперь сравнивали с «Уотергейтом». И сейчас параллель была пугающе очевидной. Сам президент был когда-то профессиональным адвокатом в Техасе и хорошо понимал, сколь губительными для репутации могут оказаться подобные разоблачения.

Президент думал о том, какой линии поведения ему придерживаться. Дуглас — о том, что, если не произойдет чуда, кто-то должен стать козлом отпущения. Но кто? Неужели он, Дуглас?

Но потом их мысли приобрели общее направление: кто вытащил эту старую историю на свет божий? Кто отдал этот материал газетам и начал охоту? Президент взъерошил безукоризненно уложенные волосы (прическа — предмет особого внимания, как это часто бывает у лысеющих блондинов). Такое случилось с ним в минуты крайнего волнения.

Ответы на поставленные вопросы имели решающее значение.

Потому что Америка вступила в год выборов.

Бертис Холл изучающе смотрел на клиента. Перед ним сидел пожилой человек, который вряд ли мог похвастаться отменным здоровьем. Морщинистая шея, худое лицо, толстые стекла очков — старческая дальновзоркость берет свое...

— По-видимому, господин Уэстлейк, — Холл тщательно подобрал слова, — вы не совсем отдаете себе отчет в том, какой неблагоприятный резонанс могут иметь ваши действия. Этот человек сейчас в глазах всей Америки олицетворение зла. Вы уверены, что ваша репутация выдержит любые нападки, которые на вас обрушатся незамедлительно, лишь только вы возьмете под защиту этого человека? Может пострадать ваш бизнес — у вас ведь несколько гостиниц на юге, если я вас правильно понял?

Уэстлейк вовсе не чувствовал себя героем, способным восстать против всех, но он не хотел так быстро сдаваться.

— С ним поступили несправедливо. Он хотел только добра. Он думал, что только таким образом можно заставить людей задуматься над происходящим вокруг. Он часто говорил, что все сошло с ума и мир катится к пропасти. Его поступок — безумие, но не преступление.

Бертис Холл внимательно наблюдал за Уэстлейком.

— Следовательно, вы по-прежнему хотите, чтобы я занялся вашим иском против полиции и постарался как-то оправдать в глазах общественного мнения вашего бывшего служащего?

Уэстлейк утвердительно кивнул головой.

— Когда я услышал по телевизору об этой истории, я сразу позвонил в полицию и сказал, что немедленно лечу в Вашингтон. Вне всякого сомнения, я убедил бы его... Но когда я прилетел, все было кончено. Они не должны были стрелять.

Холл минуту молчал, переключая бумагу на столе.

— Хорошо, — наконец произнес он, — я согласен заняться этим делом. Любой клиент, исправно платящий гонорар, вправе получить от адвоката помощь. Теперь вам придется откровенно ответить на несколько моих вопросов. Во-первых, что вас лично связывает с Филипом Никольсом?

Уэстлейк ответил без промедления:

— Он приходился двоюродным братом моей покойной жене.

— Так я и думал, — удовлетворенно кивнул Холл. — Во-вторых, почему Никольс покинул Флориду?

— Работая у меня в гостинице, он накопил немного денег и решил поехать в Вашингтон. Он надеялся изложить кому-нибудь в столице свои взгляды на гонку вооружений. Я-то ему советовал помалкивать. Люди нашего круга уверены: если мы не будем вооружаться, русские проглотят нас. Никольсу изрядно доставалось, когда он высказывался насчет того, что американские стратеги виновны в не меньших грехах, чем Гитлер, и не русские, а мы несем ответ за гонку вооружений. Но в столице, видно, тоже никто не захотел с ним разговаривать.

— Когда он уехал в Вашингтон?

— С полгода назад.

— Где он жил?

Уэстлейк вытащил мятый листок бумаги.

— Он остановился в мотеле «Даунтаун». Приехал на машине. Зарегистрировался там под фамилией своей матери — Батлер, — добавил Уэстлейк.

Холл вызвал секретаршу.

— Сейчас мы выполним необходимые формальности, — объяснил он Уэстлейку, — и я приступлю к ведению вашего дела.

Продолжение следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.04.84. Подписано к печати 04.05.84. А 09571. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 10,23. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 1350000 экз. Изд. № 1441. Заказ № 2624. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КОНКУРС ЮМОРИСТИЧЕСКИХ РИСУНКОВ

Рисунок Т. ЮНАКА, Киев

Рисунок Александра МОРЕВА, Москва.

— Выпишите, пожалуйста, ЭТОТ КОСТЮМ!

ШАШКИШАХМАТЫШАШКИ

26 шахматная ОЛИМПИАДА

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

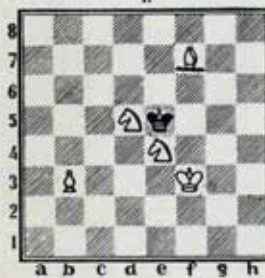
Близится финиш

Наше заочное шахматное соревнование вступает в завершающую стадию. Последние четыре тура будут решающими для тех, кто борется за главные призы нашей олимпиады и рассчитывает повысить свой спортивный разряд. Как и положено, задания заключительных туров — повышенной трудности. Кроме того, они не будут сопровождаться пояснительными примерами, в которых раскрывалась бы тематика задач. Однако сведения, ранее полученные участниками олимпиады, несомненно, окажутся весьма полезными для разгадки самых сложных заданий.

Одиннадцатый тур

Белые: Крс8, Сg4, Ch4, Kf3, п. b6
(5)
Черные: Кра8, Кс5 (2)
Белые начинают и дают мат в 4 хода (2 балла)

Белые: Крf3, Сf7, Кd5, Ke4, п. b3
(5)
Черные: Кре5 (1)

Белые начинают и дают мат в 6 ходов (3 балла)

Белые: Крд3, Ка8, Кс2 (3)
Черные: Крf4, Лаб, Кd5 (3)
Белые начинают и делают ничью (3 балла)
Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «26-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок присылки ответов (по почтовому штемпелю) — 1 августа.

2 шашечная ОЛИМПИАДА

Под редакцией мастера Виктора КРАМАРЕНКО

Позиция Саргина

Шашистам необходимо знать позиции, где дамка и две простые борются с дамкой противника. Впервые полное исследование было представлено в 1891 году Д. И. Саргиным (1859—1921). Характерная деталь окончания — обе простые отрезаны по нижнему «двойнику» неприятельской дамкой.

На диаграмме позиция Саргина. Результат в ней зависит от того, чья очередь хода. Если первый

ход делают белые, то они выигрывают. Если очередь хода за черными, то они добиваются ничьей.

Ход белых — выигрыш. 1. b4—e5 g1—c5. Если 1... g1—a7, то 2. h2—g1 a7—b8 3. c3—d4, и простые шашки белых легко проходят в дамки. Если 1... g1—e3, то 2. h2—g1, и у черных под запретом поля f4, g5 и h6 ввиду 3. g1—e3х.

2. h2—g1 c5—e7. При других ходах — 2... c5—d6 или 2... c5—f8 — путь простой a5 в дамки был бы открыт. Теперь же на 3. a5—b6? последовало бы 3... e7—f6! 4. g1—d4 f6—d8 5. b6—a7 d8—a5 с ничьей.

3. g1—d4! e7—d8. Нельзя 3... e7—h4 из-за 4. d4—f2х.

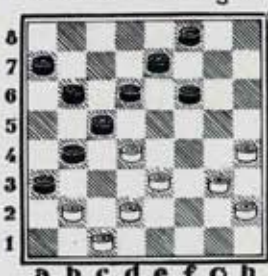
4. d4—e5! d8—e7. Это сейчас единственный безопасный ход. Но проигрыш все равно неизбежен, так как теперь может начать продвигаться шашка a5.

5. a5—b6 e7—d8. Теперь простая белых свободно проходит в дамки.

6. b6—a7 d8—a5 7. c3—d4 и т. д. Дальнейший план ясен: белые вначале превращают одну шашку в дамку, затем проводят и другую.

Одиннадцатый тур

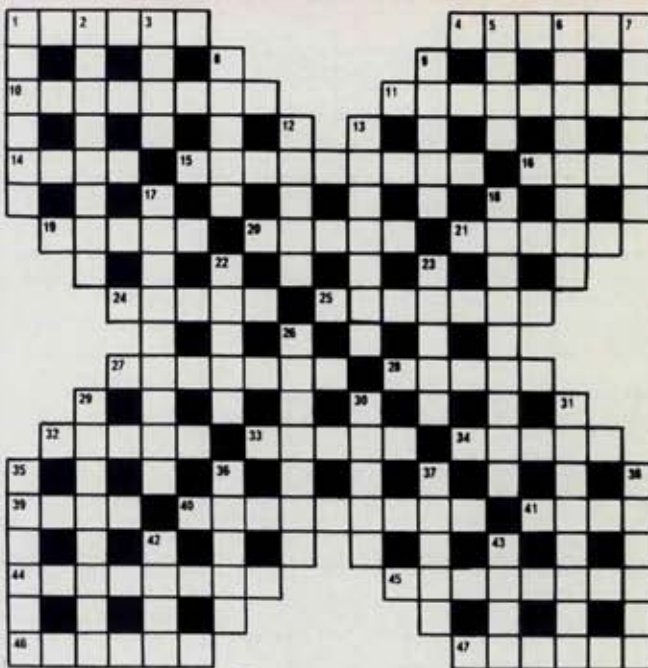
1. Найдите ничью в позиции Саргина при ходе черных (1 балл)
2—3. В. Рябцов (Енакиево)
Публикуются впервые.

В обеих позициях белые начинают и выигрывают (по 2 балла).
Ответы на задания одиннадцатого тура присылайте с пометкой: «2-я шашечная олимпиада. 11-й тур». Последний срок присылки ответов — 1 августа (по почтовому штемпелю).

КРОССВОРД

Составил М. Солодуков, Москва

По горизонтали:

1. Зимняя вечеринка в русской деревне, род литературного собрания. 4. Советский писатель, автор романа «Танкер «Дербент»». 10. Фонетическое выделение единицы речи. 11. Поэт-певец в средневековой французской провинции Прованс. 14. Роман Ж. Санд. 15. Течение в русской поэзии конца XIX — начала XX века. 16. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 19. Учебное заведение, которое окончили несколько русских поэтов-декабристов. 20. Знак препинания. 21. Басня И. А. Крылова. 24. Рассказ из «Записок охотника» И. С. Тургенева.

25. Литературное произведение. 27. Древнегреческая хоровая сваденная песня. 28. Часть романа, поэмы. 32. Важный элемент стиха, который в России долго называли краесогласием. 33. Родина Одиссея. 34. Бытовавшее в русской поэзии название растительного мира. 39. Персонаж пьесы-сказки А. Н. Островского «Снегурочка». 40. Писатель. 41. Условная речевая единица стиха. 44. Мирозрение, проникнутое любовью к людям. 45. Небольшой смешной рассказ. 46. Солнечный камень, воспетый Э. Межелайтисом. 47. Род литературы.

По вертикали:

1. Один из основателей общества «Арзамас», членом которого был А. С. Пушкин. 2. Жанр народной литературы. 3. Один из героев баллады К. Симонова «Сын артиллериста». 5. Роман С. Айни. 6. Шутливое или любовное стихотворение. 7. Место действия трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта». 8. Поэт. 9. Законченный оборот речи. 12. Создатель литературного произведения. 13. Записная книжка. 17. Народная форма стиха в казахской поэзии. 18. Великий грузинский поэт. 22. Стихотворный размер. 23. Английский поэт-

романтик. 26. Строфа, которой написано «Бородино» М. Ю. Лермонтова. 29. Роман Д. Олдриджа. 30. Небольшая пьеса. 31. Жанр комической поэзии, близкий к пародии. 35. Стихотворение с грустным настроением. 36. Фестивальная литература. 37. Фамилия братьев, немецких писателей-сказочников. 38. Итальянская восьмистишная строфа. 42. Первый киргизский балет, созданный на основе фольклора. 43. Поездка, с движением которой В. Маяковский сравнил течение лет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

По горизонтали:

По вертикали:

7. Чемодан. 8. Европий. 9. Мандрил. 14. Эпидник. 17. Альтист. 20. Братство. 21. Палочник. 22. Ажиотаж. 23. Штатив. 27. Фабула. 30. Изомераза. 31. Нигрол. 32. Участь. 33. Килогаусс. 34. Гринда. 37. Транец. 40. Инвалид. 42. Вивальди. 43. Луизиана. 44. Оксиген. 45. Гандбол. 49. Яркость. 53. Цветница. 54. Журавль.

1. Щепка. 2. Зонд. 3. Мали. 4. Хват. 5. Фонд. 6. Кижи. 10. Наана. 11. Росси. 12. Лава. 13. Этногеография. 14. Этаж. 15. Юкола. 16. Нанду. 18. Ложнослив. 19. Спаррафучиле. 24. Триер. 25. Таран. 26. Вилка. 27. «Фауст». 28. Брага. 29. Литке. 35. Ирвин. 36. Делиб. 38. Резак. 39. Нюанс. 40. Идол. 41. Дуня. 46. Алей. 47. Дыня. 48. Овца. 50. Раут. 51. Овал. 52. Толк.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

ЕСЛИ ВЫ ЗАХОТИТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА НАШ ЖУРНАЛ В ТЕЧЕНИЕ 1984 ГОДА, ТО МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ В ЛЮБОМ ПОЧТОВОМ ОТДЕЛЕНИИ СВЯЗИ, В АГЕНТСТВЕ «СОЮЗПЕЧАТЬ» ДО 1-го ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА (НАПРИМЕР, В ТЕЧЕНИЕ ИЮНЯ ДО 1 ИЮЛЯ — НА АВГУСТ И ДАЛЕЕ).

Подписка проводится свободно, без ограничений.

Цена номера 35 копеек.

Не забудьте при этом, что «Смена» выходит два раза в месяц.

ПОДПИСКА НА «СМЕНУ» ПРОДОЛЖАЕТСЯ

МОТИВЫ

Кони.
Златогривые кони.
Кони белые, розовые, голубые.

Одни скачут рассветной ранью, почти не касаясь земли, другие взвиваются в вечеряющем небе над крышами башен-многоэтажек, а третьи и вовсе стремятся перепрыгнуть золоченый диск солнца...

Спрашиваю московского художника Анатолия Кретова: «Почему именно кони, откуда такое пристрастие?»

го полиграфического института. В Союз художников СССР вступал как график. За последние несколько лет им были выполнены иллюстрации к роману «Князь Серебряный» А. К. Толстого, к поэме «Пугачев» С. Есенина, к «Сказанию о царе Макс-Емельяне» С. Кирсанова, к роману «Кануны» В. Белова, к «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого.

Работает Кретов не только в разных жанрах, но и в разной технике: масло,

СТАРЫЙ ГОРОД.

ДОЖДЬ.

ПОРТРЕТ ЖЕНЫ.

КРИСТИНА.

— Эти кони из моего детства, которое прошло в Перерве на излучине Москвы-реки. Места удивительные. Недаром там работал Суриков. На противоположном крутом берегу возвышается древнее село Коломенское с белокаменными церквями — памятник архитектуры XVI века. Далеко окрест раскинулись заливные луга и к самому горизонту уходит петляющая гладь реки. Мальчишками мы частенько бегали к воде, завистливо смотрели, как конюхи купают лошадей, и высшей мечтой было погладить конскую гриву, не говоря уже о том, чтобы прокатиться. Вот с тех пор у меня появилось — и осталось — желание изображать коней, символизирующих собой, если хотите, детство — чистое и незапятнанное, стремительное и безвозвратное...

Белый конь детства — один из тематических мотивов творчества Анатолия Кретова. Художник он разностороннего плана. Пейзажи его поэтичны и тонки, портреты скульпы и выразительны. Много времени он посвящает книжной графике. Недаром окончил отделение оформления печатной продукции Московско-

ПОДМОСКОВНЫЙ МОТИВ.

акварель, темпера, пастель, офорт. А иногда техника, как в «Подмосковном мотиве», смешанная — тушь и пастель. «Все зависит от темы, — считает художник, — тема сама подскажет, в какой технике ее исполнить, может, и не сразу, но обязательно подскажет...»

Так произошло с ним в одной из поездок по стране, когда ему привелось побывать в старом русском городе Переславле-Залесском. Город знаменит прежде тем, что в нем родился Александр Невский. Здесь, на Переславльском озере, Петр I начал историю российского флота. Художник не мог не думать об этом, он бродил по низкорослым древним улицам, знакомился с людьми, заходил в дома и пытался представить, в какой технике лучше всего будет смотреться задуманный цикл работ «Встречи со старым городом».

Решение пришло случайно, когда в одном из домов увидел на стене небольшую лубяную картинку с изображением града Переславль-Залесского. Конечно, художник не собирался возвращаться к лубке, а решил продолжить его лучшие традиции. Но если лубяную картинку получают посредством оттиска на бумагу с липовой доски (лубка), то художник решил делать оттиск с линолеума. И если для подцветки лубяной картинке использовали анилиновые или растительные краски, то он для этой цели использовал акварель. Работа эта, естественно, была кропотливой. Времени ушло много, но, когда полностью закончил цикл, облегченно вздохнул — получилось именно то, о чем мечтал...

И снова увиделись ему златогривые кони детства, которые скачут рассветной ранью, почти не касаясь земли, взвиваются в вечеряющем небе и вот-вот перепрыгнут золоченый диск солнца...

ГОСТЬЯ.

